Святаго Григорія Чудотворца благодарственная рѣчь Оригену.

Предварительныя замѣчанія.

Рѣчь, которую Григорій, впослѣдствіи основатель Понтійской церкви и знаменитый «Чудотворецъ», произнесъ въ Кесаріи Палестинской при прощаніи съ своимъ учителемъ Оригеномъ, имѣя въ виду возвратиться на родину, по справедливости считается однимъ изъ поучительнѣйшихъ произведеній третьяго вѣка.

Значеніе ея основывается прежде всего на томъ, что она даетъ очень интересныя и важныя свѣдѣнія о методѣ преподаванія Оригена въ кесарійской школѣ. Св. Григорій весьма живо и наглядно изображаетъ, съ какимъ глубокимъ психологическимъ пониманіемъ, съ какимъ широкимъ взглядомъ и полнымъ любви усердіемъ, съ какою основательностью и всесторонностью, съ какимъ педагогическимъ тактомъ Оригенъ умѣлъ приковать къ себѣ учениковъ и возбудить въ нихъ горячую любовь и высокое уваженіе къ своей личности и къ занятіямъ «философіей». Онъ подробно описываетъ, какъ Оригенъ склонялъ сердца юношей къ изученію философіи, какъ потомъ онъ испытывалъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ по сократовскому методу и дѣлалъ способными воспринимать его ученіе, чтобы, подготовивши ихъ такимъ образомъ, своими лекціями, расположенными въ методической послѣдовательности, ввести въ различныя области знанія. Начало составляли логика и діалектика, затѣмъ слѣдовала физика (въ античномъ смыслѣ) съ присоединеніемъ геометріи и астрономіи. Эти науки должны были служить частью формальному развитію слушателей, а частью обогащенію ихъ знаніями относительно явле-

ній земли и неба. Собственно зерно обученія составляли этика и богословіе. Этическое наставленіе не должно было ограничиваться усвоеніемъ теоретическихъ положеній, но центръ тяжести его былъ въ практическомъ образованіи характеровъ, которое наилучшую норму имѣло въ живомъ примѣрѣ учителя. Богословіе обнимало съ одной стороны изученіе древнихъ мыслителей и поэтовъ, кромѣ безбожниковъ, и, съ другой стороны, изъясненіе Священнаго Писанія.—Св. Григорій слушалъ Оригена въ Кесаріи Палестинской, гдѣ онъ поселился послѣ вынужденнаго удаленія изъ Александріи. У Оригена не было основаній измѣнять свои педагогическіе пріемы, испытанные долголѣтней практикой; поэтому несомнѣнно, что тѣ свѣдѣнія, какія св. Григорій сообщаетъ о преподаваніи Оригена въ Кесаріи, могутъ быть перенесены и на дѣятельность его въ александрійской катихизической школѣ, а въ такомъ случаѣ на основаніи ихъ можно прослѣдить, какъ подъ его руководствомъ александрійское училище развилось въ христіанскую философскую школу въ полномъ смыслѣ слова.

Не менѣе важное значеніе рѣчи и въ томъ, что она является однимъ изъ главныхъ и самымъ надежнымъ источникомъ для біографіисамого автора ея. Св. Григорій сообщаетъ въ ней о юношескомъ періодѣ своей жизни до встрѣчи съ Оригеномъ и здѣсь даетъ такія свѣдѣнія, которыхъ нельзя найти въ другихъ источникахъ. Кромѣ того, какъ отдѣльныя мѣста рѣчи, такъ и все содержаніе ея представляютъ много цѣнныхъ данныхъ для характеристики личности св. Григорія въ столь важную пору его жизни: его борьбу съ самимъ собою, ревность къ самоусовершенствованію, стремленіе проникнуть въ христіанскія истины, жажду добродѣтели,—словомъ, въ извѣстномъ смыслѣ исторію развитія характера выдающагося отца Церкви III вѣка. Наконецъ, рѣчь отмѣчаетъ и тотъ путь, по которому шло сформированіе богословскихъ воззрѣній св. Григорія: въ Кесаріи онъ постигъ христіанство болѣе съ философской точки зрѣнія и, видимо, еще не всецѣло проникъ въ глубины христіанскихъ истинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уже усвоилъ тѣ сѣмена, которыя развились впослѣдствіи.

Обычно рѣчь св. Григорія называютъ «панегирикомъ». Но обозначеніе ея προσφωνητικὸς καὶ πανηγυρικὸς λόγος введено въ первый разъ только Gerh. Vossius'омъ († 1609 г.). Въ рукописяхъ она озаглавливается: λόγος προσφωνητικός. Самъ св. Григорій называетъ свою рѣчь λόγος χαριστήριος (III, 31 и IV, 40),

почему и мы поставили въ заглавіи: «благодарственная рѣчь». Въ дѣйствительности рѣчь св. Григорія не можетъ быть названа панегирикомъ знаменитому учителю: она является только выраженіемъ искренней благодарности глубоко признательнаго ученика за полученное наученіе. Въ ней нѣтъ преувеличенныхъ похвалъ и чрезмѣрнаго прославленія Оригена, — она даетъ только истинное изображеніе того, что пережилъ и чувствовалъ св. Григорій. Правда, нѣкоторыя выраженія могутъ показаться слишкомъ сильными, но они несомнѣнно вполнѣ вытекаютъ изъ того глубокаго уваженія и почитанія, какое ученикъ питалъ къ своему учителю; кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ вида и того, что рѣчь св. Григорія—ораторское произведеніе, составленное согласно современнымъ ему требованіямъ ораторскаго искусства.

Предлагаемый переводъ рѣчи св. Григорія сдѣланъ съ греческаго текста, изданнаго *P. Koetschau*: Des Gregorios Thaumaturgos Dankrede an Origenes. Freiburg in Br. u. Leipzig [1894] (въ серіи: Sammlung ausgewählter kirchen-und dogmengeschichtlicher Quellenschriften, herausgeb. v. Prof. *G. Krüger*, 9 H.). Хотя это изданіе встрѣчено было отчасти даже рѣзкими критическими отзывами (ср., напр., замѣчанія A. Brinkmann'a въ «Bheinisches Museum für Philologie», N. F. B. 65, H. 1. [1901], S. 55—76), однако оно является лучшимъ изъ существующихъ.

Въ стилистическомъ отношеніи рѣчь св. Григорія представляетъ значительныя трудности для точной передачи ея на другихъ языкахъ: ораторъ любитъ длинные и запутанные періоды, прерываемые вводными предложеніями; часто встрѣчаются анаколуѳы и элипсисы и т. п.; обычна конструкція предложеній съ предикатами въ причастной формѣ. При переводѣ необходимо было по возможности устранить запутанность и неясность рѣчи и въ то же время сохранить особенности оригинальнаго языка писателя.

Н. Сагарда.

Благодарственная рѣчь Оригену.

I. 1) Хорошая вещь—молчаніе и именно какъ часто для многихъ другихъ [людей], такъ особенно для меня въ настоящій моментъ, когда у меня волей-неволей замыкаются уста, и я вынуждаюсь молчать. 2) Ибо я не навыкъ и неискусенъ въ тѣхъ прекрасныхъ и благопристойныхъ рѣчахъ, которыя произносятся или составляются въ стройной послѣдовательности,

какъ бы въ неудержимомъ потокѣ, изъ отмѣнныхъ и превосходныхъ словъ и выраженій. Можетъ быть, я и отъ природы слишкомъ мало способенъ заниматься этимъ пріятнымъ и поистинѣ эллинскимъ дѣломъ. 3) Между тѣмъ вотъ прошло уже восемь лѣтъ съ того времени, какъ ни мнѣ самому совершенно не приходилось произносить что-либо, или писать какую-нибудь большую или малую рѣчь, ни слышать другого, кто бы частнымъ образомъ писалъ или произносилъ, или же публично держалъ похвальныя и защитительныя рѣчи, кромѣ этихъ достойныхъ удивленія мужей [1]), которые съ любовію занялись прекрасной философіей. 4) Но и у нихъ мало заботы о красотѣ рѣчи и благопристойности выраженій: полагая словесное благозвучіе на второмъ мѣстѣ, они хотятъ съ точностью изслѣдовать и выразить самую сущность вещей. 5) Не то, чтобы, думаю я, они не стремились къ этому,—напротивъ, они даже очень желаютъ свои прекрасныя и точныя мысли выразить въ красивой и стройной рѣчи,—но они, можетъ быть, не въ состояніи такъ легко обнять одною и тою же и къ тому еще ограниченною человѣческою душою, съ одной стороны, священную и богоподобную силу, заключающуюся въ ихъ мысляхъ, и, съ другой стороны, слово, краснорѣчивое въ своихъ выраженіяхъ,—это два преимущества, которыя у отдѣльнаго человѣка выступаютъ обособленно и въ извѣстномъ смыслѣ прямо противоположны другъ другу. 6) Если размышленію и изслѣдованію, такъ сказать, благопріятствуетъ и содѣйствуетъ молчаніе, то краснорѣчія и благозвучія въ словѣ съ успѣхомъ можно искать не въ чемъ иномъ, какъ въ рѣчахъ и въ непрерывномъ упражненіи въ нихъ.

7) Между тѣмъ еще и другая наука сильно занимаетъ мой умъ, и уста сковываютъ языкъ, если бы я захотѣлъ даже немного сказать на языкѣ Эллиновъ,—это достойные удивленія наши законы, по которымъ теперь направляются дѣла всѣхъ состоящихъ подъ властью Римлянъ людей и которые безъ тяжелаго труда не могутъ быть ни согласованы, ни основательно изучены; такъ какъ и сами по себѣ они мудрые и точные и разнообразные и достойные удивленія и, однимъ словомъ, въ высшей степени соотвѣтствуютъ эллинскому духу, но, кромѣ того, они написаны и переданы на языкѣ Римлянъ, который вызываетъ изумленіе, величественъ и вполнѣ сообразенъ

[1]) Св. Григорій, очевидно, разумѣетъ присутствовавшихъ въ собраніи христіанскихъ философовъ, друзей Оригена.

съ царственной властью; но для меня тѣмъ не менѣе онъ представляетъ свои трудности. 8) Сверхъ того, въ дѣйствительности я не имѣлъ возможности и, должно сказать, никогда не имѣлъ и желанія [основательно усваивать ихъ].

Но такъ какъ наши рѣчи суть не иное что, какъ нѣкотораго рода образы чувствъ нашей души, то мы должны признать, что сильные въ словѣ, подобно хорошимъ живописцамъ, въ высшей степени опытнымъ въ своемъ искусствѣ и располагающимъ большимъ количествомъ вещества для красокъ, если нѣтъ ни въ чемъ препятствій, могутъ писать картины не только однѣ и тѣ же, но также и разнообразныя и такія, которыя вслѣдствіе богатаго смѣшенія цвѣтовъ, достигаютъ высшей степени красоты.

II. Но я, подобно бѣдняку, не располагаю такими разнообразными красками, потому ли, что я никогда не обладалъ ими, или, можетъ быть, потому, что потерялъ ихъ; [поэтому] по мѣрѣ моихъ силъ я нарисую первообразы чувствъ моей души какъ бы углями только или черепками, т. е. привычными для меня и общеупотребительными словами и изреченіями, изображая ихъ въ выраженіяхъ, которыми я свободно владѣю, и попытаюсь представить характерныя черты образовъ моей души, если даже и не ясные и не раскрашенные, то по крайней мѣрѣ хотя въ набросках углемъ; если при этомъ мнѣ встрѣтится гдѣ-либо что-нибудь благообразное и благозвучное, я съ удовольствіемъ приму, а если нѣтъ, то поищу такихъ выраженій.

9) Но есть также еще третье обстоятельство, которое препятствуетъ и отвращаетъ и гораздо болѣе другихъ удерживаетъ и просто предписываетъ мнѣ соблюдать молчаніе, именно самый предметъ, ради котораго я охваченъ желаніемъ говорить, но теперь медлю и не рѣшаюсь. 10) Ибо я имѣю въ мысли говорить о мужѣ, который по внѣшнему виду и по общему мнѣнію—человѣкъ, но для тѣхъ, кто можетъ проникать своимъ взоромъ въ глубины его внутреннихъ качествъ, онъ уже надѣленъ высшими преимуществами, которыя приближаютъ его къ Божеству. 11) Но я не намѣренъ восхвалять происхожденія и тѣлеснаго воспитанія,—я не рѣшаюсь на это и удерживаюсь вслѣдствіе чрезвычайнаго благоговѣнія предъ нимъ; не буду также восхвалять тѣлесной силы и красоты,—это предметы похвальныхъ рѣчей для юношей, у которыхъ мало заботы о томъ, говорятъ ли о нихъ по достоинству или нѣтъ,—12) ибо было бы безцѣльно и легкомысленно о предметахъ, не имѣющихъ продолжительнаго и

устойчиваго бытія, но многоразличнымъ образомъ и скоро преходящихъ держать рѣчь въ возвышенномъ и торжественномъ тонѣ уже въ самомъ вступленіи къ ней,—я не могъ бы говорить объ этомъ, если бы что-либо въ этомъ родѣ предложено было мнѣ въ качествѣ темы для рѣчи, такъ какъ это—безполезные и пустые предметы и такіе, которыхъ я никогда не избралъ бы добровольно для своей рѣчи. Впрочемъ, если бы мнѣ дѣйствительно предстояло говорить о такомъ предметѣ, то въ моей рѣчи не было бы ни какого-либо замѣшательства, ни безпокойства о томъ, чтобы не показалось, что я говорю что-либо ниже достоинства предмета. 13) Но теперь я хочу напомнить о томъ, что у него самое богоподобное и что въ немъ родственно съ Богомъ, съ одной стороны заключено въ этомъ видимомъ и смертномъ мужѣ, а съ другой стороны самымъ усерднымъ образомъ стремится уподобиться Богу, и намѣреваюсь коснуться въ нѣкоторомъ смыслѣ болѣе возвышенныхъ предметовъ и принести благодареніе Богу за то, что мнѣ даровано встрѣтиться со столь великимъ мужемъ, вопреки всякому человѣческому ожиданію, какъ другихъ, такъ и моему собственному, такъ какъ я и не предполагалъ никогда и не надѣялся; такихъ важныхъ предметовъ намѣренъ коснуться я, ничтожный и умственно ограниченный,—развѣ не благоразумно, что я уклоняюсь и медлю и добровольно готовъ молчать?

14) И въ самомъ дѣлѣ, представляется безопаснымъ для меня соблюдать молчаніе, чтобы подъ предлогомъ благодарности вслѣдствіе необдуманности, можетъ быть, не сказать о возвышенныхъ и священныхъ предметахъ чего-либо недостойнаго, ничтожнаго и презрѣннаго; и такимъ образомъ я не только не достигну истины, но и причиню ей, насколько отъ меня зависитъ, какой-либо ущербъ у тѣхъ, кто вѣритъ, что такъ и въ дѣйствительности, какъ изображаетъ мое слабое слово, которое болѣе оскорбляетъ, чѣмъ въ своемъ содержаніи даетъ точное изображеніе его дѣлъ. 15) Однако, твои достоинства, возлюбленная глава, не могутъ быть ни умалены, ни поруганы, и еще гораздо болѣе не можетъ потерпѣть какого-либо ущерба отъ моихъ ничтожныхъ и недостойныхъ словъ то божественное, которое само по себѣ пребываетъ непоколебимымъ. 16) Но я не знаю, какъ мнѣ избѣжать впечатлѣнія дерзости и необдуманности, если я по неразумію, съ ничтожнымъ умомъ и средствами, наскакиваю на великія и во всякомъ случаѣ

превосходящія мои силы дѣла. 17) Да, если бы гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ и предъ другими слушателями я рѣшился на такой легкомысленный (собств. юношескій) поступокъ, тогда я въ извѣстной степени былъ бы дерзкимъ и безразсудно смѣлымъ; однако не наглость была бы виною моего необдуманнаго выступленія, такъ какъ я отважился бы на это не въ твоемъ присутствіи. 18) Но теперь я исполню мѣру безразсудства, или даже уже и исполнилъ, осмѣлившись войти, какъ говорится, съ неумытыми ногами въ тѣ уши, въ которыя само божественное слово входитъ и пребываетъ съ нисколько не покрытыми ногами,—не такъ, какъ [входитъ] въ уши многихъ людей, какъ бы подъ толстыми кожами, именно подъ загадочными и неясными выраженіями,—но, можно сказать, съ обнаженными ногами, ясное и совершенно познаваемое. Я же несу свои человѣческія слова, какъ какую-то грязь и нечистоту, и осмѣливаюсь вливать ихъ въ уши, навыкшія слушать божественные и чистые звуки. 19) Итакъ, развѣ недостаточно доселѣ я уже погрѣшилъ [своимъ словомъ], и не должно ли, по крайней мѣрѣ, теперь начать быть благоразумнымъ, и уже далѣе не продолжать рѣчи, но прекратить ее? Я, конечно, хотѣлъ бы. 20) Однако, разъ я уже осмѣлился, да позволено будетъ мнѣ прежде всего указать причину, побуждаемый которою я пришелъ въ это собраніе,—можетъ быть мнѣ будетъ оказано и снисхожденіе за эту смѣлость.

III. 21) Страшной мнѣ представляется неблагодарность, страшной и въ полномъ смыслѣ слова страшной. 22) Ибо, получивши благодѣяніе, даже не попытаться воздать, если невозможно иначе, то по крайней мѣрѣ благодарностью въ словахъ, свойственно или совершенно безразсудному, или нечувствительному къ благодѣяніямъ, или безпамятному. 23) Но у кого съ самаго начала были и чувство и пониманіе прекраснаго, которое онъ испыталъ, такой, если у него не сохраняется на послѣдующее время даже воспоминанія объ этомъ и если онъ не приноситъ никакой благодарности виновнику добраго, такой—негодный, неблагодарный и нечестивый человѣкъ, согрѣшающій непростительнымъ образомъ ни для кого, занимаетъ ли онъ высокое положеніе или низкое. 24) [Въ первомъ случаѣ] если онъ занимаетъ высокое положеніе и [человѣкъ] большого ума, [то грѣхъ его въ томъ], что онъ не носитъ на своихъ устахъ со всею благодарностью и почтеніемъ великихъ благодѣяній, которыя онъ испыталъ; [во второмъ слу-

чаѣ] если онъ занимаетъ низкое положеніе и человѣкъ недалекій, [то его грѣхъ въ томъ], что не со всею имѣющеюся у него силою выражаетъ хвалу и благоговѣніе къ тому, кто благодѣтельствуетъ не великимъ только, но и малымъ. 25) Кто занимаетъ болѣе высокое положеніе и превосходитъ душевными силами, тѣ, сообразно съ ихъ бо́льшими средствами и великимъ богатствомъ, необходимо должны по своимъ силамъ воздавать своимъ благодѣтелямъ бо́льшее и почтительнѣйшее прославленіе. 26) Но и незначительнымъ людямъ и находящимся въ бѣдственномъ положеніи не слѣдуетъ быть ни безучастными, ни безпечными, ни падать духомъ на томъ основаніи, будто они не могутъ сдѣлать ничего ни достойнаго, ни совершеннаго. 27) Но подобно бѣднымъ, однако благодарнымъ, они должны принимать за мѣрку силу не почитаемаго, а свою собственную, и изъ присущей имъ силы оказывать почести, которыя, можетъ быть, будутъ угодны и пріятны почитаемому и не будутъ у него поставлены на второмъ мѣстѣ по сравненію съ великими и многими [выраженіями благодарности], если принесутъ ихъ съ большею готовностью и съ всецѣло преданнымъ настроеніемъ. 28) Такъ, въ священныхъ книгахъ [1]) повѣствуется, что нѣкая незначительная и бѣдная женщина одновременно съ богатыми и сильными людьми, которые отъ своего богатства жертвовали большіе и многоцѣнные дары, одна только принесла незначительный и самый ничтожный даръ, который однако составлялъ все, что у нея было, и получила свидѣтельство того, что она дала больше всѣхъ. Ибо, я думаю, священное слово измѣряло цѣнность и превосходство [дара] не количествомъ даваемаго вещества, которое есть нѣчто внѣшнее, но скорѣе настроеніемъ и намѣреніемъ, съ какими онъ былъ принесенъ. 29) Поэтому и мнѣ совершенно не слѣдуетъ отступать изъ боязни, что моя благодарность не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать благодѣяніямъ, но совсѣмъ напротивъ [я долженъ] отважиться и попытаться, какъ бы въ воздаяніе, оказать почести, если и не надлежащія, то, по крайней мѣрѣ, посильныя для меня. Если моя рѣчь и не достигнетъ совершеннаго, то по крайней мѣрѣ она отчасти будетъ имѣть своимъ результатомъ то, что избѣжитъ всецѣлаго упрека въ неблагодарности. 30) Ибо поистинѣ было бы неблагороднымъ совершенно молчать подъ благовиднымъ предлогомъ, что не мо-

---

[1]) Лук. XXI 1—4; Мрк. XII, 41—44.

жешь сказать ничего достойнаго; но благоразумно стремленіе всегда воздавать, даже еслибы сила приносящаго благодарность была слабѣе достойной [благодѣтеля]. Такимъ образомъ, если я даже не въ состояніи говорить по достоинству, я не буду молчать; но если исполню все, что будетъ въ моихъ силахъ, то я даже еще похвалюсь этимъ.

31) Итакъ, настоящее мое слово должно быть благодарственнымъ. Я не хотѣлъ бы говорить, что [благодареніе обращено непосредственно] къ Богу, Владыкѣ вселенной. Однако, отъ Него для насъ всѣ начала благъ, отъ Него же и мнѣ должно начать благодаренія, пѣнія и хвалы. 32) Но вѣдь если бы даже я принесъ всего себя, конечно, не такого, каковъ я теперь,— сквернаго и нечистаго, запятнаннаго и смѣшаннаго съ постыднымъ и нечистымъ зломъ, но свободнаго отъ этого—въ состояніи возможно высшей чистоты, свѣтлости и непорочности и безъ всякой примѣси несовершенства, — такъ, говорю, еслибы я даже всего себя, обнаженнаго отъ этого, какъ бы новорожденнаго принесъ и отдалъ, и тогда я съ своей стороны не принесъ бы достойнаго дара въ честь и въ воздаяніе Правителю и Виновнику вселенной. 33) Восхвалить Его по достоинству никогда не могъ бы ни каждый въ отдѣльности, ни даже всѣ вмѣстѣ, даже если бы все чистое сдѣлалось единымъ и тѣмъ же, вышло изъ себя и скорѣе, собранное въ единомъ духѣ и въ единомъ согласномъ порывѣ, обратилось къ Нему. 34) Ибо еслибы кто могъ постигнуть что-нибудь изъ Его дѣлъ наилучшимъ и исчерпывающимъ образомъ и, еслибы это возможно было, могъ сказать о немъ по достоинству, то ради этой самой способности, которой онъ могъ быть удостоенъ не отъ другого кого-нибудь, но которую получилъ отъ Него же, невозможно, чтобы онъ могъ пріобрѣсти откуда-нибудь что либо иное большее и принести Ему въ благодарность.

IV. 35) Но я обращу свои хвалы и пѣсни къ Царю и Хранителю вселенной, къ неисчерпаемому источнику всяческихъ благъ, Который также и въ этомъ уврачуетъ мою немощь и одинъ только можетъ восполнить недостающее, Предстателю душъ нашихъ и Спасителю, перворожденному Его Слову, Создателю и Управителю вселенной. 36) Онъ одинъ только можетъ возсылать постоянныя и непрерывныя благодаренія Отцу какъ за Себя самого, такъ и за всѣхъ, и именно за каждаго въ отдѣльности и за всѣхъ вмѣстѣ. Поелику Онъ

есть истина и мудрость и сила самого Отца всего, къ тому же еще Онъ въ Немъ есть и съ Нимъ соединенъ совершенно, то невозможно, чтобы Онъ или по забывчивости, или по недостатку мудрости, или по какой-либо немощи, подобно тому, кто отчужденъ отъ Него, или не достигъ [необходимой] силы, чтобы восхвалить Его, или и достигъ, но добровольно,—чего не слѣдуетъ говорить,—оставилъ Своего Отца безъ восхваленія. 37) Онъ одинъ можетъ совершеннѣшимъ образомъ исполнить всю надлежащую мѣру приличествующей Ему хвалы. Тотъ, Кого Самъ Отецъ всего содѣлалъ единымъ съ Собою, когда чрезъ Него едва не превзошелъ Самого Себя, долженъ въ совершенно равной степени нѣкоторымъ образомъ почитать Его, какъ и Самъ почтенъ отъ Него. Это именно, первый и единственнный изъ всего сущаго, получилъ въ удѣлъ Его Единородный, сущій въ Немъ Богъ Слово; 38) тогда какъ всѣ прочіе только такимъ образомъ можемъ быть благодарными и благоговѣйными, если на Него одного перенесемъ и возложимъ всю силу достойнаго благодаренія за всѣ [дарованныя] намъ отъ Отца благодѣянія, исповѣдуя, что это единственный путь богопочтенія—чрезъ Него во всемъ памятовать о Виновникѣ вселенной. 39) Поэтому именно должно исповѣдать, что для благодаренія и хвалы постоянному промышленію обо всемъ, которое печется о насъ какъ въ величайшемъ, такъ и въ самомъ незначительномъ, и которое привело насъ сюда, вполнѣ достойно и достаточно [только] то слово, которое есть совершеннѣйшее и живое и духовно оживляющее Слово перваго Ума.

40) Мое же настоящее слово да будетъ благодареніемъ изъ всѣхъ людей преимущественно сему мужу. Но если бы я захотѣлъ [съ моею благодарностью] взойти нѣсколько выше, то между тѣми, которые невидимы, стоятъ ближе къ божественному и пекутся о людяхъ, [она должна быть обращена къ] тому, кто, по нѣкоему великому опредѣленію, получилъ въ удѣлъ съ дѣтства руководить мною, воспитывать и опекать меня, 41) святый ангелъ Божій, пасущій меня отъ юности моей, какъ говоритъ тотъ боголюбезный мужъ [1]), имѣя въ виду, очевидно, своего ангела. 42) Однако онъ, будучи великимъ, соотвѣтственно съ этимъ получилъ величайшаго [ангела], или кого иного, кто бы онъ ни былъ, или, можетъ быть, даже самого

[1]) Іаковъ—Быт. XLVIII, 15.

великаго совѣта Ангела [1]), общаго Спасителя всѣхъ, чтобы, ради его совершенства, Онъ былъ исключительнымъ его хранителемъ,—я этого точно не знаю: во всякомъ случаѣ онъ въ своемъ ангелѣ, кто бы онъ ни былъ, и позналъ и прославлялъ нѣчто великое. 43) Я же [познаю и прославляю] кромѣ общаго Правителя всѣхъ людей также и этого [моего], который является руководителемъ собственно меня неразумнаго. 44) Онъ, будучи для меня во всѣхъ отношеніяхъ добрымъ воспитателемъ и попечителемъ,—не такъ, какъ мнѣ или кому-либо изъ дорогихъ мнѣ родственниковъ кажется полезнымъ, ибо мы слѣпы и не видимъ ничего изъ того, что предъ нами, такъ что не можемъ и судить о томъ, что намъ нужно, но какъ представляется полезнымъ ему, такъ какъ онъ провидитъ все, что относится къ пользѣ нашей души,—издавна, а также и теперь еще воспитываетъ, наставляетъ и руководитъ, 45) и, кромѣ всего прочаго, онъ устроилъ такъ, что я пришелъ въ соприкосновеніе съ этимъ мужемъ,—это безспорно самое важное,—который ни по происхожденію и по человѣческой крови не состоитъ въ родствѣ со мною, ни иначе не былъ въ близкихъ ко мнѣ отношеніяхъ, не жилъ и въ сосѣдствѣ со мною, ни даже вообще не былъ единоплеменнымъ,—это именно то, что для многихъ людей бываетъ поводомъ дружбы и знанія [другъ друга],—46) но, кратко сказать, онъ съ истинно божественною и мудрою предусмотрительностью привелъ въ одно мѣсто насъ незнакомыхъ, различныхъ по происхожденію, взаимно чуждыхъ, совершенно далеко стоящихъ другъ отъ друга, насколько находящіяся между нами народы, горы и рѣки раздѣляютъ насъ, и устроилъ эту спасительную для меня встрѣчу; и это, я думаю, онъ предусмотрѣлъ, по данному свыше указанію, отъ самаго моего рожденія и дѣтства. 47) А какимъ образомъ, слишкомъ долго было бы повѣствовать, не только, если бы я стремился быть точнымъ и ничего не пропустить, но даже если бы я, опустивши многое, захотѣлъ сжато упомянуть только о немногомъ изъ самаго главнаго.

V. 48) Первоначальное мое воспитаніе отъ самаго рожденія проходило подъ наблюденіемъ родителей, а нравы въ отеческомъ домѣ уклонялись отъ пути истины. Что я освобожусь отъ нихъ, этого, я думаю, и никто другой не ожидалъ, и не было никакой надежды у меня самого, такъ какъ я былъ еще дитятей и неразумнымъ и находился подъ властью отца, преданнаго идолопоклонству. 49) Потомъ—потеря отца и сирот-

[1]) Ср. Исаіи IX, 6.

ство, которое, можетъ быть, было для меня началомъ истиннаго познанія. 50) Ибо тогда въ первый разъ я обратился къ спасительному и истинному слову, не знаю какъ [это произошло], болѣе ли по принужденію или добровольно. Ибо какая способность сужденія могла быть у меня въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ? Между тѣмъ съ того времени это священное слово тотчасъ начало, такъ сказать, посѣщать меня, потому что въ немъ именно достигъ полнаго выраженія всеобщій разумъ человѣчества; однако, тогда оно посѣтило меня въ первый разъ. 51) Я считаю,—если и не издавна, то, по крайней мѣрѣ, когда размышляю объ этомъ теперь,—немаловажнымъ признакомъ священнаго и дивнаго промышленія обо мнѣ именно это стеченіе обстоятельствъ, которое можетъ быть такъ расчислено по годамъ, чтобы, съ одной стороны, все, что предшествовало этому возрасту, насколько оно состояло изъ дѣлъ заблужденія, могло быть отнесено на счетъ моей незрѣлости и неразумія, и чтобы священное слово напрасно не было ввѣрено душѣ, еще не владѣющей разумомъ, 53) но, съ другой стороны, чтобы, когда она сдѣлается уже способною къ разумной дѣятельности, она не была лишена, если даже и не божественнаго и чистаго разума, то, по крайней мѣрѣ, страха, сообразнаго съ этимъ разумомъ, и чтобы человѣческій и божественный разумъ одновременно достигли господства во мнѣ, одинъ—помогая мнѣ неизъяснимою для меня, но ему свойственною силою, а другой—воспринимая эту помощь [1]). 54) Размышленіе объ этомъ исполняетъ меня одновременно и радостью и страхомъ, когда, съ одной стороны, это водительство возвеличиваетъ меня, но, съ другой стороны, я боюсь, что, даже удостоенный столь великаго, я тѣмъ не менѣе не достигну цѣли. 55) Однако, не знаю какимъ образомъ, моя рѣчь слишкомъ задержалась на этой части [моего повѣствованія]; съ одной стороны, я хотѣлъ бы подробно изложить дивное направленіе меня къ этому мужу, однако, съ другой стороны, съ самаго начала поспѣшаю и доселѣ говорю кратко, чтобы перейти къ слѣдующему по порядку, не потому, что будто я воздалъ должную хвалу или благодареніе и по-

---

[1]) Въ основѣ этихъ разсужденій св. Григорія (§§ 50—53), очевидно, лежитъ ученіе стоической школы, что развитіе въ человѣкѣ λόγος или ἡγεμονικόν заканчивается въ 14 лѣтъ; этотъ взглядъ нашелъ широкое распространеніе и внѣ школы и послужилъ мотивомъ для предписанія начинать обученіе философіи съ 14-лѣтняго возраста.

чтеніе тому, кто такъ управилъ меня,—да не буду высокомѣрнымъ, употребляя такія выраженія и въ то же время не говоря ничего достойнаго,—но потому, что я просто предлагаю повѣствованіе или открытое исповѣданіе или какъ иначе приличнымъ образомъ можно назвать это.

56) Моей матери, которая одна изъ родителей осталась, чтобы заботиться обо мнѣ, угодно было, воспитывая меня во всемъ прочемъ, какъ мальчиковъ не неблагороднаго, разумѣется, происхожденія и воспитанія, послать меня въ школу къ ритору, такъ какъ я долженъ былъ сдѣлаться риторомъ. И дѣйствительно, я посѣщалъ эту школу, и тогдашніе свѣдущіе люди увѣряли, что въ непродолжительномъ времени я буду риторомъ; съ своей стороны я и не могъ и не хотѣлъ бы утвержать этого. 57) Не было даже никакого основанія для этого, но не было также еще и никакихъ предположеній для причинъ, которыя могли привести меня на настоящій путь; но вѣдь у меня былъ неусыпный божественный воспитатель и истинный попечитель: онъ, когда ни домашніе не помышляли, ни самъ я не обнаруживалъ желанія, 58) внушилъ мысль одному изъ моихъ учителей, которому поручено было только наставить меня въ латинскомъ языкѣ,—не для того, чтобы я достигъ въ немъ совершенства, а чтобы я и въ этомъ языкѣ не былъ совершенно несвѣдущимъ; но случайно онъ имѣлъ нѣкоторыя познанія и въ законахъ. 59) Внушивши ему эту мысль, онъ чрезъ него склонилъ меня изучать римскіе законы. И мужъ тотъ дѣлалъ это съ большою настойчивостью. Я позволилъ убѣдить себя, но больше изъ желанія доставить удовольствіе мужу, чѣмъ изъ любви къ тому знанію. 60) Онъ, взявши меня въ качествѣ ученика, началъ учить съ большимъ усердіемъ. При этомъ онъ высказалъ нѣчто, что сбылось на мнѣ самымъ истиннымъ образомъ, именно, что изученіе законовъ будетъ для меня самымъ важнымъ запасомъ на [жизненный] путь,—ибо этимъ именемъ [ἐφόδιον] онъ назвалъ это,—захочу ли я быть риторомъ изъ тѣхъ, которые выступаютъ въ судахъ, или какимъ либо инымъ. 61) Онъ выразилси такъ, имѣя въ виду въ своей рѣчи человѣческія отношенія; а мнѣ прямо кажется, что онъ предсказывалъ истину, объятый нѣкоторымъ вдохновеніемъ, которое было скорѣе божественнымъ, чѣмъ проистекало изъ его собственныхъ мыслей. 62) Ибо когда я волей-неволей началъ изучать названные законы, то на меня уже нѣкоторымъ образомъ наложены были оковы, и

городъ Беритъ долженъ былъ послужить и причиною и поводомъ моего пути сюда. Этотъ городъ находился недалеко отъ тогдашняго моего мѣстопребыванія, имѣлъ, такъ сказать, болѣе римскій отпечатокъ и считался разсадникомъ названнаго законовѣдѣнія. 63) А этого священнаго мужа другія дѣла какъ бы навстрѣчу мнѣ влекли и привели въ эту страну изъ Египта, изъ города Александріи, гдѣ онъ жилъ прежде. Я, конечно, и не умѣю опредѣлить побудительныхъ причинъ къ этому [съ его стороны], и охотно пройду мимо нихъ. 64) А между тѣмъ для того, чтобы я прибылъ сюда и вошелъ въ общеніе съ этимъ мужемъ, не было никакой необходимости, насколько это зависѣло отъ изученія мною законовъ, такъ какъ возможно было переселиться и въ городъ Римлянъ. 65) Какъ же и это осуществилось? Тогдашній правитель Палестины неожиданно взялъ къ себѣ моего зятя, мужа моей сестры, и противъ его желанія одного только, раздѣливши съ супругою, перемѣстилъ его сюда, чтобы онъ помогалъ ему и раздѣлялъ съ нимъ труды по управленію народомъ,—ибо онъ былъ нѣсколько свѣдущъ въ законахъ и, безъ сомнѣнія, еще и теперь. 66) Зять, отправившись вмѣстѣ съ нимъ, намѣренъ былъ въ непродолжительномъ времени послать за женою и взять ее къ себѣ, такъ какъ разлука съ нею была для него тягостна и непріятна; но вмѣстѣ съ нею онъ хотѣлъ увлечь и меня. 67) Такимъ образомъ, когда я замышлялъ отправиться въ путешествіе, не знаю куда, но во всякомъ случаѣ скорѣе въ другое какое либо мѣсто, чѣмъ сюда, неожиданно явился предо мною воинъ, которому поручено было сопровождать и охранять мою сестру, направляющуюся къ мужу, а вмѣстѣ съ нею, въ качествѣ спутника, привести и меня. 68) Этимъ я долженъ былъ доставить удовольствіе и зятю, и въ особенности сестрѣ, чтобы она не натолкнулась на что-либо не благопристойное, или чтобы не боялась путешествія, точно также и самимъ домашнимъ и родственникамъ, которые высоко цѣнили меня, и кромѣ того могли и въ чемъ нибудь иномъ оказать мнѣ не малую пользу, если бы я отправился въ Беритъ, усердно занявшись тамъ изученіемъ законовъ. 69) Итакъ, все побуждало меня къ этому путешествію]—убѣдительныя основанія, которыя приводили мнѣ по отношенію къ сестрѣ, моя собственная наука, къ тому же еще и воинъ,—ибо и о немъ должно упомянуть,—который принесъ съ собою разрѣшеніе на большее количество, чѣмъ нужно было, государственныхъ колесницъ и подорожныя въ большемъ

числѣ, именно скорѣе для меня, чѣмъ для одной только сестры. 70) Такова была видимая сторона дѣла; но были причины, которыя хотя и не были явны, тѣмъ не менѣе были самыми истинными: общеніе съ этимъ мужемъ, истинное наученіе чрезъ него о Словѣ, польза, которую я долженъ былъ получить отъ этого для спасенія моей души,—[все это] вело меня сюда,—хотя я былъ слѣпъ и не сознавалъ этого, но это служило къ моему спасенію. 71) Итакъ, не воинъ, но нѣкій божественный спутникъ и добрый провожатый и стражъ, сохраняющій меня на протяженіи всей этой жизни какъ бы на далекомъ пути, миновавши другія мѣста и самый Беритъ, ради котораго больше всего я думалъ устремиться сюда, привелъ меня въ это мѣсто и здѣсь остановилъ; онъ все дѣлалъ и приводилъ въ движеніе, пока со всѣмъ искусствомъ не связалъ меня съ этимъ виновникомъ для меня многихъ благъ. 72) И божественный ангелъ, послѣ того какъ прошелъ со мною такъ далеко и передалъ руководство мною этому мужу, здѣсь, вѣроятно, успокоился, не отъ усталости или изнуренія,—ибо родъ божественныхъ слугъ не знаетъ усталости,—но потому что онъ передалъ меня мужу, который долженъ исполнить все, насколько возможно, промышленіе и попеченіе обо мнѣ.

VI. 73) Онъ же, принявши меня къ себѣ, съ перваго дня, который былъ для меня поистинѣ первымъ, если можно сказать, драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ дней, когда для меня впервые начало восходить истинное солнце, прежде всего приложилъ всякое стараніе къ тому, чтобы привязать меня къ себѣ, въ то время какъ я, подобно звѣрямъ, рыбамъ или птицамъ, попавшимъ въ силки или въ сѣти, но старающимся ускользнуть и убѣжать, хотѣлъ удалиться отъ него въ Беритъ или въ отечество. 74) Онъ употреблялъ всевозможные доводы, трогалъ, какъ говоритъ пословица, за всякую веревку, прилагалъ всѣ свои силы. 75) Онъ восхвалялъ философію и любителей философіи обширными, многочисленными и приличествующими похвалами, говоря, что они одни живутъ жизнью, поистинѣ приличною разумнымъ существамъ, такъ какъ они стремятся жить правильно, и [прежде всего] достигаютъ знанія о самихъ себѣ, каковы они, а затѣмъ объ истинно благомъ, къ чему человѣкъ долженъ стремиться, и объ истинно зломъ, чего должно избѣгать. 76) Съ другой стороны, онъ порицалъ невѣжество и всѣхъ невѣжественныхъ; а такихъ много, которые, наподобіе скота, слѣпотствуютъ

умомъ, не знаютъ даже того, что̀ они, блуждаютъ, какъ будто не имѣютъ разума, и вообщѐ не знаютъ и не хотятъ узнавать, въ чемъ дѣйствительная сущность добра и зла, какъ на благо устремляются и жаждутъ денегъ и славы и почета со стороны толпы и благосостоянія тѣла, 77) цѣнятъ это выше многаго и даже всего, изъ искусствъ тѣ, которыя могутъ доставить эти блага, а изъ родовъ жизни тѣ, которые подаютъ надежду на нихъ—военную службу, судебную и изученіе законовъ. Это,—такъ говорилъ онъ съ особенною настойчивостью и большимъ искусствомъ,—то, что возбуждаетъ насъ, если мы оставляемъ въ пренебреженіи нашъ разумъ, который однако, какъ онъ говоритъ, больше всего въ насъ призванъ къ господству. 78) Я теперь не могу сказать, сколько такого рода изреченій онъ произнесъ, убѣждая меня къ изученію философіи, не одинъ только день, но и много дней въ началѣ, когда я приходилъ къ нему. Я пораженъ былъ его рѣчью, какъ стрѣлою, и именно съ перваго дня,—ибо рѣчь его представляла въ нѣкоторомъ родѣ смѣшеніе пріятной привлекательности, убѣдительности и какой-то принудительной силы,—но я все еще колебался и обдумывалъ, и я рѣшился заняться философіей, еще не будучи совершенно убѣжденъ, но, съ другой стороны, я не могъ, не знаю почему, и удалиться отъ него, а все болѣе и болѣе привлекался къ нему его рѣчами, какъ бы силою какого то высшаго принужденія. 79) Онъ утверждалъ именно, что совершенно невозможно даже почитать Владыку всего, — это преимущество, обладать которымъ между всѣми живыми существами на землѣ почтенъ и удостоенъ одинъ только человѣкъ, и имъ естественно владѣетъ всякій, кто бы онъ ни былъ, мудрый или невѣжественный, лишь бы только онъ совершенно не потерялъ, вслѣдствіе какого-либо умопомѣшательства, способности мышленія,—такимъ образомъ, даже богопочтеніе онъ, говоря правильно, объявлялъ совершенно невозможнымъ для того, кто не занимается философіей. 80) Онъ внушалъ мнѣ множество такого рода основаній одни за другими до тѣхъ поръ, пока, какъ бы зачарованнаго его искусствомъ, не привелъ къ цѣли, безъ малѣйшаго движенія [противодѣйствія съ моей стороны] и не знаю, какимъ образомъ, своими рѣчами, какъ бы съ помощью нѣкоторой божественной силы, прочно посадилъ меня подлѣ себя.

81) Ибо онъ поразилъ меня и жаломъ дружбы, съ которымъ не легко бороться, острымъ и сильно дѣйствующимъ, жа-

ломъ умѣлаго обращенія и добраго расположенія, которое, какъ благожелательное ко мнѣ, обнаруживалось въ самомъ тонѣ его голоса, когда онъ обращался ко мнѣ и бесѣдовалъ со мною. Онъ стремился не просто одолѣть меня своими доводами, но благопріятнымъ, человѣколюбивымъ и благороднымъ расположеніемъ спасти и сдѣлать причастникомъ какъ тѣхъ благъ, которыя проистекаютъ изъ философіи, 82) такъ и другихъ, особенно тѣхъ, которыя Божество даровало ему одному превыше многихъ, или, можетъ быть, превыше и всѣхъ нынѣшнихъ людей,—[я разумѣю] учителя благочестія, спасительное Слово, которое ко многимъ приходитъ и всѣхъ, съ кѣмъ только встрѣчается, покоряетъ,—ибо нѣтъ ничего, что могло бы противостоять Ему, такъ какъ Оно есть и будетъ царемъ всего,—но Оно сокровенно и многими не только съ легкостью, но и съ трудомъ не познается въ такой степени, чтобы, если ихъ спросятъ о Немъ, могли дать ясный отвѣтъ. 83) Подобно искрѣ, попавшей въ самую душу мою, возгорѣлась и воспламенилась моя любовь какъ къ священному, достойнѣйшему любви самому Слову, Которое, въ силу своей неизреченной красоты, привлекательнѣе всего, такъ и къ сему мужу, Его другу, и глашатаю. 84) Въ высшей степени пораженный ею, я былъ убѣжденъ пренебречь всѣми дѣлами или науками, которыя, какъ казалось, были приличны мнѣ, какъ другими, такъ даже самыми моими прекрасными законами, [далѣе] моимъ отечествомъ и моими родственниками какъ тѣми, которые были здѣсь, такъ и тою [т. е. матерью], отъ которой я уѣхалъ; одно было для меня дорого и любезно—философія и руководитель въ ней, этотъ божественный человѣкъ. 85) И соединилась душа Іонаѳана съ Давидомъ [1]). Это позднѣе прочиталъ я въ Священномъ Писаніи, но и прежде я чувствовалъ это не менѣе ясно, чѣмъ сказано [въ этомъ изреченіи], однако [здѣсь] это предсказано очень ясно. 86) Ибо не просто соединенъ былъ Іонаѳанъ съ Давидомъ, но именно самое главное, душа, т. е. то, что̀ никакими средствами не можетъ быть принуждено отдѣлиться даже тогда, когда раздѣляется явное и видимое въ человѣкѣ, по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ безъ его согласія. 87) Ибо душа нѣчто свободное и никакимъ образомъ не можетъ быть заключена,—даже заперши въ клѣткѣ, ты не можешь удержать ея. Ибо ей отъ природы свойственно

---

[1]) 1 Цар. XVIII, 1.

прежде всего быть тамъ, гдѣ находится умъ. Но если даже и кажется тебѣ, что она въ клѣткѣ, то она только потомъ помѣщается туда твоимъ воображеніемъ; поэтому никакимъ образомъ нельзя воспрепятствовать ей быть тамъ, гдѣ бы она ни пожелала быть, тѣмъ болѣе она совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть только тамъ и естественно должна считаться пребывающею тамъ, гдѣ находится мѣсто и цѣль ей одной свойственной и съ нею сообразной дѣятельности. 88) Такимъ образомъ, развѣ [священный писатель] не показалъ совершенно ясно того, что̀ я испыталъ, самымъ краткимъ изреченіемъ, что душа Іонаѳана была соединена съ душою Давида? Это такая связь, которой противъ воли никакимъ образомъ, какъ я сказалъ, не удастся разорвать, а добровольно не легко явится желаніе. 89) Ибо возможность разрѣшить эти священныя и любезнѣйшія узы, какъ я думаю, зависитъ не отъ низшей части, многообразной и очень склонной перемѣнять свои рѣшенія, такъ какъ не отъ нея одной зависѣло и въ началѣ установить этотъ союзъ, но отъ лучшей, твердой и неудобопреклонной, отъ которой болѣе зависѣло и установить эти узы и эту священную связь. И по божественному слову не душа Давида была соединена съ душою Іонаѳана, 90) а наоборотъ, душа болѣе слабаго, испытавшая это, называется связанною съ душою Давида. Ибо не болѣе сильное, само въ себѣ имѣющее достаточно силъ, по собственному побужденію хотѣло бы быть связаннымъ съ слабѣйшимъ, но слабѣйшее, нуждающееся въ поддержкѣ сильнѣйшаго, должно быть соединено съ сильнѣйшимъ и быть въ зависимости отъ него, чтобы одно, пребывая въ себѣ самомъ, не потерпѣло никакого вреда отъ своего общенія съ слабѣйшимъ, а [другое] неупорядоченное въ себѣ, будучи связано и соединено съ сильнѣйшимъ, не причиняя никакого вреда [первому], силою узъ было бы подчинено лучшему. 91) Поэтому установить узы было дѣломъ [духовно] превосходящаго, а не слабѣйшаго, а быть связаннымъ—дѣло худшаго, такъ что оно не имѣетъ возможности избавиться отъ узъ. 92) Таковыми узами, такъ сказать, крѣпко связавши, этотъ Давидъ держитъ меня не только теперь, но уже съ того времени, и если бы я даже захотѣлъ, то я не могъ бы освободиться отъ его узъ. Если бы я даже и ушелъ отсюда, то и тогда онъ не освободитъ моей души, которую онъ, согласно божественному Писанію, держитъ столь крѣпко связанною.

VII. 93) Впрочемъ, послѣ того какъ онъ съ самаго начала такимъ образомъ захватилъ меня и всѣми возможными способами преодолѣлъ, и послѣ того, какъ имъ было достигнуто главное, и я рѣшилъ остаться, съ того времени онъ [началъ поступать со мною] подобно тому, какъ поступаетъ хорошій земледѣлецъ съ землей, которая невоздѣлана и дѣйствительно никакимъ образомъ не плодородна, но соленая и сожженная, каменистая и песчаная, или даже съ такою, которая и не совсѣмъ безплодна и по крайней мѣрѣ не лишена растительности, но [напротивъ] даже тучная, и однако невоздѣлана и оставлена въ пренебреженіи, поросла терніемъ и дикимъ кустарникомъ и съ трудомъ поддается обработкѣ; 94) или какъ садовникъ съ деревомъ, которое, правда, дико и не приноситъ благородныхъ плодовъ, однако не совсѣмъ негодно, если кто съ искусствомъ садовника возьметъ благородной ростокъ и привьетъ ему, [сначала] сдѣлавши расщелину посрединѣ, потомъ опять соединивши и связавши, пока оба не срастутся въ одно, какъ два слившіеся источника,—ибо можно видѣть въ нѣкоторомъ родѣ такъ смѣшанное дерево, правда, не настоящей породы, но изъ безплоднаго сдѣлавшееся плодовитымъ, на дикихъ корняхъ приносящее плоды прекрасной маслины. Или съ деревомъ, которое хотя и дико, но не смотря на это не безполезно для искуснаго садовника, или и съ благороднымъ деревомъ, которое приноситъ добрые плоды, но иначе чѣмъ слѣдуетъ, или съ деревомъ, которое по недостатку искусства не обрѣзано, не полито и запущено и задушено многими лишними ростками, которые на немъ безцѣльно выростаютъ и взаимно мѣшаютъ достигать совершенства въ ростѣ и приносить плоды. 95) Такъ онъ овладѣлъ мною и со свойственнымъ ему искусствомъ какъ бы земледѣльца осмотрѣлъ и проникъ не только въ то, что видимо всѣмъ и усматривается на поверхности, но глубоко вскопалъ и изслѣдовалъ самыя внутреннія основанія, ставя вопросы, предлагая [на обсужденіе] и выслушивая мои отвѣты; когда онъ усматривалъ во мнѣ что-либо не непригодное, не безполезное и не исключающее надежды на успѣхъ, 96) онъ начиналъ вскапывать, перепахивать, поливать, все приводилъ въ движеніе, прилагалъ все свое искусство и заботливость и тщательно воздѣлывалъ меня. Т е р н і я и в о л ч ц ы и всякій родъ дикихъ травъ и растеній, сколько ихъ въ своемъ изобиліи произрастила и произвела моя безпокойная душа, такъ какъ она была

неупорядочена и неразсудительна,—все это онъ обрѣзывалъ и удалялъ своими изобличеніями и запрещеніями. 97) Онъ нападалъ на меня и, особенно своимъ способомъ доказательства по методу Сократа, иногда повергалъ меня на землю, если видѣлъ, что я, какъ дикая лошадь, совершенно сбрасывалъ узду, выскакивалъ за дорогу и часто безцѣльно бѣгалъ кругомъ, пока убѣжденіемъ и какъ бы принудительною силою—доказательствомъ изъ моихъ собственныхъ устъ, какъ уздою снова дѣлалъ меня спокойнымъ. 98). Сначала мнѣ было тягостно и не безболѣзненно, когда онъ приводилъ свои доказательства, такъ какъ я не привыкъ еще къ этому и не упражнялся въ томъ, чтобы подчиняться доводамъ разума; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и очищалъ меня.

Но какъ только онъ сдѣлалъ меня способнымъ и хорошо приготовилъ къ принятію доказательствъ истины, 99) тогда то, какъ обработанную и мягкую землю, готовую возрастить брошенныя въ нее сѣмена, онъ обильно засѣялъ; благовременно онъ и посѣвъ произвелъ, благовременно и весь остальной уходъ совершалъ, все надлежащимъ образомъ и соотвѣтственными средствами слова. 100) Все, что было въ моей душѣ притуплено и извращено, потому ли, что отъ природы она была такова, или потому, что вслѣдствіе чрезмѣрнаго питанія тѣла она огрубѣла, онъ возбуждалъ и ослаблялъ своими утонченными доводами и пріемами логическихъ построеній, 101) которые, послѣдовательно развертываясь изъ самыхъ простѣйшихъ предположеній и разнообразно переплетаясь другъ съ другомъ, развиваются въ какую-то необыкновенную и трудно разрываемую ткань; они пробуждаютъ меня какъ бы отъ сна и научаютъ всегда держаться поставленной предъ собою цѣли, ни въ какомъ случаѣ не уклоняясь съ прямого пути ни вслѣдствіе отдаленности ея, ни вслѣдствіе того, что она представляется незначительною. 102) А что было во мнѣ необдуманно и опрометчиво, потому ли, что я соглашался съ тѣмъ, что первое попадалось, каково бы оно ни было, даже если оно было ложнымъ, или потому, что я часто противорѣчилъ, даже еслибы высказано было что-либо истинное, — и это онъ исправлялъ какъ прежде названными, такъ и другими разнообразными доводами. Ибо многообразна эта часть философіи [т. е. діалектика], пріучающая не безразсудно и не какъ случится соглашаться на доказательства и снова отклонять ихъ, но точно изслѣдовать не только то, что бросается въ глаза,—

103) ибо много замѣчательнаго самого по себѣ и блестящаго подъ покровомъ благородныхъ рѣчей, проникло въ мои уши, какъ еслибы оно было истиннымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно было внутри испорчено и лживо, но вырывало у меня и получало признаніе своей истинности, а спустя немного изобличалось какъ дурное и недостойное довѣрія, напрасно притворявшееся истиной,—и онъ легко показывалъ мнѣ, что я смѣшнымъ образомъ былъ обманутъ и необдуманно свидѣтельствовалъ о томъ, о чемъ менѣе всего должно было свидѣтельствовать. 104) Наоборотъ, опять другое превосходное, но не выступающее напыщенно или не облеченное въ вызывающія довѣріе выраженія, мнѣ казалось противнымъ здравому смыслу и въ высшей степени недостовѣрнымъ, и просто отвергалось, какъ ложное, и недостойнымъ образомъ подвергалось поруганію, но позднѣе, когда я основательно изслѣдовалъ и обдумывалъ, я узнавалъ, что то, что я дотолѣ считалъ заслуживающимъ быть отвергнутымъ и негоднымъ, въ высшей степени истинно и совершенно непреодолимо,—105) [такъ вотъ говорю], онъ училъ, что должно основательно изслѣдовать и испытывать не только внѣшнюю сторону и то, что замѣтно выдѣляется,—оно бываетъ иногда обманчиво и коварно разсчитано,—но внутреннюю сущность каждой отдѣльной вещи, не обнаружится ли гдѣ-либо фальшиваго звука, и прежде всего самому убѣдиться въ этомъ и только тогда соглашаться съ внѣшнимъ впечатлѣніемъ и высказывать сужденіе относительно каждаго отдѣльнаго явленія. 106) Такъ развивалъ онъ по законамъ логики способность моей души критически судить относительно отдѣльныхъ выраженій и оборотовъ рѣчи, 107) а не такъ, какъ блестящіе риторы, которые судятъ по тому, есть ли въ выраженіи что-либо эллинское или варварское,—это знаніе имѣетъ мало значенія и не необходимо. 108) Но то знаніе въ высшей степени необходимо для эллиновъ и для варваровъ, для мудрыхъ и невѣжественныхъ и вообще,—чтобы рѣчь моя не была длинною отъ подробнаго перечисленія всѣхъ въ частности наукъ и занятій,—для всѣхъ людей, какой бы родъ жизни они ни избрали, поскольку по крайней мѣрѣ у всѣхъ, кто ведетъ съ другими рѣчь о какомъ бы то ни было предметѣ, есть забота и стараніе не быть обманутыми.

VIII. 109) Но онъ стремился возбудить и развить не только эту сторону моей души, правильная постановка которой принадлежитъ одной только діалектикѣ, но также и низ-

шую часть моей души: я былъ изумленъ величіемъ и чудесами, а также разнообразнымъ и премудрымъ устройствомъ міра, и я дивился, хотя и безъ разумѣнія, и совершенно пораженъ былъ глубокимъ благоговѣніемъ, но подобно неразумнымъ животнымъ, не умѣлъ ничего объяснить,—110) [такъ онъ возбуждалъ и развивалъ во мнѣ и эту способность] другими отраслями знаній, именно посредствомъ естественныхъ наукъ онъ объяснялъ и изслѣдовалъ каждый предметъ въ отдѣльности и притомъ весьма точно до самыхъ первоначальныхъ элементовъ, потомъ связывалъ это своею мыслью и проникалъ въ природу какъ всего въ совокупности, такъ и каждаго предмета въ отдѣльности, и слѣдилъ за многообразнымъ измѣненіемъ и превращеніемъ [всего] сущаго въ мірѣ, 111) до тѣхъ поръ, пока своимъ яснымъ наученіемъ и доводами, которые онъ частію усвоилъ отъ другихъ, частію самъ придумалъ, не принесъ и не вложилъ въ мою душу, вмѣсто неразумнаго, разумнаго удивленія относительно священнаго управленія вселенной и совершеннѣйшимъ образомъ устроенной природы. 112) Этому возвышенному и божественному знанію научаетъ для всѣхъ возлюбленнѣйшая физіологія. 111) Что же я долженъ сказать о священныхъ наукахъ—всѣмъ любезной и безспорной геометріи и парящей въ высотахъ астрономіи? И все это онъ напечатлѣвалъ въ моей душѣ, научая или вызывая въ памяти, или не знаю, какъ нужно сказать. 114) Первую, именно геометрію, такъ какъ она непоколебима, онъ просто дѣлалъ какъ бы опорой всего и, такъ сказать, крѣпкимъ основаніемъ; а возводя до высочайшихъ областей посредствомъ астрономіи, онъ чрезъ обѣ названныя науки, какъ бы посредствомъ лѣстницы, возвышающейся до небесъ, дѣлалъ для меня доступнымъ небо *).

*) Окончаніе слѣдуетъ.

Московскій митрополитъ Платонъ (Левшинъ) и его участіе въ церковно-правительственной дѣятельности своего времени.

(Къ столѣтію со дня его кончины, 11 ноября 1812 г.—11 ноября 1912 г.).

11-го ноября сего 1912 г. исполняется 100 лѣтъ со дня кончины одного изъ знаменитѣйшихъ іерарховъ XVIII вѣка, московскаго митрополита Платона Левшина. «Не стало Платона! закатилось свѣтило, столько лѣтъ полночный край освѣщавшее, и своею зарею проникшее во всѣ страны Европы. Закатилось свѣтило, Вѣнценосцемъ Россійскимъ толико любезное, и нерѣдко въ исполинскомъ ихъ шествіи предходившее. Закатилось свѣтило Церкви, слава нашего вѣка, удивленіе потомства, украшеніе и образецъ пастырей, примѣръ и утѣшеніе народа!» [1]). Такъ выражалъ свое горе надъ останками архипастыря одинъ изъ церковныхъ витій того времени. И эти слова въ данномъ случаѣ не были однимъ риторическимъ пріемомъ. Платонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей, которыя дѣйствительно пользовались безспорнымъ уваженіемъ общества, пріобрѣли себѣ популярность, которую не въ состояніи были подорвать никакія случайности судьбы. «Къ вамъ публика имѣетъ слѣпое уваженіе»—такъ, быть можетъ невольно, оцѣнилъ авторитетъ Платона Императоръ Александръ I, на склонѣ жизни святителя, при послѣднемъ свиданіи ихъ 6 дек. 1809 г. [2]). Платона знали и почитали Государи и вельможи,

[1]) Надгробное слово архим. Евгенія. См. у Снегирева изд. 1891 г. Ч. II, стр. 184.

[2]) Снегиревъ, Жизнь московскаго митрополита Платона. Изд. 4-е, 1891 г., ч. II, стр. 30.

корифеи вѣка, русскіе и иностранцы. Екатерина поручала ему религіозное воспитаніе цесаревича Павла Петровича. Павелъ, а также и его супруги, дарили его самой искренней дружбой. Павелъ и Александръ I получили корону изъ рукъ Платона. Императоръ австрійскій Іосифъ II, путешествовавшій по Россіи въ 1780 г., нашелъ, что въ Москвѣ онъ видѣлъ самаго замѣчательнаго—Платона. Потемкина Платонъ считалъ другомъ; Панинъ, Разумовскій и другіе вельможи объяснялись ему въ особомъ расположеніи. Державинъ, Мерзляковъ и другіе поэты воспѣвали московскаго Платона. Вольтеръ говорилъ, что подъ проповѣдями Платона не постыдился бы подписаться и греческій Платонъ. Въ папскомъ Римѣ считали его первымъ русскимъ іерархомъ; въ Италіи гравировали его портреты. То было, дѣйствительно, «свѣтило, своею зарею проникшее во всѣ страны Европы».

При такой громкой и широкой извѣстности, при такомъ ореолѣ славы, естественно было бы ожидать, что Платонъ явится и руководителемъ церковно-правительственной дѣятельности своего времени, что онъ станетъ у кормила церковнаго корабля. Жизнь Платона совпадаетъ какъ разъ съ одною изъ наиболѣе яркихъ страницъ нашей русской жизни. То былъ блестящій вѣкъ Екатерины II, императрицы-философа, замышлявшей пересоздать все государство на новыхъ началахъ; то было «дней александровыхъ прекрасное начало», когда составлялись проекты коренныхъ государственныхъ преобразованій и чувствовалось всюду вѣяніе молодого идеализма. Церковь, какъ извѣстно, тоже не оставалась въ сторонѣ отъ этого движенія. Общее теченіе политики постоянно захватывало ее и на очередь ставились самыя разнообразные церковные вопросы. Кому бы, казалось, въ такое время стоять впереди и направлять теченіе церковныхъ дѣлъ, какъ не тому іерарху, имя котораго повторялось по всей Россіи и заграницей? Умъ, дарованія, авторитетность—все было у него. Тѣмъ не менѣе, однако, судьба судила иначе. Митроп. Платону не удалось въ свое время не только быть руководителемъ высшаго церковнаго управленія, но даже и имѣть на него сколько-нибудь существенное вліяніе. Ходъ церковной политики скоро оставилъ его въ сторонѣ и «полночному свѣтилу» приходилось лишь издали наблюдать за церковными событіями, въ качествѣ зрителя, но не творца ихъ. Объясняется это съ перваго взгляда странное явленіе отчасти тогдашними обстоятельствами, отчасти личнымъ характеромъ самого Платона.

Митр. Платонъ, въ мірѣ Петръ Левшинъ, родился 29 іюня 1737 г. Онъ былъ сынъ причетника села Чашникова московской епархіи. Образованіе Платонъ получилъ въ московской Славяно-Греко-Латинской академіи, гдѣ еще до окончанія полнаго курса, въ 1757 году, занялъ должность учителя піитическаго класса. На этомъ поприщѣ 20-лѣтній Петръ Левшинъ скоро же пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ Москвѣ, какъ выдающійся проповѣдникъ. Ему было поручено толкованіе катехизиса по воскреснымъ днямъ въ академической аудиторіи, куда допускались и посторонніе слушатели. Его истолковательныя проповѣди производили столь необычное впечатлѣніе, что его прозвали московскимъ Златоустомъ. Масса желающихъ слышать молодого проповѣдника стекалась въ аудиторію. Черезъ годъ, однако, эта аудиторія разсталась съ своимъ учителемъ. Платонъ былъ назначенъ учителемъ риторики въ Троицкую Лаврскую Семинарію. Здѣсь онъ 14 авг. 1758 г. принялъ монашество съ именемъ Платона, а 20 іюля 1759 г. былъ посвященъ въ іеромонахи и назначенъ префектомъ семинаріи и учителемъ философіи. Въ 1761 г. онъ получилъ мѣсто ректора семинаріи. На этихъ первыхъ шагахъ дѣятельности и суждено было ему впервые познакомиться съ высшими правительственными сферами, что открывало ему болѣе широкое поприще.

Будучи въ хорошихъ отношеніяхъ съ настоятелемъ Лавры архим. Гедеономъ, Платонъ нѣсколько разъ по его вызову пріѣзжалъ въ Петербургъ въ 1759—1760 гг., гдѣ Гедеонъ проживалъ по должности члена Св. Синода. Въ первый разъ Гедеонъ вызвалъ къ себѣ Платона на сырную недѣлю 1759 г.; второй разъ лѣтомъ того-же года, причемъ молодой намѣстникъ прожилъ въ столицѣ 6 недѣль, и въ третій разъ лѣтомъ 1760 г. Въ этотъ третій пріѣздъ Платону пришлось встрѣтиться съ видными вельможами того времени, приближенными ко двору. Встрѣча произошла въ праздникъ 5-го іюля, въ Ново-Сергіевской пустыни петер. епархіи, куда были приглашены знаменитые гости—графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Платонъ успѣлъ обратить на себя вниманіе вельможъ проповѣдью, а еще больше личною бесѣдою и выгодной наружностью. Самъ Платонъ въ автобіографіи говоритъ объ этой встрѣчѣ съ Разумовскимъ и Шуваловымъ слѣдующее: «Они, увидѣвъ Платона и полюбовавшись выгодною его наружностью, вступили съ нимъ въ разговоръ о разныхъ матеріяхъ. Платонъ былъ въ разговорѣ свободенъ и ве-

селъ. Они настолько его полюбили, что Г. Шуваловъ захотѣлъ его представить Императрицѣ, съ тѣмъ, чтобы его отправить на своемъ коштѣ въ Парижъ въ Сорбонну для усовершенствованія, и хотя младому монаху сего и желалось, но архимандритъ на то не согласился» [1]). Таково было первое знакомство Платона съ высшими сферами. Очевидно, молодой монахъ имѣлъ въ своей наружности и поведеніи нѣчто особенно привлекательное. Онъ умѣлъ непринужденно бесѣдовать съ вельможами, говорить о вещахъ, интересныхъ людямъ общества, въ тонѣ, отвѣчающемъ духу вѣка. Эта способность очаровывать бесѣдою, поражать собесѣдниковъ умомъ, находчивостью и разносторонностью была всегда присуща Платону впослѣдствіи. Должно быть эти качества ярко проявились въ первомъ же соприкосновеніи съ свѣтскими сановниками и положили начало Платоновой карьерѣ. Предъ Платономъ готовъ былъ открыться доступъ ко Двору—источнику власти и всякаго благополучія. Если Шуваловъ хотѣлъ его представить Елизаветѣ, какъ кандидата въ Парижъ, то Разумовскій, узнавъ его искусство въ пѣніи, приглашалъ его съ собою въ Петергофъ, какъ пѣвца, который навѣрно понравится Государынѣ. Правда, на этотъ разъ представленіе не состоялось. По словамъ Платона, ему помѣшалъ изъ зависти бывшій при Разумовскомъ «кривой Шубскій» [2]). Но, несомнѣнно, человѣкъ, снискавшій особое расположеніе первыхъ приближенныхъ Государыни, сталъ на дорогу къ высшимъ званіямъ. Дѣло было только во времени.

Поѣздки въ Петербургъ оказались полезными Платону и съ другой стороны. Во время петербургскаго пребыванія онъ «имѣлъ счастіе благосклонно принятъ быть первенствующимъ тогда архіереемъ, митрополитомъ Новгородскимъ Димитріемъ Сѣченовымъ, который его съ того времени, по самую смерть, яко за друга почиталъ...; также сталъ знаемъ и другимъ архіереямъ, яко то: Палладію, епископу рязанскому, Порфирію, епископу коломенскому, Сильвестру Кулябкѣ, архіепископу с.-петербургскому» [3]). Такимъ образомъ Платонъ вошелъ, какъ свой человѣкъ, въ высшія церковно-правительственныя сферы. Его узнали члены Синода; полюбилъ первенствующій митрополитъ. Въ связи съ вниманіемъ Шувалова и Разумовскаго,

---

[1]) Автоб. Платона, см. въ прилож. къ 4-му изд. „Жизни“ Платона Снегирева, ч. II, стр. 215.

[2]) Ibid. [3]) Ibid.

это значило уже много. Не надо забывать, что Платону было тогда всего 22—23 года и все будущее его было впереди.

Такъ, Платонова карьера начиналась при самой благопріятной обстановкѣ. Умѣнье привлекать къ себѣ окружающихъ облегчало его первые шаги. По словамъ автобіографіи, онъ «былъ отъ всѣхъ любимъ», ближайшее начальство относилось къ нему дружески [1]. Если бы дольше продолжалось царствованіе Елизаветы, то несомнѣнно Платонова звѣзда поднялась бы высоко еще при этой государынѣ. Впрочемъ, и перемѣна царствованія не задержала ея восхожденія. Уже въ первые годы Екатерины II судьба устроила ему то, что не удалось при Елизаветѣ,—личное знакомство съ Монархиней, это обычное начало всякой выдающейся карьеры. Въ 1862 г., послѣ коронаціи, императрица посѣтила Лавру и Семинарію. Ректоръ Платонъ говорилъ привѣтственную рѣчь и видимо произвелъ на высокую посѣтительницу особое впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ въ мартѣ слѣдующаго 1863 г., именнымъ указомъ именно ему повелѣно быть намѣстникомъ Троице-Сергіевой Лавры вмѣсто выбывшаго Иннокентія, хотя было Платону тогда всего неполныхъ 26 лѣтъ. Въ скоромъ времени послѣдовало новое посѣщеніе Лавры государыней, въ маѣ 1763 г., по пути въ Ростовъ на переложеніе мощей св. Димитрія Ростовскаго. Намѣстникъ Платонъ встрѣчалъ императрицу и въ ея присутствіи произнесъ одну изъ своихъ замѣчательныхъ проповѣдей—«О пользѣ благочестія». Впечатлѣніе получилось еще болѣе сильное. Императрица проповѣдь велѣла тотчасъ напечатать. Платона пригласили къ царскому столу. Здѣсь онъ имѣлъ новый случай обратить на себя вниманіе. За столомъ онъ сидѣлъ рядомъ съ генералъ-прокуроромъ кн. Я. П. Шаховскимъ, бывшимъ тогда въ особой милости у государыни. Князь разговорился съ Платономъ «о разныхъ матеріяхъ» и, видимо, былъ такъ же пріятно пораженъ, какъ въ свое время Шуваловъ и Разумовскій. Ихъ оживленную бесѣду замѣтила императрица и обратилась къ Шаховскому: «князь, вы ни какъ полюбили отца намѣстника, что съ нимъ, не переставая, говорите». На это князь отвѣтилъ: «это, Государыня, не человѣкъ, а уродъ», и на вопросъ, что это значитъ, пояснилъ: «я, Государыня, съ нимъ о разныхъ матеріяхъ разговаривалъ: онъ на все столь основательно рѣшаетъ, что меня удивилъ...;

[1]) Ibid. стр. 216.

меня... удивило, что сей монахъ въ столь молодыхъ лѣтахъ столько знанія имѣетъ; и потому я его называю уродомъ» [1]). Взоры всѣхъ присутствующихъ обратились на Платона, а онъ, «сія слыша, внутренне Бога благодарилъ за таковое милостивое судебъ Его дѣйствіе». И дѣйствительно, по тѣмъ временамъ, этого было достаточно, чтобы выдвинуть человѣка. Намѣстникъ былъ замѣченъ. Императрица приглашала его съ собою въ Ростовъ, отъ чего онъ, однако, отказался подъ предлогомъ болѣзни. Но вниманіе императрицы было фиксировано прочно. Въ скоромъ времени, по возвращеніи изъ Ростова въ Москву ѣздившихъ туда первенствующихъ іерарховъ—митрополита новгородскаго Димитрія, архіеп. спб. Гавріила и крутицкаго архіеп. Амвросія, митр. Димитрій объявилъ Платону, что онъ будетъ учителемъ у наслѣдника Павла Петровича. Это сообщеніе было тѣмъ неожиданнѣе, что какъ разъ передъ поѣздкой въ Ростовъ. проѣздомъ въ Лаврѣ, тотъ же Димитрій говорилъ Платону, что въ учители наслѣднику уже избранъ ректоръ московской академіи архим. Гавріилъ (Петровъ, будущій новгор. митрополитъ). Оказалось, что въ бытность въ Ростовѣ императрица спрашивала Димитрія о Платонѣ, похваляла его дарованія и, получивъ похвальный отзывъ и отъ Димитрія, рѣшила взять его въ законоучители къ цесаревичу. По возвращеніи императрицы изъ Ростова, государыня снова посѣтила Лавру и оказала милостивое вниманіе къ Платону. Затѣмъ послѣдній былъ приглашенъ въ Москву ко двору и оставленъ къ столу. Здѣсь ему сдѣлали послѣднее испытаніе. Государыня задавала ему разные вопросы, а графъ Панинъ, главный воспитатель наслѣдника, особенно старался узнать, «не суевѣренъ ли Платонъ» [2]). Отъ законоучителя, видимо, требовали, чтобы онъ не былъ слишкомъ ригористомъ въ религіозномъ отношеніи. Платонъ выдержалъ испытаніе и ему было оффиціально объявлено, что онъ назначается законоучителемъ къ цесаревичу, и велѣно ѣхать въ Петербургъ.

Высокая обязанность законоучителя наслѣдника открывала Платону прямую дорогу къ вліянію на церковныя дѣла. Постоянная близость ко двору, обращеніе въ средѣ сильныхъ міра, при умѣньи всѣмъ нравиться и привлекать къ себѣ, представляли множество средствъ сдѣлаться вліятельнымъ для человѣка, который бы къ этому стремился. Однако, Платонъ

---

[1]) Ibid., стр. 218. [2]) Ibid. стр. 219.

въ первое время своего законоучительства, повидимому, мало интересовался обще-церковною политикою. Быть можетъ причиною того была его молодость, которая не позволяла ему выступать съ мнѣніями, приличными болѣе людямъ опытнымъ. Быть можетъ, онъ и сознательно уклонялся отъ вмѣшательства въ церковную политику, чтобы избѣжать разныхъ коллизій и не поставить себя въ неудобное положеніе. То было такое время, когда нужно было быть очень осторожнымъ. Правда, въ церковной сферѣ происходили событія, на которыя не могло не реагировать внутренне, такъ или иначе, все духовенство. Работала учрежденная комиссія о церковныхъ имѣніяхъ, отбирались вотчины у церковныхъ учрежденій, составлялись новые штаты, а въ связи съ тѣмъ составлялись всякіе проекты внутреннихъ церковныхъ преобразованій. Шла коренная ломка стараго церковнаго быта, шелъ вопросъ, можно сказать, о церковной будущности. Но, съ другой стороны, примѣръ Арсенія Мацѣевича служилъ достаточнымъ предостереженіемъ, чтобы громко не выражать своихъ чувствъ и настроеній. Какъ бы то ни было, но въ ту пору Платонъ молчалъ и мы совершенно не въ силахъ опредѣлить его отношеніе къ тогдашнимъ крупнымъ церковнымъ мѣропріятіямъ, въ частности къ главному—секуляризаціи церковныхъ имѣній. Если бы о 26—28-лѣтнемъ Платонѣ мы могли судить по Платону, митрополиту московскому, то должны были бы предположить въ немъ рѣзко отрицательный взглядъ на дѣло секуляризаціи, не многимъ отличный отъ взгляда Арсенія Мацѣевича. Но проводить данную аналогію нѣсколько рискованно, такъ какъ въ настроеніи Платона съ теченіемъ времени, видимо, происходила значительная перемѣна. Во всякомъ случаѣ, выражать взгляды, не согласные съ политическимъ курсомъ, для человѣка, начинающаго карьеру при дворѣ, было не политично, и Платонъ ихъ не выражалъ.

Напротивъ, онъ, очевидно, своимъ поведеніемъ вполнѣ поддерживалъ свою репутацію монаха, чуждаго «суевѣрія», съ «свободными» сужденіями о вещахъ, передового человѣка для своего времени, отнюдь не «фанатика», какимъ представлялся въ глазахъ правительства несчастный защитникъ церковныхъ имѣній, изъ ростовскаго митрополита превратившійся въ Андрея «враля». Екатерина относила законоучителя своего сына къ той группѣ монашествующаго духовенства, которая проявляла полную готовность исполнять ея указанія и вос-

хвалять ея матернее попеченіе объ отечествѣ. Доказательствомъ этого служатъ тѣ два порученія, какія все-таки приходилось исполнять Платону въ ту пору въ области церковно-правительственной. Именно, въ началѣ 1766 года двумъ іерархамъ—Иннокентію псковскому и Гавріилу тверскому и іеромонаху Платону было оказано государыней высокое довѣріе дать свой отзывъ о ея знаменитомъ «Наказѣ» Комиссіи для составленія новаго уложенія. Тогда же и тѣмъ же самымъ лицамъ было поручено составить изъ себя комиссію для составленія проекта преобразованія духовныхъ училищъ, вопросъ о чемъ былъ выдѣленъ изъ дѣлъ комиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, какъ оказавшейся неспособной разрѣшить его [1]). Это были первые шаги Платона на поприщѣ болѣе широкой дѣятельности, такъ сказать, первое испытаніе его соотвѣтствующихъ способностей. Порученіе о Наказѣ было довольно щекотливое. Критиковать произведеніе императрицы была задача трудная, и комиссія предпочла обойти ее, ограничившись немногими, совершенно несущественными, детальными замѣчаніями, большею частью вербальнаго характера [2]). Что касается второго порученія, то оно было выполнено очень тщательно. Комиссія, отчасти на основаніи работъ комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, отчасти самостоятельно, выработала проектъ стройной организаціи цѣлой сѣти духовно-учебныхъ заведеній (благочиннических школъ, гимназій, малыхъ и большихъ семинарій, духовнаго университета), съ уставами и штатами. Къ 24-му іюня 1766 г. проектъ уже былъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе [3]). Однако, утвержденія онъ не получилъ, а былъ переданъ въ комиссію для составленія новаго Уложенія [4]), гдѣ и застрялъ безслѣдно. Впрочемъ, едва ли это зависѣло отъ качества проекта, а скорѣе просто отъ общаго отношенія къ церковнымъ преобразованіямъ екатерининскаго правительства, любившаго говорить о нихъ, но не любившаго тратить деньги, хотя бы и присвоенныя отъ тѣхъ же церков-

[1]) Рескриптъ Екатерины на имя Иннокентія псковскаго отъ 20 февр. 1766 г. (еще не опубликов.). Письмо ея къ Платону по сему поводу отъ 30 февр. 1766 г. въ „Чт. въ общ. ист. и др. росс.“ 1875 г. кн. 4, стр. 166.

[2]) См. у Снегирева, изд. 4-е, ч. I, стр. 113—118.

[3]) См. этотъ проектъ въ „Матеріалахъ для исторіи учебныхъ реформъ въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ“, сост. С. В. Рождественскимъ, Спб. 1910 г., стр. 268—323.

[4]) Ibid. стр. 175—176.

ныхъ учрежденій. Для своего времени проектъ 1766 г. представлялъ нѣчто, безъ сомнѣнія заслуживающее вниманія. Какова была доля участія въ его составленіи Платона, опредѣлить невозможно. Можно лишь предполагать, что онъ потрудился не меньше двухъ своихъ коллегъ-архіереевъ. Какъ бы то ни было, а труды его были замѣчены и оцѣнены по достоинству.

24 іюня комиссія представила свой проектъ императрицѣ, а въ началѣ іюля 1766 г. Синоду былъ объявленъ указъ государыни, чтобы Платона произвести въ архимандриты Троицкой Лавры, на мѣсто умершаго въ январѣ того года архим. Лаврентія. 16-го іюля состоялось посвященіе. Такимъ образомъ первое испытаніе административно-правительственныхъ талантовъ оказалось вполнѣ благопріятнымъ для Платона и тотчасъ же послужило ступенью къ его дальнѣйшему возвышенію. Новое назначеніе являлось вмѣстѣ съ тѣмъ естественною дорогою и къ постоянному участію въ дѣятельности высшаго церковнаго правительства, такъ какъ архимандриты Троицкой Лавры тогда обычно бывали членами синода. Такое членство предстояло и Платону. Однако, тутъ впервые начали встрѣчаться на пути его доселѣ безоблачной карьеры нѣкоторыя препятствія, довольно неожиданныя.

Мы видѣли, что Платонъ въ ту пору обладалъ особою обходительностью, умѣньемъ ладить съ людьми, и держалъ себя очень осторожно, уклоняясь сталкиваться съ тогдашними теченіями въ высшихъ сферахъ. Однако, очевидно, онъ не умѣлъ все-таки вполнѣ скрывать свое личное отношеніе къ событіямъ и по крайней мѣрѣ въ частномъ общеніи съ духовными кругами проявлялъ не столь полную благопослушность господствующимъ вѣяніямъ, какъ то было желательно лицамъ, стоявшимъ у кормила церковной власти. Въ синодѣ руководящую роль игралъ новгородскій митрополитъ Димитрій Сѣченовъ, тотъ самый, который столь легко пошелъ навстрѣчу секуляризаціонному замыслу правительства и, по мнѣнію Арсенія Мацѣевича, предалъ интересы церкви во имя своихъ личныхъ выгодъ. Полная уступчивость правительственнымъ желаніямъ, даже предвосхищеніе этихъ желаній, отличали дѣятельность митр. Димитрія и во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ. Конечно, ему было желательно имѣть и соотвѣтствующій подборъ синодальныхъ членовъ, и, по его соображеніямъ, Платонъ не вполнѣ подходилъ подъ такое требованіе. Поэтому Платонъ, вопреки

обычаю, былъ устраненъ сначала отъ участія въ синодѣ по званію архимандрита. Самъ онъ такъ разсказываетъ объ этомъ въ автобіографіи. «Слѣдовало новому архимандриту и въ Синодѣ быть членомъ; поелику было опредѣлено всегда архимандритамъ Троицкія Лавры быть въ Синодѣ членами; но на сей годъ онъ до того не допущенъ, по внушенію одного изъ синодальныхъ членовъ, хотя, впрочемъ, съ нимъ весьма дружно обходившагося, который, зная свободность Платонова нрава и разсужденія, заключилъ, но неизвѣстно почему, что отъ него по дѣламъ можетъ воспослѣдовать какое-либо затрудненіе» [1]. Кто былъ этотъ синодальный членъ, съ Платономъ дружно обходившійся, догадаться не трудно: то былъ, конечно, митр. Димитрій, отъ котораго зависѣло назначеніе новыхъ членовъ въ синодальное присутствіе и который съ Платономъ поддерживалъ хорошія отношенія, можетъ быть отчасти потому, что съ законоучителемъ наслѣдника иныя отношенія были и невыгодны. Но имѣть въ синодѣ независимаго сочлена Димитрію не хотѣлось и онъ съумѣлъ, при всей «дружбѣ», задержать назначеніе Платона въ синодъ. Для Платоновой карьеры въ данную минуту это обстоятельство значенія, пожалуй, не имѣло. Но оно служило нѣкоторымъ указаніемъ для будущаго. Монахъ съ «свободными сужденіями» былъ очень пріятенъ въ обществѣ, при дворѣ императрицы—философа, столь не любившей «суевѣрія». У кормила же церковной власти, гдѣ требовалась особая чуткость къ вѣяніямъ сверху и услужливость высшимъ предначертаніямъ, онъ былъ не всегда удобенъ и могъ внести нѣкоторый диссонансъ въ установившійся въ синодѣ порядокъ, искусно направляемый опытной рукою политичнаго митр. Димитрія.

11 дек. 1767 г., во время пребыванія синода въ Москвѣ, скончался Димитрій Сѣченовъ. Съ его смертью уничтожилось препятствіе къ назначенію Платона въ Синодъ и въ январѣ 1768 г., при отъѣздѣ Двора изъ Москвы въ Петербургъ, архим. Платонъ былъ пожалованъ въ синодальные члены, оставаясь въ прежней должности законоучителя. Но тутъ-то и оправдалось отчасти предвидѣніе митрополита Димитрія, что Платонъ не вполнѣ подойдетъ къ высшему церковно-правительственному учрежденію. Въ какомъ положеніи онъ оказался сразу въ Синодѣ, лучше всего характеризуютъ его слова въ

[1]) Автобіографія въ прил. къ Снегиреву, ч. II, стр. 222.

автобіографіи. «Горѣлъ Платонъ ревностью ко благу Церкви и духовнаго чина, и сія ревность была ему яко врожденная. Усердствовалъ входить въ дѣла, и споспѣшествовать къ лучшему. Но многія узрѣлъ онъ затрудненія, кои ревность его, или останавливали, или притупляли. Сотрудниковъ своихъ, по большей части, находилъ онъ съ тѣми же добрыми и благоразумными расположеніями; но не столько великихъ духомъ, и удобно, или силѣ, или воображаемой опасности уступающихъ. Были же и такіе, кои, таковымъ образомъ поступая, искали, да и находили личныя свои выгоды, мало уважая общія. Сіе сильно смущало Платоновъ духъ и оскорбляло: особливо, что несчастливые обстоятельствъ обороты, не только его останавливали въ лучшихъ его намѣреніяхъ, но и принуждали то подписывать, на что онъ не только не былъ согласенъ, но по возможности противорѣчилъ, и что находилъ безполезнымъ и вреднымъ; а помочь тому никакого средства не было, ни способа, кромѣ, какъ только подвергнуть себя несчастію: но, при духѣ семъ бодромъ, плоть была немощна. И какъ, чрезъ продолженіе времени, теченіе обстоятельствъ и дѣлъ все было таково же: то Платонъ тогда же къ сему, повидимому, знаменитому мѣсту ощутилъ въ себѣ чувствительное прохлажденіе; такъ что уже искалъ случая, какъ бы отъ него избавиться» [1]).

Чтобы понять это впечатлѣніе, произведенное на Платона синодомъ, и положеніе, въ какомъ онъ оказался, нужно припомнить условія тогдашней церковно-правительственной дѣятельности. Екатерина была не такой монархиней, которая бы признавала принципъ двухъ властей—духовной и свѣтской. Напротивъ, подобное двоевластіе было ей противно болѣе, чѣмъ кому-либо другому, и она высказывала это открыто. Считая себя «главою греческой церкви» (въ письмѣ къ Вольтеру), она особенно цѣнила въ іерархахъ своего времени именно отсутствіе «нелѣпаго» (по ея словамъ) признанія «двухъ властей» и не терпѣла людей, зараженныхъ противоложнымъ духомъ, какъ Арсеній Мацѣевичъ. Сообразно съ этимъ она относилась и къ Синоду. Синодъ былъ покорнымъ исполнителемъ ея воли, чего умѣлъ всего искуснѣе достигать Димитрій Сѣченовъ, не даромъ пользовавшійся особымъ расположеніемъ Государыни. Должно быть со спеціальной цѣлью подтвердить «нелѣпость» принципа двоевластія и оберъ-проку-

[1]) Автоб., Снегиревъ, 4-е изд., ч. II, прил., стр. 223—224.

рорами Синода тогда назначались лица, вполнѣ отвѣчающія духу времени. Въ годъ назначенія Платона въ Синодъ оберъ-прокуроромъ былъ Иванъ Ивановичъ Мелиссино (назнач. 10 іюня 1763 г., уволенный 24 окт. 1768 г.). Это былъ тотъ самый Мелиссино, который составилъ себѣ извѣстность знаменитыми «пунктами», предложенными Св. Синоду въ качествѣ руководства при составленіи наказа депутату въ комиссію для составленія новаго Уложенія. Въ пунктахъ этихъ предлагалось предоставить раскольникамъ свободу публичнаго богослуженія, позаботиться объ ослабленіи и сокращеніи православныхъ постовъ, очистить церковь отъ суевѣрія и «притворныхъ» чудесъ, отмѣнить ношеніе иконъ по домамъ, сократить продолжительные церковные обряды, уменьшить число праздничныхъ дней, закрыть монастыри, дозволить епископамъ имѣть женъ, отмѣнить обычай поминовенія умершихъ, разрѣшить четвертый бракъ и т. п. [1]). Послѣ Мелиссино былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Петръ Петровичъ Чебышевъ (увол. въ нач. мая 1774 г.). Это тотъ Чебышевъ, который, по словамъ фонъ-Визина, открыто говорилъ, что «Бога нѣтъ» [2]), а въ синодальномъ присутствіи постоянно ругался «гнилыми словами» [3]). Если оберъ-прокуроры позволяли себѣ такія вещи, то конечно потому, что за ними стояла высшая власть. И хотя, разумѣется, члены синода не могли быть довольны такимъ положеніемъ вещей, въ душѣ «проклинали» напр., Чебышева [4]), но открыто возвысить голосъ противъ никто не рѣшался. Мелиссино благополучно оберъ-прокурорствовалъ 5 лѣтъ и уволенъ съ повышеніемъ, а Чебышевъ былъ уволенъ лишь за денежную растрату.

При такимъ-то обстоятельствахъ вступилъ Платонъ въ члены Св. Синода. Нисколько не удивительно, что для горящаго ревностью о церкви человѣка режимъ Мелиссино—Чебышева пришелся не по сердцу и онъ сразу же увидѣлъ «затрудненія» для своей ревности. Сотрудниками Платона по Синоду были сначала (въ 1768 г.). Гавріилъ (Кременецкій), архіеп. спб., Иннокентій, еп. псковскій, Симонъ, архим. новоспасскій, протопопъ гвардіи Андрей Михайловъ. Вмѣсто Симона, въ концѣ 1769 г., былъ назначенъ въ Синодъ Гавріилъ

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. росс. 1871 г. кн. 3, стр. 114—121.

[2]) Соч. Фонъ-Визина, изд. 1866 г., стр. 550.

[3]) Сушковъ, Записки о жизни Филарета, м. моск., стр. 223.

[4]) „Русск. Вѣстн.“ 1868 г., т. 74, стр. 468—469.

(Петровъ), еп. тверскій, скоро занявшій и спб. каѳедру, вмѣсто Гавріила Кременецкаго, назначеннаго въ Кіевъ. Все это были люди, безъ достаточной смѣлости и твердости, не имѣвшіе къ тому же вполнѣ прочнаго положенія. Неудивительно, что они уступали даже «воображаемой опасности» и предпочитали плыть по теченію, а не противъ теченія. Впрочемъ, при тогдашнихъ условіяхъ, послѣднее было и безнадежно. Нужно было самопожертвованіе, чтобы бороться съ господствующими вѣяніями; а многіе ли способны къ такому самопожертвованію? Платонъ вѣрно замѣтилъ, что духъ бодръ, а плоть немощна. И ему самому ничего не оставалось, какъ слѣдовать за другими и уступать, подписывая то, съ чѣмъ внутренне не соглашался. Единственная, быть можетъ, разница его съ другими была та, что тѣ примирялись съ своимъ положеніемъ, лишь бы оставаться у кормила власти (правда, призрачной); а Платонъ почувствовалъ полное охлажденіе къ своему почетному званію и готовъ былъ избавиться отъ чести участвовать въ высшемъ церковномъ управленіи. Это обстоятельство служитъ нѣкоторымъ показателемъ его тогдашнихъ взглядовъ на положеніе церковныхъ дѣлъ. Онъ, очевидно, смотрѣлъ на него отрицательно, какъ долженъ былъ смотрѣть и каждый честный представитель Церкви. Но все равно, сдѣлать онъ ничего не могъ, тѣмъ болѣе, что въ Синодѣ ему принадлежало, какъ ни какъ, одно изъ послѣднихъ мѣстъ, а при дворѣ онъ не могъ бы искать поддержки тѣмъ стремленіямъ, какія тогда обычно подводились подъ теорію «двухъ властей».

Такимъ образомъ, уже самое начало церковно-правительственной дѣятельности Платона было неблагопріятнымъ. Онъ, по собственному признанію, отказался отъ активнаго участія въ дѣлахъ, увидѣвъ полную безпомощность исполнить свой долгъ такъ, какъ подсказывала ему совѣсть. Съ точки зрѣнія карьеры, это, пожалуй, было и всего лучше. Если бы Платонъ пробовалъ идти противъ теченія въ Синодѣ, то его дальнѣйшее возвышеніе могло и затормозиться. Теперь же оно совершалось безпрепятственно. 22 сентября 1770 г. Платонъ былъ назначенъ прямо архіепископомъ въ Тверь, съ сохраненіемъ за нимъ прежнихъ должностей, въ томъ числѣ и архимандритства въ Троицкой Лаврѣ; послѣднее было уже совсѣмъ необычно и знаменовало особую къ нему милость, такъ какъ Императрица знала Платонову любовь къ его родной обители. Архіепископскій санъ, конечно, придавалъ Платону уже больше

авторитета и ставилъ его въ Синодѣ въ болѣе выгодное положеніе. Не видно, однако, чтобы онъ этимъ воспользовался для болѣе активной роли въ синодальномъ управленіи. Судя по его автобіографіи, то отношеніе къ синодальнымъ дѣламъ, какое у Платона сначала явилось въ силу обстоятельствъ, продолжалось и далѣе, съ его іерархическимъ возвышеніемъ. Служебное положеніе Платона все упрочивалось. Императрица оказывала ему особое благоволѣніе. Воспитанникъ цесаревичъ дарилъ своего законоучителя дружбой и довѣріемъ, которыя остались и послѣ того, какъ съ женитьбой Павла П. окончилось учительство Платона. Когда Павлу Петровичу была избрана невѣста, гессенъ-дармштадская принцесса, названная въ православіи Наталіей Алексѣевной, то Платонъ былъ и ея огласителемъ, наставникомъ въ вѣрѣ и присоединителемъ къ церкви, причемъ снискалъ у принцессы и ея матери не меньшее расположеніе, чѣмъ у ея жениха. Казалось бы, всѣ эти связи давали Платону болѣе свободы дѣйствій въ Синодѣ. И все-таки, повторяемъ, мы этого не видимъ. Нельзя приписывать это ослабленію ревности у молодого іерарха. Автобіографическія записки свидѣтельствуютъ, что Платонъ съ особою горячностью устремилъ свою энергію на дѣла епархіальнаго управленія, сдѣлавшись тверскимъ архіепископомъ. Онъ ревностно принялся за «исправленіе» духовенства епархіи, «производя, сколько возможно, лучшихъ священниковъ, а худыхъ или исправляя, или неисправляемыхъ лишая званія». Въ производство дѣлъ старался внести справедливость. Находя выборы священно-служителей прихожанами неудобными, такъ какъ кандидатами представлялись часто недостойныя лица, Платонъ не задумывался практиковать назначеніе, вмѣсто выборовъ, когда находилъ это нужнымъ, не взирая на недовольство избирателей. Желая повысить матеріальное благосостояніе духовенства, отъ чего зависѣло и его духовное возвышеніе, Платонъ по возможности уменьшалъ численность причтовъ и приходовъ. Родство и наслѣдственность, практиковавшіяся издавна въ качествѣ руководительныхъ принциповъ при назначеніи на церковныя мѣста, въ Платонѣ встрѣтили себѣ энергичнаго противника [1]). Словомъ, на епархіальномъ поприщѣ Платонъ сразу же заявилъ себя недюжиннымъ администраторомъ, стоящимъ выше понятій и традицій церковнаго быта своего вре-

[1]) Автобіографія у Снегирева, стр. 224—226.

мени, человѣкомъ новыхъ взглядовъ и реформаторскихъ замысловъ. Какъ іерархъ, онъ сталъ въ положеніе выдающееся, обратилъ на себя вниманіе духовенства и общества. И тѣмъ не менѣе всѣ эти качества въ синодальной дѣятельности Платона остались непримѣненными. Свое рвеніе онъ, казалось, всецѣло истощалъ въ замкнутомъ кругу епархіальной дѣятельности, какъ бы нарочно не обнаруживая его въ сферѣ болѣе широкой. Но такъ было, навѣрно, потому, что церковно-политическія условія оставались прежними и, не желая «подвергать себя несчастью», Платонъ предпочиталъ оставаться въ сторонѣ отъ круговорота церковной политики, не вступая въ борьбу съ установившимся порядкомъ и продолжая подписывать то, что находилъ не только безполезнымъ, а и вреднымъ...

Не измѣнилось отношеніе Платона къ синодальнымъ дѣламъ и послѣ того, какъ онъ былъ назначенъ на каѳедру древней столицы—въ Москву. Самое назначеніе онъ встрѣтилъ съ нѣкоторою боязнью, какъ бы новое положеніе не вовлекло его въ нежелательные конфликты. Какъ ни странно для человѣка талантливаго, молодого, но Платонъ, повидимому, боялся всякой борьбы, всякихъ осложненій; онъ не былъ бойцомъ. По словамъ автобіографіи, молодой іерархъ уже на тверской каѳедрѣ помышлялъ совсѣмъ оставить свое высокое служеніе, когда исполнится 12 лѣтъ его архіерейства, и уединяться въ Троицкую Лавру [1]). Назначеніе въ Москву было неожиданнымъ. Въ началѣ 1775 г. императрица была въ Твери и здѣсь 21 января вручила Платону указъ о переводѣ, приказавъ объявить его синоду. Платонъ попробовалъ отказываться, но рѣшеніе государыни было неизмѣннымъ. Какъ бы ни понимать этотъ отказъ, ясно, что Платонъ испытывалъ нерѣшительность, что широкая дорога высшихъ церковныхъ званій его смущала. Послѣ этого понятно, что и въ Москвѣ на первыхъ порахъ, пользуясь всѣмъ своимъ прежнимъ вліяніемъ, Платонъ предпочелъ углубиться въ епархіальныя дѣла, гдѣ у него оказывалась и энергія и твердость, въ синодѣ слѣдуя прежней тактикѣ. Однако, эта тактика не была для него уже такъ легкой. Онъ, видимо, сознавалъ тяжесть внутреннихъ противорѣчій и чувствовалъ себя не по себѣ въ высшемъ церковно-правительственномъ учрежденіи. Прежнее охлажденіе къ «знаменитому мѣсту» перешло въ явное не-

---

[1]) Стр. 227.

желаніе пребывать въ немъ. Платонъ охотно остался бы у себя въ Москвѣ, отказавшись отъ чести быть въ Петербургѣ— въ синодѣ. По крайней мѣрѣ такъ было по его признанію. Онъ говоритъ, что когда ему пришлось отправиться въ началѣ 1776 г. въ Петербургъ, то онъ дѣлалъ это «противъ желанія», повинуясь лишь верховной волѣ [1]). Присутствіемъ въ синодѣ ему пришлось опять «скучать», «по теченію дѣлъ, съ его мыслями и началами несходнымъ, и не видя въ сотрудникахъ своихъ въ томъ содѣйствія, которые поступали по своимъ видамъ, ища, можетъ быть, болѣе своихъ выгодъ, нежели общихъ» [2]). Въ синодѣ ничто не измѣнилось... Такое положеніе, наконецъ, столь «наскучило» Платону, что онъ въ концѣ 1776 г. рѣшилъ просить увольненія изъ синода навсегда. Впрочемъ, тутъ было замѣшано и еще другое обстоятельство.

1776 годъ отмѣченъ въ судьбѣ Платона весьма важной перемѣной. Съ этого времени началось охлажденіе къ нему императрицы и ея двора, что, по тогдашнимъ условіямъ, было почти равносильно съ концомъ карьеры, съ паденіемъ, въ смыслѣ власти и вліянія. Что было причиной этого охлажденія, которое обычно рѣзко отмѣчается всѣми біографами Платона? Самъ Платонъ такъ объясняетъ происшедшую перемѣну. «Скоро по пріѣздѣ (въ Петербургъ), въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, открылся нечаянный и для Платона поразительный случай. Великая княгиня Наталья Алексѣевна, особая благопріятнѣйшая благодѣтельница, приближаясь къ рожденію, при радостной всѣхъ надеждѣ, неразрѣшившейся ея утробѣ, апрѣля дня скончалась. Платонъ ее напутствовалъ исповѣдью и святымъ Причастіемъ, и при погребеніи почтилъ ея святую память надгробнымъ словомъ. Къ сей его сущей печали, императрица примѣтивъ, по неотступному его при смерти умирающей княгини пребыванію, что-то для себя неугодное (о чемъ да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ); и потому заключивъ въ себѣ что то для Платона не выгодное, прежнее къ нему благоволеніе, примѣчательно, хотя не отмѣнила, но уменьшила. Что и было послѣдствіемъ многихъ потомъ непріятныхъ для Платона приключеній» [3]). Конечно, если Платонъ правильно объяснилъ себѣ причину перемѣны къ нему въ государынѣ, то со стороны послѣдней тутъ было подозрѣніе, ни на чемъ неоснованное. Самъ цесаревичъ Павелъ Пет-

---

[1]) Ibid. стр. 231. [2]) Ibid. 232. [3]) Ibid. стр. 231—232.

ровичъ съ особою благодарностью вспоминаетъ именно участіе Платона въ послѣднихъ минутахъ жизни своей первой супруги. «За долгъ почитаю,—писалъ онъ Платону отъ 5-го мая 1776 г.,—благодарить васъ за труды ваши въ наставленіи, за дружбу и за все, сдѣланное вами предъ самою кончиною покойницы въ разсужденіи ея. Я имѣлъ всегда причины быть вамъ благодарнымъ, и любить васъ по бытности вашей при мнѣ въ младенчествѣ моемъ, и по трудамъ и старанію, приложеннымъ вами къ воспитанію моему. Сіи причины возросли по дружбѣ и по попеченію вашему, оказаннымъ вами женѣ моей, но дошли до высшей степени всѣмъ тѣмъ, что вы сдѣлали при концѣ и послѣ смерти ея» [1]). Но можетъ быть Платонъ, если не всецѣло, то отчасти ошибался. Перемѣна въ отношеніяхъ къ нему императрицы могла имѣть основанія именно въ тѣхъ чертахъ Платонова облика, которыя порождали въ немъ «скуку» отъ присутствованія въ синодѣ. То теченіе церковныхъ дѣлъ, съ какимъ Платонъ былъ несогласенъ и противъ котораго внутренно протестовалъ, было вѣдь результатомъ церковно-государственной политики того времени, направляемой рукою Екатерины. Было ясно, что Платонъ не подходилъ къ господствовавшему курсу, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ это становилось яснѣе. Проницательная государыня, плѣненная когда-то «свободными» сужденіями молодого монаха, теперь должна была понимать, что изъ этого монаха выросъ іерархъ не того типа, какъ былъ преосв. Димитрій, съ гораздо менѣе эластичною приспособляемостью, съ большимъ сознаніемъ церковныхъ правъ и церковнаго достоинства. Поведеніе Платона въ синодѣ, не будучи вызывающимъ, было, видимо, молчаливо-оппозиціоннымъ, и во всякомъ случаѣ, было не такимъ, какимъ желательно было его видѣть монархинѣ, разсчитывавшей видѣть въ выдвинутомъ ею человѣкѣ столь же преданнаго слугу, какимъ былъ Димитрій Сѣченовъ. Словомъ, Екатерина начала сознавать, что она ошиблась. Весьма возможно, что ея сознаніе подверждалось и тѣмъ положеніемъ, какое занялъ Платонъ въ придворныхъ отношеніяхъ. Вышеприведенное письмо Павла и факты, послужившіе къ нему поводомъ, показываютъ, что Платонъ сталъ въ особо близкія отношенія къ наслѣднику престола. Между тѣмъ, между цесаревичемъ и матерью его уже назрѣ-

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. росс. 1875 г. кн. 4, стр. 173—174.

вали натянутыя отношенія, уже начиналось скрытое соперничество двухъ дворовъ, скрытая борьба за власть, съ которою не хотѣла разстаться честолюбивая мать и которую котѣлъ скорѣе получить, какъ законное наслѣдство, сынъ. Другъ Павла, при такихъ условіяхъ, не могъ быть другомъ Екатерины. Чуткіе придворные прекрасно понимали это и дѣлали выборъ. Платонъ, по своей прямотѣ и искренности, выбора не сдѣлалъ. Въ результатѣ охлажденіе, послужившее началомъ «многихъ непріятныхъ для Платона приключеній».

Послѣднія начались маленькими ударами самолюбію, хотя бы не очень чувствительными, но симптоматичными. Когда великій князь обручилъ себѣ новую невѣсту, будущую императрицу Марію Ѳеодоровну, то Платону было поручено ея наставленіе въ православной вѣрѣ; но отъ того, чтобы быть духовникомъ новой великой княгини, какъ было при покойной, онъ «былъ отведенъ». Затѣмъ, за исполненіе новой временной обязанности его ничѣмъ не наградили, видимо, вопреки ожиданію [1]). Все это вмѣстѣ, должно быть, и заставило Платона просить увольненія навсегда изъ синода, чтобы быть вдали отъ двора, охлажденіе котораго послѣ прежняго благоволенія было особенно чувствительнымъ и давало себя чувствовать на каждомъ шагу въ высшихъ сферахъ. Полнаго увольненія Платонъ не получилъ (это слишкомъ бросилось бы въ глаза и не вызывалось обстоятельствами), но императрица дала ему увольненіе на годъ. То, что его не удержали, было тоже неблагопріятнымъ признакомъ.

Уѣхавъ въ Москву въ началѣ 1777 г., черезъ годъ Платонъ возвратился въ синодъ (въ началѣ 1778 г.). Но положеніе его здѣсь было уже очень щекотливымъ и непріятнымъ. Быть заходящей звѣздой на петербургскомъ горизонтѣ человѣку съ сознаніемъ собственнаго достоинства не могло нравиться. Поэтому Платонъ спѣшилъ сойти со сцены, не дожидаясь естественнаго конца. Протянувъ годъ въ прежнемъ настроеніи скрытаго недовольства синодскими дѣлами, онъ просилъ снова государыню уволить его навсегда въ епархію. Императрица опять дала увольненіе на годъ. По истеченіи срока, Платонъ возобновилъ ходатайство и получилъ снова годичную отсрочку. Когда же истекъ и новый срокъ, въ началѣ 1781 г., и Платонъ пробовалъ повторить старую просьбу.

[1]) Ibid. стр. 232.

то отъ императрицы получился двусмысленный отвѣтъ: она отдавала на его волю, ѣхать (если нужнымъ дѣлъ нѣтъ) или не ѣхать. Это значило, собственно, деликатную отставку. Въ Платонѣ уже давно на верху перестали нуждаться. Въ память прошлаго и изъ тактическихъ соображеній Екатерина задерживала полное удаленіе его съ горизонта правящихъ сферъ. Теперь приличіе было соблюдено, а демонстративныя просьбы Платона дѣлали дальнѣйшее соблюденіе и ненужнымъ; потому ему дали понять, что онъ свободенъ и можетъ больше не ѣздить въ Петербургъ, если не желаетъ. Но и Платонъ, искусившійся въ придворномъ обращеніи, отлично понялъ, что значитъ тонъ отвѣта государыни. Инстинктъ человѣка, привыкшаго къ власти, заговорилъ въ немъ: онъ просилъ увольненія, когда онъ думалъ, что въ немъ нуждаются и будутъ его удерживать, а теперь, когда ему предоставили свободу, рѣшилъ ѣхать. Можетъ быть, онъ надѣялся поддержать свое падающее вліяніе. Но въ такомъ случаѣ ошибся. Послѣ письма императрицы ему лучше бы не ѣздить. Платонъ явился въ Петербургъ въ концѣ 1781 г., а спустя нѣсколько мѣсяцевъ получилъ повелѣніе императрицы отправиться въ Москву для открытія московскаго намѣстничества, причемъ о возвращеніи опять въ синодъ уже ничего не говорилось [1]). Это было уже форменное увольненіе, и не по просьбѣ, потому что открытіе намѣстничества было, конечно, простымъ предлогомъ. Очевидно, Платонъ оказался совсѣмъ неудобенъ въ Петербургѣ и его здѣсь вовсе не ожидали. Первенствующій членъ синода архіеп. новгородскій Гавріилъ (Петровъ) былъ изъ числа лицъ, къ Платону не очень расположенныхъ (Платонъ предвосхитилъ у него законоучительство). Присутствіе рядомъ съ нимъ Платона, архіепископа московскаго, создавало соперничество между ними, а оппозиціонное отношеніе Платона къ синодскому курсу грозило недоразумѣніями. Оберъ-прокурорская власть въ синодѣ, возбуждавшая постоянное недовольство Платона, навѣрно, также отнеслась къ его появленію послѣ долгаго отсутствія не совсѣмъ доброжелательно. Отъ потерявшаго фаворъ при дворѣ архіерея освободиться было не трудно, и вотъ Платону пришлось возвратиться въ Москву совершенно неожиданно. Впослѣдствіи Платонъ, между прочимъ, объяснялъ, что его вы-

[1]) Ibid. стр. 233.

жило изъ синода именно господство тамъ «свѣтскихъ» [1]. Платонъ покинулъ синодъ, чтобы болѣе уже никогда туда не возвращаться.

Съ этого момента, со времени окончательнаго удаленія изъ синода, начинается новый періодъ жизни Платона. Его церковно-правительственая звѣзда закатилась. Хотя оффиціально онъ сохранилъ свое прежнее положеніе, но, по удаленіи въ Москву, ему пришлось уже теперь волей-неволей ограничиваться кругомъ епархіальной дѣятельности, лишь въ роли созерцателя наблюдая церковныя событія въ правящихъ сферахъ. Это новое положеніе сказалось замѣтно на характерѣ отношеній Платона къ современной дѣйствительности. Пока онъ самъ стоялъ близко къ кормилу церковной власти, то онъ, видимо, старался болѣе или менѣе скрывать свое недовольство ходомъ дѣлъ. Иначе ему пришлось бы натолкнуться на естественное возраженіе, что вѣдь и самъ онъ былъ участникомъ происходящаго. Разрывъ съ синодомъ и Петербургомъ устранялъ это сдерживающее обстоятельство, а обстановка разрыва давала новую пищу старому недовольству. И вотъ мы видимъ, какъ блестящій Платонъ постепенно все болѣе и болѣе превращается въ брюзжащаго отставного церковнаго сановника, въ которомъ вся правительственная дѣятельность вызываетъ глухую оппозицію и который, не рискуя открыто обнаруживать свое настроеніе, пользуется всякимъ случаемъ, чтобы высказать его хотя людямъ, себѣ близкимъ.

Отношеніе Платона къ церковно-правительственной дѣятельности во вторую половину царствованія Екатерины, съ 1782 г., довольно ярко отразилось въ его перепискѣ съ преосв. Амвросіемъ (Подобѣдовымъ), бывшимъ ученикомъ своимъ по троицкой семинаріи и своимъ викаріемъ (1778—1781 г.г.), а потомъ епископомъ крутицкимъ (1781—1785 г.г.), архіепископомъ казанскимъ (1785—1799 г.г.) и, наконецъ, сначала архіепископомъ СПбургскимъ (съ 1799 г.), а потомъ митрополитомъ новгородскимъ (съ 1801 г.). Считая Амвросія своимъ единомышленникомъ, Платонъ дѣлился съ нимъ своими мыслями и чувствами по каждому поводу, правда, выражаясь большею частью прикровенно...

Церковно-правительственныя мѣропріятія того времени.

---

[1]) Письма Платона къ преосв. Амвросію и Августину, М. 1870 г., стр. 103.

исходящія ли отъ власти гражданской, или отъ власти церковной, обыкновенно встрѣчали рѣзкую критику въ московскомъ архіереѣ. Узнавъ объ изданіи штатовъ для малороссійскихъ монастырей и секуляризаціи здѣсь монастырскихъ имѣній, Платонъ взволнованно писалъ Амвросію: «Не знаю, будетъ ли когда этимъ чудесамъ конецъ... Надобно молиться Богу, чтобы онъ воззрѣлъ на насъ милостивѣе» (отъ 22 апр. 1786 г.). Повторяя тотъ же вопросъ въ другомъ письмѣ (отъ 29 мая 1786 г.), московскій святитель выражается еще мрачнѣе: «Существуетъ ли Провидѣніе? Но какъ же можетъ быть, чтобы Его не было? То безпокоитъ сердца наши, что не знаемъ, каковы причины и какой будетъ конецъ всего этого. Смирись, о человѣкъ! и умолкни предъ судами Бога!» [1]) Такъ реагировалъ Платонъ на мѣру, которую правительство называло новымъ образчикомъ матерняго попеченія государыни о церкви православной... По поводу пожалованія государыней митры своему духовнику протоіерею Памфилову, московскій владыка высказывалъ свое недовольство въ слѣдующихъ строкахъ: «О шапкѣ поповской нечего желать для другихъ. Ибо ежели многіе попы и будутъ носить, то еще будетъ или страшнѣе, или презрительнѣе... Впрочемъ, Богу поручимъ все и самихъ себя» [2]). Когда въ Москву дошли слухи въ 1788 г. о предполагаемой реформѣ консисторій, то Платонъ заранѣе осудилъ ее. «Здѣсь,— писалъ онъ Амвросію (отъ 5 апр. 1788 г.),—много ходитъ слуховъ о будущихъ перемѣнахъ въ нашихъ консисторіяхъ, будто половина членовъ будетъ изъ свѣтскихъ лицъ. Сохрани Богъ отъ этого невыносимаго зла!» [3]) Распоряженіе о постоѣ въ архіерейскомъ домѣ полицейскихъ вызвало со стороны Платона такую реплику: «по-истинѣ, это гнѣвъ Божій за наши грѣхи». А объ указѣ 1788 г. о содержаніи при архіерейскихъ домахъ прошнурованныхъ и запечатанныхъ книгъ для описи казеннаго имущества владыка спрашивалъ Амвросія: «Что вы думаете о недавно изданномъ указѣ объ имуществѣ домовъ нашихъ? Можетъ ли быть чтó несправедливѣе и нелѣпѣе?.. Что намъ дѣлать, несчастнымъ, какъ не призывать Бога?» [4]). Узнавъ, что отказано въ деньгахъ на поправку церковныхъ зданій, Платонъ восклицалъ: «Боже благій! Сколь тяжкій гнѣвъ Твой привлекли мы на себя! Намъ, несчастнымъ, ничего не

---

[1]) Письма Платона къ Амвросію и Августину, М. 1870, стр. 7—8.
[2]) Ibid., стр. 9. [3]) Ibid., стр. 14. [4]) Ibid., стр. 16.

остается дѣлать, какъ только смириться предъ лицомъ Бога нашего и безмолвно ожидать его помощи» (письмо къ Амвр. отъ 20 сент. 1788 г.) [1]). Получивъ указъ объ устройствѣ новаго монастыря и назначеніи туда архимандритомъ Моисея (Гумилевскаго), недовольный и тутъ чѣмъ-то Платонъ замѣчаетъ: «Вотъ новинка! Мы въ такомъ вѣкѣ живемъ, что видимъ много новаго подъ солнцемъ» (25 іюня 1789 г.) [2]). Отобраніе нѣкоторыхъ московскихъ подворій для постройки гостинаго двора, съ выдачей за нихъ денегъ, вызвало у святителя горькія слова: «Вотъ, изволь радоваться и веселиться! А для чего не такъ? Мы путешествующіе: а на дорогѣ чѣмъ легче, тѣмъ лучше. Не худо же на дорогѣ и безъ хлѣба быть: а Богъ есть хлѣбъ жизни! Это правда. Видно, мы худо молимся Ему» [3]).

Нерѣдко негодовалъ и жаловался Платонъ и вообще на положеніе вещей, на существующіе порядки, даже иногда безпредметно, видимо, лишь бы дать выходъ накопившейся досадѣ. Такъ, въ одномъ письмѣ онъ пишетъ Амвросію: «Четыре епархіи на рукахъ; дѣла много, а помощниковъ мало. Епархіи разстраиваются, а мы приказнымъ однимъ порядкомъ, безъ хозяевъ, мало помогаемъ. Богъ вѣдаетъ, что за судьба таковая церкви Его» [4]). Другой разъ онъ пишетъ: «Спрашиваете о новостяхъ: думаю, что онѣ до васъ дошли; ихъ больше, нежели сколько мы желали, или ожидали. Нѣтъ почти ничего, что было бы для насъ выгодно или утѣшительно. Все, кажется, идетъ къ худшему» [5]). Отдѣльныя ноты недовольства сопровождаютъ почти каждое письмо Платона къ своему другу.

Источникомъ всякаго зла въ церковномъ управленіи недовольный святитель считалъ «свѣтскія начала», привнесенныя сюда вліяніемъ государственной власти. Жалобы на эти начала и умаленіе власти епископата—тоже постоянный лейтъмотивъ Платоновой переписки. «Пишете о жалкомъ положеніи духовенства?—читаемъ въ письмѣ къ Амвросію отъ 30 авг. 1788 г.—И не удивляюсь, зная, что привнесены свѣтскія начала, отъ чего проистекаетъ все зло; именно имъ ввѣрена вся власть; насъ ставятъ ни во что и не только хотятъ подчинить насъ себѣ, но и почитаютъ своими подчиненными» [6]). Послѣ отказа въ деньгахъ на церковныя починки, Платонъ высказы-

---

[1]) Ibid., стр. 17. [2]) Ibid., стр. 18. [3]) ibid., стр. 19.
[4]) Ibid., стр. 12—13. [5]) Ibid., стр. 15. [6]) Ibid., стр. 15—16.

валъ, что «тяжеле самаго отказа то, что мы и на свои деньги ничего не можемъ возобновлять въ домахъ и монастыряхъ, не испросивъ дозволенія отъ свѣтскаго начальства. Какое намъ дѣло до нихъ и имъ до насъ? И съ чего взяли, чтобы мы подчинялись имъ даже въ этомъ!» [1]) Но значительную часть отвѣтственности за церковное положеніе московскій іерархъ возлагалъ и на своихъ собратій-архіереевъ, стоящихъ у кормила церковнаго управленія. Мы знаемъ, что еще будучи въ синодѣ, онъ упрекалъ ихъ въ малодушіи и своекорыстіи, уступчивости и предательствѣ церковныхъ интересовъ. Теперь эти упреки (правда, за-глаза...) пріобрѣтаютъ еще бо́льшую рѣзкость. Возмущаясь указомъ о шнуровыхъ книгахъ и сравнивая его съ стѣснительными распоряженіями гражданскаго начальства (о постоѣ полицейскихъ), Платонъ пишетъ: «Особенно тяжко, что наше-то начальство не только не идетъ противъ нихъ (свѣтскихъ), но даже содѣйствуетъ имъ и бѣжитъ съ нимъ въ перегонку» [2]). Тотъ же отказъ въ деньгахъ на починки даетъ поводъ Платону сказать: «не удивляюсь этому, а тому больше удивляюсь, что наши не только не заботятся облегчить эти бѣдствія, но еще умножаютъ ихъ и увеличиваютъ» [3]). Въ другой разъ, по случаю непріятности, полученной изъ синода, московскій владыка выразился: «Вотъ Евангеліе! Враги человѣку домашніе его; а по просту: кому отъ чужихъ, а намъ отъ своихъ; все такъ идетъ» [4]).

Недовольство Платона въ значительной степени питалось и конфликтами, возникавшими въ области собственнаго его епархіальнаго управленія. Московское духовенство и московскіе епархіальные чиновники вообще принадлежали къ числу людей, соприкасающихся съ сильными міра, имѣющихъ связи и потому болѣе независимыхъ, чѣмъ это было въ другихъ епархіяхъ. Платонъ же былъ, какъ видно, человѣкомъ, весьма высоко ставящимъ архіерейское достоинство и считающимъ епископа полнымъ хозяиномъ своей епархіи. Такому начальнику трудно ладить съ независимыми подчиненными. Пока Платонъ былъ въ силѣ въ высшихъ сферахъ, и въ Москвѣ все ему покорялось, зная, что при конфликтѣ тягаться съ владыкой безнадежно. Когда же положеніе Платона пошатнулось, то всѣ почувствовали это, стали свободнѣе и на этой почвѣ

---

[1]) Ibid., стр. 16—17. [2]) Ibid., стр. 16. [3]) Ibid.
[4]) Ibid., стр. 18.

возникло для преосвященнаго не мало огорченій. Больше всего таковыхъ причиняло ему такъ называемое ставропигіальное духовенство, т. е. духовенство московскихъ ставропигіальныхъ монастырей и придворныхъ соборовъ, изъятое изъ подчиненія мѣстному архіерею и подчиненные непосредственно синоду. Придворное московское духовенство и ставропигіальные архимандриты, повидимому, начали позволять себѣ, со времени опалы на Платона, нѣсколько демонстративное обнаруженіе своей независимости. Доказательствомъ этого служатъ извѣстное поведеніе протоіерея московскаго Архангельскаго собора Петра Алексѣева [1]) и жалобы самого Платона. Въ 1792 г. онъ писалъ, напримѣръ, императрицѣ о «затрудненіи и безпокойствѣ», причиняемыхъ ему ставропигіальными монастырями, архимандриты которыхъ по разнымъ обстоятельствамъ почти ежедневно встрѣчаются съ нимъ, «но не бывъ въ вѣдомствѣ его», и считая себя отъ него независимыми, «не имѣютъ должнаго повиновенія, даже иногда мало и самая благопристойность наблюдается» [2]). Платонъ ходатайствовалъ, чтобы ставропигіальные монастыри отдали въ его вѣдѣніе; но удовлетворенія не получилъ. На независимыхъ архимандритовъ жаловался Платонъ и въ письмахъ къ Амвросію [3]). Епархіальные чиновники, опирающіеся на синодъ, то же чувствовали себя независимо. Такъ, въ 1796 г., Платонъ писалъ Амросію, что у него есть секретарь Виноградовъ, человѣкъ бездѣльный и взяточникъ, не слушающійся ни его, ни консисторіи. Онъ хотѣлъ бы представить въ синодъ о его увольненіи, но не чувствовалъ подъ собою достаточно почвы. «Наше несчастье,—писалъ Платонъ Амросію,—что и секретаря противу воли держимъ и отрѣшить не смѣемъ. Прошу дать совѣтъ—представлять ли и выйдетъ ли что въ пользу нашу? Ибо сей неисправный подъячій еще что-то надѣется и не опасается, чтобъ вышло не въ пользу его; а намъ напротивъ поуграживаетъ. Прошу и въ семъ случаѣ меня успокоить: какъ же не смущаться? Какъ бодрость духа удержать, особливо воображая прежнее свое положеніе?» Въ концѣ концовъ, когда въ синодѣ потребовали справку о сескретарѣ, московскій вла-

---

[1]) См. о немъ ст. Корсакова въ „Рус. Арх.“, 1880 г., кн. 2, стр. 153—210.

[2]) Письма м. Платона къ высоч. особамъ, М. 1895 г., стр. 7—8.

[3]) Стр. 34.

дыка рѣшилъ лучше оставить секретаря, чѣмъ съ нимъ тягаться. «Я думалъ,—объяснялъ онъ Амросію,—довольно, чтобъ мнѣ, главному его командиру, представить, что я его признаю неспособнымъ и онъ мнѣ неугоденъ, а выписку представлять,—это похоже, какъ бы мнѣ съ подъячимъ своимъ судиться. Посмотрю,—кажется лучше терпѣть худое, нежели захотѣть съ нимъ въ судъ идти» [1]). Все это, конечно, Платона раздражало.

Труденъ былъ, какъ видно, для бывшаго любимца придворныхъ сферъ переходъ на положеніе простого епархіальнаго администратора, подчиненнаго высшему церковному правительству. Платонъ, какъ показываетъ его вышеприведенное признаніе, съ горечью сравнивалъ свою новую роль съ прежнимъ положеніемъ... На почвѣ обрисованнаго настроенія святителя становятся понятными и его отношенія съ синодомъ и верховной властью послѣ удаленія изъ Петербурга. Антагонизмъ, хотя бы глухой, взглядовъ и убѣжденій съ окружающей средой и церковно-политическимъ курсомъ—вотъ что выжило Платона изъ синода и повело къ охлажденію къ нему императрицы. Какъ же теперь должны были реагировать сверху на поведеніе московскаго, архіерея? Его оппозиціонное отношеніе къ существующимъ порядкамъ, къ церковно-правительственнымъ мѣроцріятіямъ было, конечно, извѣстно правительству церковному и гражданскому. Такъ какъ это отношеніе не проявлялось какими-либо дѣйствіями, явно вызывающими, то и принимать противъ него какія-либо реальныя мѣры не было повода. Но ни синодъ, ни императрица не могли относиться къ Платону благосклонно. Критика синодальной дѣятельности, укоры правящимъ іерархамъ, навѣрно, достигали и до слуха заинтересованныхъ лицъ окольными путями. Характеръ послѣднихъ можно представить хотя бы по тому, что самъ Платонъ въ одномъ письмѣ Амвросію жалуется на перехватываніе писемъ [2]). Если дѣло доходило до этого, то, значитъ, за московскимъ владыкой зорко слѣдили и даже интимная сторона его настроенія не была тайной. Вообще, какъ видно, у Платона мало осталось друзей въ іерархическихъ кругахъ уже ко времени его удаленія въ Москву изъ Петербурга. Скрытое недоброжелательство не замедлило сказаться. Въ синодѣ не упускали теперь случая дать почувствовать московскому вла-

[1]) Ibid., стр. 35. [2]) Письма, 31.

дыкѣ свою власть и нанести укоръ его самолюбію, непомѣрному развитію котораго склонны были здѣсь приписывать самое Платоново протестующее настроеніе. Непріятности начались тотчасъ же послѣ разрыва съ синодомъ. Разсказавъ о своемъ пріѣздѣ въ Москву, Платонъ въ автобіографіи тутъ же жалуется на начавшіяся недоразумѣнія по службѣ. «Нѣкоторые,— пишетъ онъ,—въ главной его командѣ, или завистью подстрекаемы, или въ его осужденіи находя свои выгоды и повышенія, или не видя въ немъ къ своему честолюбію угожденія и уваженія, а особливо примѣтя, что и императрица, по нѣкоторымъ также внушеніямъ, хотя не совсѣмъ, однако не мало уменьшила своей благосклонности; по всѣмъ симъ причинамъ начали по командѣ причинять архіепископу многія затрудненія, досады, приказныя привязки, и добрыхъ его намѣреній и дѣлъ въ худую сторону толкованія» [1]). Какъ образецъ подобнаго рода «досадъ и привязокъ», можно привести инцидентъ съ «ранними священниками». Платонъ въ своей епархіи энергично преслѣдовалъ такъ называемыхъ крестцовыхъ и безмѣстныхъ поповъ, продающихъ свои услуги. Ихъ чаще всего нанимали служить раннія обѣдни, или вообще «викаріями» къ приходскимъ церквахъ. Платону удалось уничтожить «безчестный крестецъ»; но его недоброжелатели донесли, что будто бы онъ препятствуетъ служить раннія обѣдни и тѣмъ причиняетъ затрудненія населенію. Дѣло въ извращенномъ видѣ было доведено до императрицы и Платонъ отъ послѣдней получилъ письмо такого содержанія: «Преосвященный архіепископъ московскій Платонъ! Здѣсь дошелъ слухъ, будто бы въ Москвѣ по приходскимъ церквамъ, въ имѣющихся при нихъ придѣлахъ, запрещено служить раннія обѣдни; священники, къ тому употребленные, отобраны отъ оныхъ придѣловъ, и что все это учинено по моему повелѣнію. А какъ такова повелѣнія отъ меня дано не было, да и не вѣроятно мнѣ показалось, чтобы въ отправленіи ранней службы Божіей могло послѣдовать какое либо затрудненіе, тѣмъ болѣе, что то для людей, торговыми и другими дозволенными промыслами упражняющихся, занятыхъ домостроительствомъ, и для служителей, необходимо нужно, и въ здѣшней столицѣ, равно какъ и въ прочихъ мѣстахъ, дозволено, то и полагаю, что сіе извѣстіе есть неосновательно: и для того желаю, чтобы Ваше преосвященство поспѣшили

[1]) Автобіографія у Снегирева, стр. 234.

увѣдомить Меня о семъ дѣлѣ; а между тѣмъ, буде бы случилось тутъ какое ни будь недоразумѣніе, приказали, кому слѣдуетъ, исправить» [1]). Платону пришлось объясняться и это сильно его взволновало. «Пишетъ ко мнѣ императрица,— жаловался онъ своему другу Амросію,—чтобы я ее увѣдомилъ, зачѣмъ священники, такъ называемые ранніе, лишены своихъ мѣстъ, и почему не совершаются литургіи, называемыя ранними. Я послалъ къ ней все, что нужно по этому дѣлу. Что выйдетъ, не знаю, но лучшаго не жду. Такъ то благоугодно Богу быть какъ волнуемымъ напастей бурею. Ждемъ погоды, но непогода усиливается. Едва достаетъ силъ переносить все это. Остается, впрочемъ, великое утѣшеніе въ совѣсти, которая, не сознавая за собою ничего худого, не совсѣмъ падаетъ подъ этимъ бременемъ» [2]).

Лица, не расположенныя къ Платону, конечно, старались поддерживать начавшееся охлажденіе государыни. Это было не трудно: Екатерина была изъ тѣхъ людей, которые скоро забываютъ о предметѣ, разъ вышедшемъ изъ сферы ихъ вниманія. Она не старалась сдерживать свою холодность даже и во имя приличій. Въ 1785 г., будучи въ Москвѣ на нѣсколько дней, государыня совершенно какъ бы не замѣтила Платона, что задѣло послѣдняго [3]). Мало того, еще раньше Платону было нанесено косвенно весьма чувствительное оскорбленіе. Два другіе первенствующіе іерарха—архіепископы Гавріилъ новгородскій и Самуилъ кіевскій—въ 1783 г. были пожалованы титуломъ митрополита, а московскій владыка былъ обойденъ и остался по прежнему архіепископомъ. Для іерархическаго самосознанія Платона это былъ тяжелый ударъ. Онъ не безъ основанія приписывалъ его своимъ синодскимъ недоброжелателямъ. По дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, «положено было тогда и его пожаловать въ митрополита, и клобукъ бѣлый былъ приготовленъ, какъ самъ князь Потемкинъ Платону сказывалъ; но помѣшали злые люди, представляя, что онъ отъ сего якобы и болѣе возгордится; а наипаче духовникъ императрицы Памфиловъ» [4]). У Памфилова съ Платономъ были свои счеты изъ-за московскаго придворнаго духовенства, при чемъ Памфиловъ оказывалъ покровительство лицамъ, под-

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. росс., 1875 г., кн. 4, стр. 170.
[2]) Письма, стр. 5—6. [3]) Автобіографія, стр. 234.
[4]) Автобіографія, стр. 235.

вергавшимся немилости у Платона. Сильно настраивалъ Памфилова противъ Платона и его протеже, вышеупомянутый прот. Петръ Алексѣевъ, человѣкъ безъ строгихъ нравственныхъ принциповъ, справедливо подвергавшійся взысканіямъ со стороны епархіальнаго начальства. Какъ бы то ни было, но въ глазахъ Памфилова, пользовавшагося большимъ уваженіемъ и довѣріемъ Екатерины, Платонъ былъ представителемъ властолюбивыхъ іерархическихъ тенденцій монашествующаго духовенства, между тѣмъ какъ самъ Памфиловъ считался защитникомъ интересовъ бѣлаго духовенства. Непріязненныя отношенія съ Памфиловымъ Платона обострились извѣстной исторіей изъ за митры, пожалованной духовнику. Мы видѣли, какъ Платонъ отнесся къ этому пожалованью: онъ считалъ ее узурпаціей архіерейской привиллегіи. Въ знакъ досады московскій владыка прозвалъ Памфилова pope mitratus. Конечно, и духовникъ съ своей стороны готовъ былъ причинить, при случаѣ, Платону непріятность. Если онъ, дѣйствительно, былъ виновникомъ обиды Платона съ бѣлымъ клобукомъ, то достигъ цѣли: Платонъ, не любившій вообще признаваться въ уязвленіи самолюбія, на этотъ разъ самъ сознается, что ему былъ «прискорбенъ» обходъ его съ митрополичьимъ званіемъ [1]). Впрочемъ, униженіе московскаго владыки было временнымъ. Екатерина должна была понимать, что въ глазахъ общества, чтившаго въ Платонѣ блестящаго проповѣдника и воспитателя наслѣдника престола, нельзя унижать его безнаказанно. И тактъ не позволилъ ей долго продолжать обиду. Лѣтомъ 1787 г., на обратномъ пути изъ Крыма, императрица посѣтила Москву, на этомъ разъ оказала архіепископу особое вниманіе, а въ день ангела 29 іюня пожаловала его и бѣлымъ клобукомъ, причемъ самому Памфилову выпало на долю провозгласить Платона митрополитомъ [2]).

Этотъ проблескъ стараго благоволенія сильно обрадовалъ Платона. Онъ напомнилъ ему о минувшихъ дняхъ власти, почета и вліянія и поднялъ его упавшій отъ испытанія судьбы духъ. Повидимому, у него мелькнула мысль, что звѣзда его снова готовится подняться. Но онъ ошибся. Обласкавъ знаменитаго іерарха, во вниманіе къ общественному мнѣнію, Екатерина опять объ немъ забыла и вовсе не думала призывать его снова къ церковно-правительственной дѣятельности. Въ

[1]) Ibid., стр. 235. [2]) Ibid.

положеніи Платона, кромѣ титула, ничто не измѣнилось. Напротивъ, милость государыни какъ бы разожгла непріязнь къ нему его антагонистовъ и они постарались, съ одной стороны, набросить на него тѣнь въ глазахъ императрицы, а съ другой— дать ему почувствовать, что власть все-таки остается въ ихъ рукахъ. «Обрадованъ былъ Платонъ,—пишетъ митрополитъ въ автобіографіи, послѣ пожалованія ему бѣлаго клобука,— но не обрадовались тѣ, кои ему не доброжелательствовали, а власть по командѣ духовной имѣли въ своихъ рукахъ; почитали его для себя тягостнымъ, и не надѣялись себя возвысить и усилить, развѣ униженіемъ и ослабленіемъ его; всѣ изобрѣтали способы его безпокоить. Нѣкоторые явились просители въ синодѣ, что никогда не бывало. Ибо узнали, что есть такіе, кои тому рады, и имъ помогать будутъ. И хотя бы просители по дѣлу не могли ничего получить, ибо оказались виновными; но между тѣмъ разными спросами, справками и нарочнымъ продолженіемъ былъ митрополитъ обезпокоиванъ. При томъ въ Москвѣ, чего ни въ какой почти епархіи нѣтъ, команда раздѣлилась, весь городъ и монастыри въ командѣ митрополита, но нѣкоторые монастыри и два собора подъ вѣдомствомъ синода. Сіи архимандриты, и соборные попы, митрополиту не токмо во многомъ не повиновались по обрядамъ церковнымъ, но и досады разныя причиняли... Имъ наипаче содѣйствовали взошедшіе въ особую у императрицы довѣренность митрополитъ новгородскій Гавріилъ, и оберъ-прокуроръ Пушкинъ, кои два въ синодѣ дѣлали, что хотѣли, и явно властью синодскою, и тайно, изощренными способы. А другіе, имъ угождая, хотя и нехотя, тому же послѣдовали» [1]).

Здѣсь мы видимъ, что главнымъ виновникомъ недоброжелательнаго отношенія къ себѣ высшихъ сферъ и отстраненія его отъ власти Платонъ считалъ митр. Гавріила, съ оберъ-прокуроромъ Мусинымъ-Пушкинымъ, сторонникомъ Гавріила. У Платона съ Гавріиломъ нелады начались давно, кажется съ момента ихъ невольнаго соперничества при замѣщеніи должности законоучителя наслѣдника престола. Затѣмъ, Платонъ съ Гавріиломъ явились силою обстоятельствъ соперниками и въ дальнѣйшемъ іерархическомъ служеніи, возвышаясь одновременно и одновременно становясь претендентами на ближайшее участіе въ высшемъ церковномъ управленіи. Гавріилу достался Петер-

[1]) Стр. 236.

бургъ—ближе къ трону; Платону—Москва. Но въ дальнѣйшемъ Гавріилъ опередилъ Платона и въ то время какъ последній совсѣмъ отстранился изъ синода, первый занялъ въ немъ первенствующее мѣсто. Весьма возможно, что въ глубинѣ души Платонъ считалъ это мѣсто принадлежащимъ себѣ по праву заслугъ и дарованій, и потому еще болѣе досадовалъ на соперника. Однако, со стороны Гавріила трудно и въ самомъ дѣлѣ предполагать какія-то тайныя интриги противъ своего московскаго собрата. Это былъ человѣкъ просвѣщенный, склонный къ подвижничеству, скромный и молчаливый, весьма умный, осторожный и тактичный, и несомнѣнно честный. У него не было ни остраго властолюбія, ни честолюбивой пронырливости. Высокій постъ достался ему безъ его хлопотъ, просто потому, что Екатерина увидѣла въ немъ человѣка, подходящаго подъ условія времени. Онъ не «пралъ противъ рожна», не любилъ шума, уступалъ гдѣ нужно, но не поступался все-таки нѣкоторыми основными принципами, и умѣлъ лавировать въ концѣ концовъ среди современныхъ правительственныхъ теченій. Императрица, повидимому, искренно уважала Гавріила, какъ «мужа разонабельнаго», и прислушивалась къ тому, что скажетъ этотъ мужъ [1]), что было для нея рѣдкостью... Тайная интрига или месть со стороны такого человѣка неестественны. Надобно думать, поэтому, что Платонъ не совсѣмъ безпристрастно оцѣнивалъ обстоятельства. Въ синодѣ, быть можетъ, только просто не оказывали московскому митрополиту особой предупредительности и считали нужнымъ разобрать каждую жалобу изъ его епархіи. Платону, который полагалъ, что ему должны вѣрить на слово, какъ начальнику, такой порядокъ не нравился и онъ приписывалъ его злостному намѣренію. Нельзя не сказать, что въ иныхъ случаяхъ самъ Платонъ былъ виноватъ въ возникавшихъ непріятностяхъ. Такъ, еще въ 1782 году Платонъ просилъ, чтобы не требовалось отчета въ деньгахъ, отпускаемыхъ на ремонтъ архіерейскихъ домовъ. Императрица этого не разрѣшила, и между прочимъ Платону было поручено сообщить объ этомъ указѣ синоду для объявленія по епархіямъ. Платонъ указа не объявилъ. Обстоятельство это открылось только въ 1789 г., когда возникло дѣло о незаконномъ употребленіи денегъ въ вятскомъ

---

[1]) Макарій, Сказаніе о жизни и трудахъ м. Гавріила, 1897 г., стр. 26, 28, 29, 49 и др.

архіерейскомъ домѣ. Оказалось, что тамъ указа 1782 г. не имѣлось. Тогда св. синодъ затребовалъ отъ Платона копію не объявленнаго имъ указа. Платону пришлось извиняться забывчивостью и, конечно, чувствовать себя непріятно. Амвросію по этому поводу онъ писалъ: «Вятское дѣло столь постыдно, что горестно и вспоминать. Вотъ Евангеліе! Враги человѣку домашніе его»... [1]). Но кто же тутъ былъ виноватъ?

Итакъ, бѣлый клобукъ не былъ для Платона знакомъ новаго восхожденія его звѣзды. Это была царская милость отставному дѣятелю, котораго считали нужнымъ сохранять для глазъ общества. Императрица, видимо, давно составила уже о московскомъ іерархѣ свое мнѣніе, которое разъ навсегда устраняло возможность привлеченія его снова къ какому-либо отвѣтственному дѣлу [2]). Платонъ понялъ это. Онъ пробовалъ было обращаться къ государынѣ, послѣ ея милости, по нѣкоторымъ епархіальнымъ дѣламъ, но не получилъ даже отвѣта [3]). Видя такое невниманіе и удручаемый отношеніемъ къ нему правящихъ церковныхъ сферъ, онъ, наконецъ, рѣшился на крайнюю мѣру: 2 февр. 1792 г. подалъ прошеніе объ увольненіи его и отъ епархіальнаго управленія, съ дозволеніемъ жить въ Лаврѣ. Свой поступокъ онъ такъ объяснялъ Амвросію: «Не однѣ немощи тѣлесныя препятствуютъ мнѣ продолжать управленіе, но самое управленіе рождаетъ во мнѣ скуку и тоску... Синодскіе всячески стараются разрушить то, что могло бы служить къ моему спокойствію» [4]). Конечно, въ просьбѣ Платона былъ нѣкоторый элементъ демонстраціи; но, по существу, кажется, онъ искренне желалъ лучше уйти совсѣмъ со служебнаго поприща, чѣмъ оставаться въ унизительномъ, по его мнѣнію, положеніи. Однако, просьба не была уважена. Екатерина именно понимала, что митрополитъ просится на покой не столько по немощамъ тѣлеснымъ, сколько побуждаемый внутреннимъ недовольствомъ; а она не хотѣла дать поводъ обществу обвинять себя въ несправедливости къ маститому іерарху, воспитателю ея сына. И на этотъ разъ не замедлилъ получиться отъ государыни отвѣтъ. Она писала, что ей «сожалительно» видѣть обстоятельства, побуждающія Платона просить

---

[1]) Письма, стр. 18.

[2]) Мы разумѣемъ отзывъ императрицы о Платонѣ, передаваемый въ запискахъ Храповицкаго (подъ 27 апр. 1788 г.): „блудливъ, какъ кошка, труслив какъ заяцъ“.

[3]) Автоб., стр. 236. [4]) Письма, стр. 23.

увольненія отъ епархіи (Платонъ указывалъ на болѣзни и стремленіе къ уединенію), и говорила, что она находитъ возможность и безъ увольненія быть ему свободнымъ отъ дѣлъ. Именно, она предоставляла ему жить въ Лаврѣ, сколько угодно, а епархіальное правленіе поручить викарію [1]).

Платонъ остался на каѳедрѣ, но его роль теперь стала уже наполовину декоративной. Сдавъ значительную часть дѣлъ викарію и отстранившись совсѣмъ отъ участія въ синодальной конторѣ, гдѣ онъ давно чувствовалъ себя такъ же непріятно, какъ нѣкогда въ синодѣ, онъ большею частью жилъ въ Лаврѣ и въ созданной имъ Виѳаніи. Новое положеніе сказалось, естественно, еще большимъ удаленіемъ отъ сферы обще-церковныхъ дѣлъ, съ которою до сихъ поръ все-таки приходилось соприкасаться митрополиту. Платонъ это почувствовалъ и съ оттѣнкомъ горечи писалъ Амвросію (отъ 13 ноября 1794 г.): «Прежде я васъ письмами задиралъ: ибо нѣсколько рулемъ общихъ дѣлъ правя, имѣлъ что писать. Но нынѣ все вращается безъ меня: другіе на себя обращаютъ очи и перо» [2]). Отношеніе императрицы, въ послѣдніе годы ея жизни, къ московскому митрополиту стало еще холоднѣе. Она иногда готова была уже его въ лицо третировать и чуть ли не читать ему полу-ироническіе уроки. Такимъ тономъ по крайней мѣрѣ дышетъ ея отвѣтъ на просьбу Платона, въ мартѣ 1796 г., дозволить ему путешествіе въ Кіевъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ. «Преосвященный митрополитъ московскій!—гласитъ письмо императрицы.—Я получила письмо ваше отъ 23 марта, изъявляющее желаніе ваше видѣть древній городъ Кіевъ и посѣтить тамошнія святыя мѣста. Къ удовлетворенію онаго не нахожу я удобнымъ настоящее время, во-первыхъ, по причинѣ, что тамъ хозяина нѣтъ, а во-вторыхъ, и по состоянію слабаго здоровья вашего, не позволяющаго такъ дальной путь предпринять. Впрочемъ, если по болѣзни нужно вамъ движеніе, то не лучше ли объѣхать свою, или порученную вамъ Крутицкую епархію, которыхъ пространство довольно велико; а изъ того можетъ произойти и польза для вашего здоровья и польза для епархіи» [3]). Зву-

[1]) Письмо Платона Екатеринѣ—въ „Письмахъ Пл. къ высоч. особамъ", стр. 6. Письмо Екатерины къ Платону — у Снегирева, ч. I, стр. 127.

[2]) Письма, стр. 26.

[3]) „Чт. въ общ. ист. и др. рос.", 1875 г., кн. 4, стр. 177.

чащее тутъ желаніе уколоть митрополита за прежнюю демонстративную просьбу на покой и иронія надъ благочестивымъ желаніемъ старца были не совсѣмъ приличны по отношенію къ 60-лѣтнему іерарху; но сама Екатерина доживала послѣдніе мѣсяцы и, можетъ быть, нельзя судить ее слишкомъ строго. Платонъ справедливо недоумѣвалъ, почему ему не разрѣшили отправиться въ Кіевъ и подозрѣвалъ тутъ интригу все со стороны того же Гавріила, въ которомъ видѣлъ своего недоброжелателя [1]).

Единственнымъ свѣтлымъ лучомъ для Платона въ эти сумерки екатерининскаго царствованія былъ призывъ къ церковно-правительственной дѣятельности его друга, преосвященнаго Амвросія Подобѣдова. Въ 1795 году Амвросій былъ вызванъ изъ Казани въ Петербургъ для присутствованія въ св. синодѣ. Уже самый слухъ объ этомъ событіи наполнилъ радостью сердце московскаго митрополита. «Здѣсь носится слухъ,—писалъ онъ Амвросію 9 іюля 1795 г.,—будто вы скоро переселитесь въ Петербургъ. Если это случится, то есть чему порадоваться и вамъ и мнѣ самому; ибо не сомнѣваюсь, что это послужитъ къ славѣ Божіей и къ пользѣ церкви, а не къ тому, чтобы намъ раболѣпствовать страстяхъ другихъ» [2]). На Амвросія Платонъ возлагалъ надежды. Онъ радъ былъ имѣть въ синодѣ хотя одного «своего» человѣка, на котораго онъ могъ бы разсчитывать и который, ему казалось, будетъ проводить его взгляды. Но радость эта была нѣсколько преждевременной...

Вообще надежда на перемѣну обстоятельствъ не оставляла Платона въ его московскомъ уединеніи. «Упованіе на Бога, не благоволитъ ли когда перемѣнить печальная на радостная» [3]) поддерживало духъ московскаго іерарха въ трудныя минуты. И вотъ наступилъ моментъ, когда, повидимому, надеждѣ предстояло осуществиться. 6-го ноября 1796 г. скончалась императрица Екатерина и на престолъ вступилъ воспитанникъ Платона Павелъ. Какія дружескія отношенія были между Платономъ и Павломъ при жизни матери послѣдняго, можно судить по приведенному нами выше письму Павла къ своему учителю. И такихъ писемъ было не мало. Наслѣдникъ престола и послѣ удаленія Платона въ Москву продолжалъ

---

[1]) Письма къ Амвросію, стр. 29.
[2]) Ibid., стр. 27. [3]) Ibid., стр. 19.

поддерживать съ нимъ дружескую переписку, оставаясь вѣрнымъ старому уваженію и привязанности. Естественно, что переходъ императорскаго скипетра къ Платонову ученику породилъ у всѣхъ мысль, что теперь настало время торжества для полу-опальнаго іерарха. Тѣмъ болѣе, послѣдній былъ еще въ сущности въ полнотѣ силъ: ему было всего ок. 60 лѣтъ и его немощи, какъ не скрывалъ онъ и самъ, были скорѣе дипломатическаго свойства, не мѣшая ему, въ случаѣ нужды, еще дѣятельно трудиться на поприщѣ церковнаго управленія. «Всѣ обратили взоры свои на Платона,—читаемъ мы въ автобіографіи,—не только въ Россіи, но, можетъ быть, и внѣ предѣлъ ея; какъ то онъ могъ усматривать изъ писемъ, полученныхъ имъ изъ разныхъ мѣстъ. Всѣ почитали, что онъ у новаго императора въ особой будетъ довѣренности, и особеннымъ какимъ-либо образомъ будетъ отличенъ и возвышенъ. Ибо, кромѣ должности учительской, которую онъ проходилъ при новомъ государѣ, еще съ десяти его лѣтъ, всегда былъ имъ любимъ Платонъ, и по отбытіи отъ двора, всегдашнюю съ нимъ любовную велъ переписку лѣтъ черезъ пятнадцать; даже не упускалъ государь того, когда былъ и въ чужихъ краяхъ, какъ-то своеручныя письма его, коихъ до 200, и кои хранятся до нынѣ цѣлы, свидѣтельствуютъ. Всегда удостоивалъ его, такъ сказать, своей дружбы и подписывалъ къ нему въ письмахъ: вашъ вѣрный другъ. Да и въ самые изъ Москвы въ Петербургъ пріѣзды не иначе съ нимъ обходился, какъ съ другомъ. По сему всѣ заключили о Платонѣ что-то немалое» [1]). Но должно быть счастье, столь баловавшее Платона на зарѣ его дѣятельности, отвернулось отъ него, потому что и на этотъ разъ, при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не суждено было Платону снова войти во власть и силу, что всѣ предполагали. Не даромъ, при общей увѣренности въ его приближеніи ко двору, «одинъ онъ что-то предчувствовалъ все неблагопріятное», по словамъ автобіографіи.

Платоновъ вѣнценосный другъ сначала, дѣйствительно, первымъ долгомъ вспомнилъ о своемъ другѣ. Въ то время, какъ въ Москву летѣла молва о перемѣнѣ на тронѣ, вмѣстѣ съ нею летѣлъ уже курьеръ къ Платону съ собственноручнымъ письмомъ новаго государя (отъ 7-го ноября), которое гласило: «Преосвященный митрополитъ московскій Платонъ!

---

[1]) Автобіографія у Снегирева, стр. 238.

Вамъ первому симъ извѣщаю, что матери моей не стало вчера къ вечеру. Пріѣзжайте ко мнѣ, распорядя по епархіи своей. Всегда вѣрный другъ и благосклонный—Павелъ» [1]). Курьеръ прибылъ къ Платону черезъ часъ послѣ первыхъ писемъ, извѣщавшихъ о смерти Екатерины. Платонъ такъ передаетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него неожиданнымъ извѣстіемъ: «Сему призыву не весьма порадовался Платонъ; ибо любя уединеніе, и наскучивъ суетами міра сего, и приближаясь къ старости, боялся, чтобъ не принужденъ былъ жить въ Петербургѣ и не привязанъ былъ къ какимъ-либо дѣламъ, особливо при дворѣ» [2]). Но, во-первыхъ, позволительно думать, что радость Платона далеко превышала его опасенія: вспомнимъ только ту горечь, какую чувствовалъ онъ въ своемъ удаленіи отъ кормила власти. Во-вторыхъ, какъ бы то ни было, а Платона звали, какъ друга, къ трону и это ясно показывало, что взоры всѣхъ не напрасно обращались на него. Однако, все быстро измѣнилось.

Хотя государь звалъ Платона, очевидно, желая его поскорѣе видѣть при себѣ, но Платонъ не особенно поторопился. Слова письма Павла о распоряженіи по епархіи онъ понялъ, какъ отсрочку для устройства епархіальныхъ дѣлъ и, пріѣхавъ въ Москву изъ Лавры, занялся здѣсь этими дѣлами. Затѣмъ, здѣсь же услышалъ онъ о новости — награжденіи духовныхъ лицъ «кавалеріями»—орденами и кавалерскими званіями, введенномъ Павломъ тотчасъ по вступленіи на престолъ. Платонъ, разсчитывая на право дружбы, рѣшился высказаться государю противъ названнаго нововведенія, которое, по его мнѣнію, было дѣло «необыкновенное и никогда въ духовенствѣ ни въ греческомъ, ни въ россійскомъ небывалое», могущее вызвать «расколъ» и въ народѣ и «между единовѣрными какъ греческими и другими народами» раздѣленіе. Онъ написалъ Павлу письмо въ этомъ духѣ, говоря, что «новое архіереевъ кавалеріями пожалованіе принято почти отъ всѣхъ съ удивленіемъ, и что оно можетъ дать случай къ разнымъ толкованіямъ» [3]). Но Платонъ, видимо, плохо зналъ характеръ своего друга и ученика. Крайне вспыльчивый и раздражительный, болѣзненно - самолюбивый и подозрительный Павелъ

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. росс. 1875 г., кн. 4, стр. 178.

[2]) Автобіографія, стр. 237.

[3]) Ibid., стр. 238. Письма Пл. къ высоч. особ., стр. 9—10.

посмотрѣлъ и на замедленіе Платона и на его письмо о кавалеріяхъ съ точки зрѣнія самодержца, требующаго отъ всѣхъ безпрекословнаго повиновенія, а не друга и воспитанника. Замедленіе его обидѣло, а письмо внушало подозрѣніе, что московскій владыка пробуетъ вмѣшиваться въ его распоряженія и прекословить его волѣ. И когда, наконецъ, 2 декабря 1796 г., Платонъ выѣхалъ въ Петербургъ, то около Твери его встрѣтилъ курьеръ отъ государя съ грознымъ письмомъ такого рода: «Преосвященный митрополитъ московскій Платонъ! Съ удивленіемъ вижу я отлагательство и медленность пріѣзда вашего въ издѣшнюю столицу, а еще съ большимъ неудовольствіемъ неприличный отзывъ вашъ, въ послѣднемъ ко мнѣ письмѣ сдѣланный. Признаюсь, что сколь по долгу вѣрноподданнаго, столь наиболѣе по дружбѣ моей къ вамъ, ожидалъ я, что вы волю мою исполнить поспѣшите; но когда усматриваю противное тому, и когда вы въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего позволили себѣ шагъ непристойный и высокомѣрный, то и я убѣждаюсь стать противу васъ на другой уже ногѣ, приличной достоинству государя вашего». Подъ письмомъ не было уже увѣреній въ дружбѣ и благосклонности, а стояла лаконическая подпись: «Павелъ» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополиту наносилась другая, не меньшая обида. Въ письмѣ о кавалеріяхъ Платонъ между прочимъ просилъ императора, чтобы по случаю его отъѣзда въ Петербургъ дозволено было присутствовать въ московской синодальной конторѣ его викарію, епископу дмитровскому. Разгнѣванный Павелъ нашелъ, въ порывѣ досады, и эту просьбу «недѣльною», хотя въ ней не было ничего необычнаго, и далъ повелѣніе синоду «вразумить митрополита въ недѣльной его просьбѣ». Члены синода, съ оберъ-прокуроромъ Мусинымъ-Пушкинымъ, не очень расположенные къ Платону и, весьма возможно, опасавшіеся его возвращенія къ власти, поспѣшили воспользоваться неожиданной опалой и уязвить московскаго владыку. Былъ тотчасъ написанъ синодскій указъ со многими «вразумленіями», при чемъ, по словамъ Платона, такъ спѣшили, «что въ воскресный день, въ придворной церкви, на жертвенникѣ подписывали опредѣленіе» [2]).

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. рос. 1875 г., кн. 4, стр. 180—181.
[2]) Автобіографія, стр. 239.

Можно себѣ представить, какъ пораженъ былъ Платонъ, получивъ эти два удара—Павлово письмо и синодскій указъ. Онъ ѣхалъ съ радужными надеждами и вдругъ сразу попалъ въ опалу. Въ смущеніи и горести, не зная, что дѣлать, митрополитъ не рѣшался уже ѣхать въ Петербургъ: что было ему дѣлать у разгнѣваннаго монарха? Разсудивъ, что самое приглашеніе теперь потеряло силу, онъ возвратился въ Москву и отсюда послалъ объясненіе императору. Къ объясненію присоединялась просьба объ увольненіи на покой [1]): Платонъ думалъ, что все кончено и ему ничего не остается, какъ уйти, не дожидаясь дальнѣйшихъ проявленій монаршаго гнѣва. Но Павелъ былъ вспыльчивъ, а не злопамятенъ. Когда прошелъ порывъ гнѣва, въ немъ заговорили прежнія чувства къ воспитателю. По существу дѣла, вѣдь, Платонъ не сказалъ ему ничего обиднаго, во всякомъ случаѣ такого, что не согласно было бы съ «долгомъ вѣрноподданнаго»: «другъ» могъ бы говорить даже и смѣлѣе. Только характеръ императора объясняетъ его рѣзкость. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому въ свидѣтельствѣ сенатора Лопухина въ его запискахъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ опалы Павелъ говорилъ митрополиту Гавріилу: «Пожалуйста, оставьте Платона въ покоѣ, и безъ меня не касайтесь до него. Мы и такъ пересолили» [2]). На просьбу Платона объ увольненіи смягченный ученикъ отвѣчалъ уже какъ благосклонный монархъ (хотя и не «другъ»), желающій забыть свою неумѣренную вспышку. Онъ написалъ Платону, что ждалъ поспѣшнаго его пріѣзда отъ удовольствія его видѣсь съ собою и чтобы возложить и на него отличительные орденскіе знаки, пожалованные другимъ архіереямъ; что теперь ѣхать нужды нѣтъ, такъ какъ самъ онъ собирается въ Москву для коронаціи; и выражалъ надежду, что Платонъ не откажется отъ епархіи, продолжая управленіе «во славу Бога и на пользу паствы» [3]). Письмо нѣсколько ободрило Платона. Онъ остался. Но тѣ ожиданія, какія связывались съ именемъ Платона при восшествіи Павла на престолъ, исчезли безслѣдно. Онѣ мелькнули, какъ метеоръ, оставивъ московскаго святителя въ его прежнемъ печальномъ отчужденіи отъ высшихъ сферъ церковныхъ и придворныхъ.

---

[1]) Письма къ высоч. особамъ, стр. 8.

[2]) См. у Снегирева, 4-е изд., ч. I, стр. 120.

[3]) Чт. въ общ. ист. и др. росс. 1875 г., кн. 4, стр. 183.

Отношенія Платона съ новымъ императоромъ, разъ омрачившись, болѣе не налаживались. «Дружба» порвалась. Хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ онъ писалъ въ своемъ гнѣвномъ письмѣ, но Павелъ сталъ съ бывшимъ учителемъ «на другую ногу». Не такіе люди, какъ Платонъ, могли угодить измѣнчивому, подозрительному монарху, для котораго много значила всякая мелочь. Въ мартѣ 1797 г. ожидался въ Москву пріѣздъ государя для коронаціи. Къ этому времени прибылъ сюда синодъ, гдѣ велѣно было присутствовать и Платону. Но положеніе временнаго гостя въ высокомъ учрежденіи не доставляло удовольствія московскому митрополиту. Какъ онъ долженъ былъ чувствовать себя среди тѣхъ, кто недавно писалъ ему обидныя «вразумленія»? Платонъ предпочелъ лишь изрѣдка появляться въ синодѣ, да и то жаловался на «искушенія», претерпѣваемыя отъ собратій [1]). О вліяніи на синодальныя дѣла, при такихъ условіяхъ, трудно и говорить... «Взоры всѣхъ», такъ быстро устремившіеся на Платона въ ноябрѣ 1796 г., черезъ четыре мѣсяца устремлялись совсѣмъ на другихъ... Люди, близкіе къ власти, чувствовали, что сверкнувшая новымъ свѣтомъ Платонова звѣзда померкла навсегда при новомъ государѣ. И они не ошибались. Первая же встрѣча воспитателя съ бывшимъ ученикомъ и другомъ въ Москвѣ оказалась не въ пользу перваго. Въ самый день пріѣзда Павла у Платона случился приступъ хронической болѣзни; онъ еле могъ встрѣтить императора и поспѣшилъ къ себѣ домой. Между тѣмъ прибылъ посланный Павла съ приглашеніемъ митрополита на другой день ко двору. Въ письмѣ своемъ Павелъ изъявлялъ, видимо, готовность забыть происшедшую размолвку и вернуть старую дружбу, но... съ нѣкоторымъ условіемъ: чтобы и Платонъ отказался отъ своего противорѣчія волѣ императора на счетъ кавалерій. «Ваше преосвященство,—писалъ Павелъ,—обыкновеннымъ своимъ образомъ тронули сердце мое (разумѣется привѣтственная рѣчь Платона). Вы ему помѣшали было отдаться чувству его. Отъ васъ зависитъ самихъ, пріѣхавъ завтра ко мнѣ, кончить то, чѣмъ благодарность единственно показать могу, чѣмъ предъ собою и свѣтомъ долженъ» [2]). Однако, Платонъ не былъ уступчивъ. Колебанія ли, или дѣйствительно болѣзнь (какъ говоритъ онъ въ

---

[1]) Автобіографія, стр. 239.

[2]) Чт. въ общ. ист. и др. росс., кн. 4, стр. 186.

въ автобіографіи) задержали его, но онъ явился ко двору лишь черезъ пять дней. Государь его принялъ немедленно и тотчасъ по входѣ возложилъ на него андреевскій орденъ. Платонъ сталъ на колѣна и началъ просить, чтобы государь его отъ этого избавилъ, повторяя доводы своего прежняго письма. Павелъ, однако, не сталъ и говорить, заявивъ, что объ этомъ довольно разсуждать и онъ хочетъ, чтобы его воля была исполнена. Митрополитъ покорился. Государь побесѣдовалъ съ нимъ довольно долго, но и въ бесѣдѣ, когда Платонъ «осмѣливался предлагать нѣкоторые совѣты», Павелъ «оставался непреклоненъ въ своихъ мысляхъ». Платона пригласили къ обѣду, но онъ извинился нездоровьемъ и уѣхалъ [1]). Повидимому, все обошлось благополучно. Но на самомъ дѣлѣ не совсѣмъ такъ. Учитель, очевидно, не пошелъ на уступки ученику: онъ не принялъ съ благодарностью его пожалованье, а осмѣлился противорѣчить высочайшей волѣ, настаивать на своей прежней «дерзости». Онъ рѣшался подавать совѣты тому, кто не терпѣлъ никакихъ совѣтовъ, полагая закономъ свое мнѣніе. При такихъ условіяхъ полное примиреніе сдѣлалось невозможнымъ. Оказавши митрополиту и учителю требуемое приличіемъ вниманіе, Павелъ отъ встрѣчи вынесъ впечатлѣніе, еще укрѣпившее его охлажденіе. Впрочемъ, при своемъ неровномъ, порывистомъ характерѣ государь не былъ постояненъ. Послѣ описанной бесѣды, онъ долго не видѣлся съ Платономъ, не требовалъ его къ себѣ и не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній, хотя къ тому были прямые поводы въ распоряженіяхъ по церковнымъ дѣламъ; но всѣ распоряженія дѣлались черезъ другихъ. Только послѣ коронаціи, которую совершалъ Платонъ, государь опять нѣсколько смягчился. Митрополитъ имѣлъ двѣ аудіенціи и удостоился милостиваго приглашенія въ Петербургъ. Смягчившись, Павелъ открылъ Платону отчасти и интимную подкладку его неровныхъ отношеній къ бывшему учителю. Онъ разсказалъ ему о «многихъ наговорахъ», и «небезважныхъ», какіе дѣлались на митрополита,—очевидно, его недоброжелателями. Платонъ считалъ эти наговоры «злобной клеветой», выдуманной его духовными и свѣтскими врагами, которые всемѣрно старались не допустить его до довѣренности у государя, «опасаясь его свободнаго и нелицепріятнаго нрава». Онъ на колѣняхъ просилъ произ-

[1]) Автобіографія, стр. 240.

вести слѣдствіе, чтобы обличить клеветниковъ. Павелъ сказалъ, что онъ передаетъ лишь то, что ему говорили. Но червь сомнѣнія, видно, таился въ душѣ подозрительнаго монарха. Это ясно показываетъ слѣдующій случай. Митрополитъ пригласилъ государя въ Лавру, куда Павелъ и пріѣхалъ съ семьею 23-го апрѣля вечеромъ. Платонъ разсчитывалъ здѣсь и угостить царскую фамилію на завтра обѣдомъ, какъ вдругъ государь объявилъ, что на другой день онъ непремѣнно хочетъ обѣдать въ Виѳаніи. Вовсе не ожидавшій этого митрополитъ принужденъ былъ торопливо приготовить все къ царскому посѣщенію. Оказалось, что государю наговорили, будто въ Виѳаніи его письмами къ Платону оклеены стѣны комнатъ и онъ лично хотѣлъ убѣдиться, насколько это справедливо [1]). Если Павелъ вѣрилъ сколько-нибудь подобнымъ вздорнымъ слухамъ, то, значитъ, не велико было его довѣріе къ своему учителю. И хотя онъ убѣждался въ неосновательности клеветы, слушалъ Платоновы увѣренія, но каждый разъ готовъ былъ прислушаться и къ голосу клеветниковъ.

Самъ Платонъ, должно быть, понялъ, что о возобновленіи прежнихъ отношеній съ Павломъ не можетъ быть и надежды. Кратковременное пребываніе въ Москвѣ государя съ его порывами то милости, то охлажденія, довѣрчивости и подозрѣнія, убѣдило митрополита, что ему никогда не сойтись съ бывшимъ ученикомъ, ставшимъ на ногу самодержца, и не угодить на новыя придворныя теченія, измѣнчивыя, какъ вѣтеръ. И онъ рѣшилъ вторично просить объ окончательной отставкѣ, предпочитая уйти самому, чѣмъ дождаться, чтобы какая-либо капризная волна не сбросила его съ поста безъ его вѣдома. Платонъ, объясняя въ автобіографіи причины своего рѣшенія, сознается, что онъ еще чувствовалъ въ себѣ ревность и силы потрудиться на пользу общую, «но зная совершенно свой нравъ, зная же не меньше и нравъ государевъ, заключилъ, что онъ государю не угодитъ, а потому и полезнымъ быть не можетъ, и судилъ за лучшее добрымъ порядкомъ уволену быть» [2]). Въ самый день посѣщенія Виоаніи царской семьей, подтвердившаго, какъ трудно угодить Павлу, Платонъ, при отъѣздѣ государя изъ лавры, и подалъ свое прошеніе. Но и Павелъ, какъ Екатерина, понималъ, что уволить маститаго іерарха, еще бодраго и сильнаго, на покой—есть поступокъ, могущій вы-

---

[1]) Автобіографія, стр. 240—242. [2]) Стр. 244.

звать нежелательныя толкованія, тѣмъ болѣе, что это былъ его учитель. И онъ рѣшительно сказалъ: «сему быть нельзя» [1]). Но отношенія между императоромъ и Платономъ не улучшились и послѣ, повидимому, выясненія недоразумѣній, созданныхъ клеветою завистниковъ и подозрительностью Павла. Когда митрополитъ черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія Виѳаніи пріѣхалъ во дворецъ благодарить за посѣщеніе, то не былъ принятъ. Не былъ принятъ онъ и второй разъ, когда отправился благодарить за дарованныя милости—учрежденіе семинаріи и монастыря въ Виѳаніи: ему вынесли брилліантовый андреевскій крестъ, но до государя не допустили. Правда, уѣзжая изъ Москвы, 3-го мая, Павелъ при прощаніи былъ снова любезенъ съ Платономъ и нѣсколько разъ приглашалъ его къ себѣ въ Петербургъ. Но когда осенью того же 1797 г. Платонъ задумалъ воспользоваться приглашеніемъ и ко дню рожденія государя, къ 20-му сентября, явился въ Петербургъ, то долженъ былъ испытать весьма непріятныя минуты. 20-го сентября онъ, дѣйствительно, представился ко двору въ Гатчинѣ, былъ принятъ благосклонно и ласково, оставленъ обѣдать. Но это было и все: затѣмъ о немъ забыли. Даже послѣ обѣда напрасно ждалъ онъ, что его позовутъ для дружеской бесѣды: съ нимъ было сказано нѣсколько словъ за столомъ, какъ съ гостемъ—и только. Подождалъ Платонъ въ Гатчинѣ; подождалъ въ Петербургѣ недѣлю, двѣ, пять—«не будетъ ли какова отъ государя ему приказанія, или не спроситъ ли о чемъ; навѣдывался и отъ другихъ, не слышатъ ли чего объ немъ; но ничего ни мало не послѣдовало; не иначе, какъ бы митрополита и въ Петербургѣ не было» [2]). Въ синодъ Платонъ не ѣздилъ, «не имѣя желанія и не смѣя безъ повелѣнія». Положеніе—странное и обидное. Прождавъ напрасно полтора мѣсяца, митрополитъ, наконецъ, рѣшился напомнить о себѣ: онъ написалъ письмо Павлу съ просьбой позволить ему возвратиться въ Москву, напомнивъ, въ знакъ обиды, и о прежней просьбѣ на покой. Самъ Платонъ объясняетъ, что хотѣлъ выяснить положеніе [3]). Отвѣтъ получился любезный, но холодный. Императоръ выражалъ сожалѣніе, что Платонъ не пожилъ съ ними (?) дольше..., но, снисходя просьбѣ, увольнялъ его домой. Обрадовался старецъ, что хоть благополучно вы-

---

[1]) Ibid., стр. 242. [2]) Автобіографія. стр. 244. [3]) Ibid.

брался изъ Петербурга [1]). Такъ-то спутешествовалъ онъ въ гости...

Злой рокъ, казалось, нарочно и въ будущемъ мѣшалъ Платону хоть сколько-нибудь вновь вернуть благоволеніе Павла. Случайности складывались такъ, что выходили новыя недоразумѣнія. Въ маѣ 1798 г. Павелъ пріѣзжалъ въ Москву. Митрополитъ пріѣхалъ его встрѣтить, но въ самый день пріѣзда государя (10-го мая) было объявлено успенскому протопопу, чтобы въ соборѣ служилъ онъ, а не митрополитъ, встрѣчи никакой бы не было, привѣтственной рѣчи то же, и обѣдню отправляли бы въ свое время. Такъ и сдѣлали. Но государь прибылъ въ соборѣ въ началѣ перваго часа, когда обѣдню уже окончили. Митрополитъ его встрѣтилъ въ церкви и государь сказалъ, что пора начинать обѣдню. Узнавъ, что обѣдня уже отпѣта, согласно его распоряженію, Павелъ молча приложился къ иконамъ и уѣхалъ во дворецъ [2]). Оказалось потомъ, что онъ обидѣлся и потомъ говорилъ, что митрополитъ его съ обѣдней не подождалъ. Какъ тутъ угодить? Между тѣмъ императоръ далъ понятъ свое недовольство. Когда митрополитъ задумалъ пригласить Павла на праздникъ 15 мая въ архангельскій соборъ и поѣхалъ для этого во дворецъ, то его не приняли, сказавъ, что некогда. Въ день отъѣзда императора 16-го мая Платонъ просилъ опять прощальной аудіенціи, но его письменно увѣдомили, что на то государева изволенія нѣтъ. Такъ и уѣхалъ императоръ. Больше уже онъ никогда не видѣлся съ своимъ учителемъ. Онъ перестaлъ даже отвѣчать на благодарственныя и поздравительныя письма митрополита и лишь незадолго до смерти отвѣтилъ на поздравленіе Платона ко дню своего рожденія (къ 20-му сентября 1800 г.) [3]). И тѣмъ не менѣе, не смотря на неудачу всѣхъ попытокъ къ сближенію, московскій владыка все-таки въ глубинѣ души питалъ надежду когда-нибудь вернуть прежнюю дружбу своего питомца. Онъ все думалъ, что ихъ разъединяютъ коварные клеветники, боящіеся близости нелицепріятнаго Платона къ Павлу, а Павелъ—внутренне къ нему расположенъ. И онъ ждалъ благопріятнаго случая растопить накопившійся ледъ [4]). Можетъ быть Платонъ не ошибался относительно сердца, при всѣхъ своихъ неровностяхъ характера, добраго государя: по крайней мѣрѣ

---

[1]) Ibid., стр. 245. [2]) Ibid., стр. 245.

[3]) Ibid., стр. 246—247. [4]) Ibid., стр. 247—248.

Павелъ не забылъ Платона въ завѣщаніи и оставилъ ему послѣ преждевременной кончины знакъ своей бывшей дружбы—трость съ набалдашникомъ, осыпаннымъ драгоцѣнными камнями, и свою любимую карету. Но сближенію прежнихъ друзей не суждено было совершиться.

Такимъ образомъ и въ царствованіе Павла I митроп. Платонъ оставался за флагомъ церковно-правительственной дѣятельности, вдали отъ правящихъ сферъ, въ своей прежней роли созерцателя лишь происходящихъ событій. Естественно, что и отношеніе къ этимъ событіямъ московскаго владыки было прежнимъ. Въ своемъ уединеніи онъ съ критической точки зрѣнія смотрѣлъ на современную церковную дѣйствительность и его взоръ по-прежнему не находилъ въ ней ничего почти отраднаго. Смѣна царствованіи не измѣнила общаго церковно-правительственнаго режима. Правда, императоръ относился къ синоду нѣсколько внимательнѣе своей матери, проявлялъ заботы о церкви и духовенствѣ. Но государственное вліяніе въ церковной области оставалось неизмѣннымъ, у кормила церковнаго корабля стояли тѣ же люди, что и въ предшествующее время, которымъ Платонъ не симпатизировалъ и въ плодотворность дѣятельности которыхъ не вѣрилъ. Поэтому-то ноты недовольства не исчезаютъ со страницъ писемъ Платона къ Амросію, по которымъ мы можемъ судить объ отношеніяхъ его къ современности. Здѣсь мы встрѣчаемъ старыя жалобы на «ослабленіе команды» и субординаціи [1]); неодобреніе церковно-правительственныхъ мѣропріятій (какъ-то распоряженіе о производствѣ въ настоятели и неученыхъ) [2]), доходящее до того, что даже слухъ о канонизаціи одного новаго угодника вызываетъ у Платона восклицаніе: «вотъ до чего дожили!» [3]); порицаніе замышляемыхъ преобразованій. Въ отношеніи послѣднихъ вообще Платонъ былъ консерваторомъ, защищавшимъ старое, иногда и не совсѣмъ полезное, защищавшимъ его въ угоду старымъ традиціямъ, не давая себѣ труда вдуматься въ условія современной жизни. Мы ниже встрѣтимся неоднократно съ проявленіями подобнаго консерватизма московскаго владыки. Но образчикъ его мы встрѣчаемъ и въ одномъ письмѣ Павлова времени. Въ самые послѣдніе годы царствованія Павла былъ поднятъ въ высшихъ сферахъ вопросъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. Между прочимъ высказывалась

[1]) Письма, стр. 38. [2]) Ibid., стр. 46. [3]) Ibid., стр. 39.

мысль о преподаваніи въ семинаріяхъ на русскомъ языкѣ, вмѣсто латинскаго. Мысль безусловно здравая, потому что латинскій языкъ для будущихъ приходскихъ священниковъ былъ не нуженъ и лишь отдалялъ самое ученіе отъ жизни. Но когда слухъ о подобномъ нововведеніи дошелъ до Платона, то онъ поспѣшилъ высказаться противъ предполагаемой мѣры. «Чтобъ на русскомъ языкѣ у насъ въ училищѣ лекціи преподавать,—писалъ онъ Амвросію,—я не совѣтую. Наши духовные и такъ отъ иностранцевъ почитаются почти неучеными, что ни по-французски, ни понѣмецки говорить не умѣемъ. Но еще нашу поддерживаетъ честь, что мы говоримъ по латинѣ и переписываемся. Ежели же латинскому учиться такъ, какъ греческому, то и послѣднюю честь потеряемъ, поелику ни говорить, ни переписываться не будемъ ни на какомъ языкѣ, прошу сіе оставить. На нашемъ языкѣ и книгъ классическихъ мало, а что скорѣе ученіе будетъ оканчиваться, сіе не только не нужно, но еще надобно умножить время, поелику выходятъ и нынѣ студенты лѣтъ 20, кои не только во священники, но и въ діаконы не годятся» [1]). Нельзя сказать, конечно, чтобы мнѣніе иностранцевъ было достаточнымъ мотивомъ для закрѣпощенія латыни русскаго духовнаго образованія... Но, впрочемъ, Платонъ въ данномъ случаѣ былъ выразителемъ господствующаго взгляда: не даромъ и реформа 1808—1814 гг. сохранила преподаваніе на латинскомъ языкѣ. Консерватизмъ, хотя, быть можетъ, уже гораздо болѣе обоснованный, проявился и въ отношеніяхъ Платона къ поднятому въ царствованіе Павла вопросу о сближеніи раскольниковъ съ православною церковью. Московскіе старообрядцы еще въ царствованіе Екатерины задумали выхлопотать себѣ іерархію отъ православной церкви, но съ тѣмъ, чтобы сохранить свою самостоятельность и свои старые обряды. Митрополитъ Платонъ уже тогда высказался противъ удовлетворенія этой просьбы, считая это «камнемъ соблазна». Платонъ былъ собственно не противъ дозволенія старыхъ обрядовъ, а противъ указанной самостоятельности старообрядческой іерархіи. При Екатеринѣ дѣло старообрядцевъ не получило разрѣшенія. Но при Павлѣ они рѣшили усилить свои шаги и обратились съ своей просьбой къ самому императору, отъ 3-го іюня 1799 г. Государь удовлетворилъ эту просьбу, давъ находящемуся въ Петербургѣ ка-

[1]) Ibid., стр. 50—51.

занскому архіепископу Амвросію, другу Платона, право снабжать старообрядцевъ священниками, по ихъ просьбамъ. Это былъ первый реальный шагъ къ учрежденію у насъ единовѣрія. Впрочемъ, шагъ этотъ оказался неудаченъ, потому что у старообрядцевъ, видимо, вовсе не было желанія соединяться съ правосл. церковью, а было лишь желаніе получить іерархію, оставаясь внѣ вѣдѣнія православной церковной власти. Поэтому, когда старообрядцы отказались поминать на богослуженіи царствующій домъ, и разрѣшеніе давать имъ священниковъ было взято назадъ и они оставлены на прежнемъ положеніи (24 авг. 1799 г.). Митрополитъ Платонъ былъ весьма недоволенъ первоначальнымъ дозволеніемъ Амросію давать священниковъ старообрядцамъ и съ радостью встрѣтилъ отмѣну указа [1]). Затѣмъ, когда на повторную попытку старообрядцевъ самъ же Платонъ выработалъ, наконецъ, цѣлый планъ учрежденія единовѣрія на условіяхъ, какія находилъ пріемлемыми, планъ, получившій потомъ высочайшее утвержденіе, тѣмъ не менѣе частнымъ образомъ митрополитъ все-таки высказывался противъ дарованія раскольникамъ «церкви», хотя бы на имъ же предложенныхъ основаніяхъ. Представивши свою записку въ синодъ, онъ приватно пишетъ Амвросію: «О раскольникахъ дѣло, едва ли бы не лучше было, когда бъ имъ совсѣмъ въ просьбѣ отказано» [2]). «О раскольникахъ, просящихъ церкви, чтобъ имъ дать по моему представленію, я не предвижу, кромѣ нехорошихъ слѣдствій, а чтобъ дать оную тѣмъ, кои сами собою проискиваютъ, и того хуже» [3]). Это желаніе, чтобы не было исполнено даже и его представленіе, весьма характерно для Платона. Онъ разумомъ понималъ, что отталкивать раскольниковъ, стремящихся къ сближенію съ церковью, невозможно, что настаивать на исключительности новаго обряда несправедливо. Но опасеніе новшества въ отношеніяхъ, установившихся уже $1^1/_2$ вѣка, такъ пугало его, что онъ готовъ былъ лучше все оставить по-прежнему, отказаться отъ самой надежды вернуть въ лоно церкви отдѣлившихся, лишь бы не колебать старыхъ традицій.

Мы видѣли выше, какъ радовался Платонъ, узнавъ, что въ

[1]) Письма къ Амвросію, стр. 41, 43, 47. Подробно отношеніе Платона къ этому дѣлу у Лысогорскаго, „Московскій м. Платонъ, какъ противораскольничій дѣятель“, 1905 г., стр. 318 и дал.

[2]) Письма къ Амвросію, стр. 47. [3]) Ibid., стр. 52.

синодѣ у него будетъ хотя одинъ дружественный ему человѣкъ— Амвросій. Эта надежда подкрѣпляла его и во все царствованіе Павла. Силою обстоятельствъ удаленный самъ «отъ руля общихъ дѣлъ» митрополитъ находилъ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что можетъ изливаться своему другу, сообщать ему свои мнѣнія и совѣты, съ правомъ надѣяться на ихъ примѣненіе и въ синодской дѣятельности Амвросія. Словомъ, у него завязалась болѣе крѣпкая связь съ правящими церковными кругами, вводившая его въ общіе интересы. И мы, дѣйствительно, замѣчаемъ, что со времени вызова Амвросія въ Петербургъ настроеніе Платона какъ будто улучшается: онъ начинаетъ больше интересоваться происходящимъ наверху, начинаетъ активнѣе высказываться по разнымъ вопросамъ, не только въ духѣ недовольнаго сановника въ отставкѣ, а и въ духѣ дѣйствующаго церковнаго дѣятеля, разсчитывающаго на практическое примѣненіе своихъ соображеній. Первые годы своего пребыванія въ Петербургѣ Амвросій не давалъ повода Платону разочароваться въ его надеждахъ. Онъ, видимо, спрашивалъ Платоновыхъ совѣтовъ, старался сдѣлать, что могъ, и поддерживалъ старыя дружескія отношенія. Московскій владыка искренне надѣялся, что Амвросій можетъ сдѣлать и нѣчто важное, можетъ оказать вліяніе на ходъ вещей. Къ нему онъ взывалъ съ просьбой употребить всѣ усилія для уничтоженія ненавистныхъ ему митръ для протоіереевъ, какъ «обычая, грозящаго ниспровергнуть богоучрежденный порядокъ» [1]). На его возвышеніе (въ октябрѣ 1799 г. Амвросій пожалованъ архіепископомъ С.-Петербургскимъ, а въ мартѣ 1801 г., наканунѣ смерти Павла—митрополитомъ новгородскимъ) онъ смотрѣлъ какъ на зарю лучшаго будущаго для церкви Божіей, будущаго, плодами котораго суждено воспользоваться и ему—Платону [2]). Но Платонъ, очевидно, все еще плохо зналъ своего друга. Амвросій былъ не такой человѣкъ, который цѣлью своею ставилъ бы пользу церкви и готовъ былъ ратовать за нее при всякихъ обстоятельствахъ или даже вообще въ чемъ-нибудь идти противъ господствующаго теченія. Честный Гавріилъ, на котораго едва-ли справедливо жаловался Платонъ, не угодилъ непостоянному и гнѣвливому императору и кончилъ жизнь въ суровой опалѣ; а Платоновъ другъ сумѣлъ пройти между Сциллой и Харибдой и все обратить

---

[1]) Письма, стр. 39. [2]) Ibid., стр. 53.

себѣ на пользу. Платонъ умолялъ избавить его отъ «кавалеріи» и съ гордостью подписывался и послѣ: «не кавалеръ, а христіанскій епископъ» [1]); Гавріилъ съ нерѣшительностью встрѣтилъ пожалованіе, не зная, прилично-ли носить ордена епископу; а Амвросій поспѣшилъ надѣть свою звѣзду и съ лентой чрезъ плечо явиться во дворецъ показаться государю» [2]). Эта тактика была отличительной чертою Амвросія и во всей его церковно-правительственной дѣятельности. Онъ старался угодить всякому желанію, даже намеку, государя, подлаживался къ придворнымъ отношеніямъ и былъ, дѣйствительно, одинъ изъ немногихъ, сохранившихъ до конца благоволеніе Павла, угодить которому было, какъ мы знаемъ, не легко. Милости, въ видѣ орденовъ и званій, сыпались на него и довели его до высшаго поста—митрополита новгородскаго и первенствующаго члена св. синода. Такому-ли человѣку было вести борьбу, безъ которой, по понятіямъ Платона, невозможно было вывести церковь изъ ея состоянія? Но умѣвшій со всѣми ладить Амвросій умѣлъ какъ-то и въ своемъ московскомъ другѣ поддерживать вѣру въ себя. Впрочемъ, то было, кажется, до перваго столкновенія.

12 марта 1801 г. безвременно скончался бывшій Платоновъ другъ императоръ Павелъ. На престолъ взошелъ молодой идеалистъ, Александръ I, человѣкъ, на всѣхъ дѣйствовавшій обаятельно, привлекавшій сердца и взоры всей мыслящей Россіи. Огорчился Платонъ смертью бывшаго ученика, къ которому, не смотря ни на что, продолжалъ питать привязанность [3]). Но общій порывъ надеждъ, возлагавшихся на новаго императора, захватилъ и его; и онъ думалъ, что новое правленіе дастъ спокойствіе и благоденствіе [4]). Отчасти Платонъ былъ правъ. Тотъ тягостный церковно-правительственный режимъ, какой господствовалъ при Екатеринѣ и Павлѣ, во всякомъ случаѣ долженъ былъ облегчиться при новомъ государѣ. Александръ былъ не изъ тѣхъ монарховъ, которые считали себя «главою греческой церкви» и давали это чувствовать на каждомъ шагу. Его взгляды не позволили бы ему грубаго давленія на церковныхъ представителей, а его молодость и природная мягкость окончательно исключали подобную возможность. Но Платонъ ошибался, поскольку думалъ,

---

1) Ibid., стр. 38. 2) „Рус. Вѣстн.", 1868 г., т. 77, стр. 459.
3) Автобіографія, стр. 247. 4) Письма къ Амвросію, стр. 54.

что ходъ церковныхъ дѣлъ приметъ направленіе, болѣе соотвѣтствующее его взглядамъ. Съ самаго начала царствованія Александра начались реформы во всѣхъ областяхъ, въ томъ числѣ и церковной. По оживленію церковно-правительственной дѣятельности это былъ одинъ изъ рѣдкихъ историческихъ моментовъ. Но духъ времени былъ совсѣмъ не тотъ, какого бы желалъ Платонъ. Новыя вѣянія шли отъ тѣхъ либеральныхъ традицій, какими заявило себя еще екатерининское царствованіе въ его началѣ. Правда, тогда и молодой Платонъ поражалъ придворныхъ своими «свободными» сужденіями; но то время давно миновало. Теперь когда-то «либеральный», по понятіямъ вѣка, инокъ выросъ въ мощную фигуру іерарха, проникнутаго старыми іерархическими традиціями, подозрительнаго ко всякой новизнѣ и со свойственнымъ старцамъ консерватизмомъ отстаивающаго многіе установившіеся порядки, хотя бы и нуждавшіеся въ измѣненіи. Уже при Екатеринѣ Платонъ отсталъ отъ движенія вѣка, оказался не въ состояніи къ нему приспособиться и потому долженъ былъ удалиться отъ «руля общихъ дѣлъ». Тѣмъ менѣе подходилъ онъ къ требованіямъ новаго царствованія, предъявляемымъ къ церковнымъ дѣятелямъ. Жизнь ушла далеко впередъ и оставила позади Платона въ его виѳанскомъ уединеніи. Время его прошло, и не только ему, лично, не суждено было стать снова у кормила церкви, но не суждено было видѣть и торжества своихъ идей.

Императоръ Алаксандръ относился къ Платону съ уваженіемъ, какое приличествуетъ престарѣлому іерарху. Да онъ счелъ бы, навѣрно, и невозможнымъ для себя иное отношеніе къ человѣку, къ которому, по его личному признанію Платону, «публика имѣла слѣпое уваженіе» [1]). Онъ никогда не позволялъ себѣ обидѣть чѣмъ-либо старца-митрополита. О неровностяхъ монаршаго благоволенія, столь больно испытываемыхъ Платономъ при Екатеринѣ и Павлѣ, теперь не было и рѣчи. При короновавіи государя въ Москвѣ Платонъ опасался было, что его снова поставятъ въ унизительное положеніе, какъ бывало раньше. Его сильно смущалъ вопросъ, кто будетъ первенствовать въ церемоніи—онъ или новопожалованный митрополитъ новгородскій и первенствующій членъ синода Амвросій. Послѣднее казалось Платону весьма обиднымъ, по-

[1]) Снегиревъ, II, стр. 30.

тому что Амвросій былъ его ученикъ, бывшій викарій; но съ другой стороны, по своему новому положенію онъ считался выше московскаго митрополита. Однако, вопросъ разрѣшился въ пользу Платона. Государь нашелъ неудобнымъ поставить ученика выше учителя; за Платона, по слухамъ, ходатайствовала и императрица-мать, бывшая Платонова ученица [1]. Послѣ коронаціи, императоръ оказывалъ Платону вниманіе приглашеніемъ къ столу и бесѣдами [2]. И въ дальнѣйшемъ Александръ не измѣнялъ своего отношенія къ святителю [3]. Между прочимъ онъ въ 1809 г., по просьбѣ Платона, возвратилъ въ его вѣдѣніе двѣ придворныя церкви, чего раньше митрополитъ напрасно добивался [4]. Но при всемъ уваженіи къ маститому іерарху Александръ не пробовалъ призывать его къ церковно-правительственной дѣятельности и дѣлать участникомъ замышляемыхъ церковныхъ преобразованій. Онъ очевидно сознавалъ, что для послѣднихъ нужны новые люди и престарѣлый, хотя бы и «великій», Платонъ не годится для этой роли.

Что же касается новыхъ людей, ставшихъ теперь у кормила церковной власти, то они съ своей стороны были мало расположены не только призывать московскаго митрополита къ участію въ своей дѣятельности, но и вообще прислушиваться къ его мнѣніямъ. Отношенія съ синодомъ у Платона не измѣнились и въ царствованіе Александра, хотя, казалось бы, именно теперь-то онѣ и должны были наладиться. Во главѣ синода стоялъ другъ Платоновъ—Амвросій, съ которымъ московскій владыка велъ дружескую переписку. Однако, какъ мы видѣли, Платонъ не совсѣмъ зналъ своего друга. Случай скоро доказалъ это. Инцидентъ съ мѣстами на коронаціонной церемоніи сразу же омрачилъ ихъ отношенія. Амвросій, видимо, полагалъ, что первенство по праву принадлежитъ ему и преимущество, отданное его учителю, оскорбило его самолюбіе. Быть можетъ подъ вліяніемъ этого инцидента, а быть можетъ и вообще по своимъ отношеніямъ къ Платону, синодальные члены, возглавляемые Амвросіемъ, во время бытности синода въ Москвѣ для коронаціи, обошлись съ митрополитомъ мос-

[1]) Автобіографія, стр. 248—249. [2]) Снегиревъ, II. стр. 30.

[3]) Когда въ 1804 г. Платонъ просилъ дозволенія посѣтить Кіевъ, то получилъ самый благосклонный отвѣтъ, совсѣмъ не такой, какъ отъ Екатерины (Чт. о. и. и др. 1875 г., кн. 4, стр. 177—178).

[4]) Автобіографія, стр. 255.

ковскимъ очень нетактично. Это были большею частью Платоновы ученики, младшее поколѣніе іерарховъ, выросшее на его глазахъ и пользовавшееся въ свое время его услугами. Но теперь они «обошлись съ нимъ холодно и отвратительно, съ нѣкоторымъ лишнимъ о себѣ мечтаніемъ: и не только въ собраніе синода его не пригласили, хотя онъ былъ старшій синода членъ, чего подлинно и самъ онъ не искалъ и не желалъ,—однако сей учтивости отъ нихъ ожидалъ; но и во всемъ совѣтами своими съ нимъ не сообщались, и такъ уѣхали» [1]). Сильно, должно быть, огорченъ былъ Платонъ такимъ оскорбительнымъ невниманіемъ, а, главное,—измѣною дружбы. И съ горечью писалъ онъ послѣ Амвросію: «Подлинно я желалъ и надѣялся, даже уповалъ, что наше свиданіе будетъ лучше, нежели было; думалъ (но, ахъ! обманулся), что я, какъ занимавшійся многими дѣлами и много испытавшій, къ чему-нибудь гожуся; но не знаю, что на сіе сказать, какъ съ вами же повторить, что сіе случилось, Богу попускающу, а врагу дѣйствующу. Говорятъ, что я гордъ и упрямъ. Ежели сіе правда..., то желаю и молю Бога, да смиритъ меня, да будетъ благо мнѣ, и да умягчитъ... Впрочемъ, пощадите мою старость и помогите мнѣ умереть въ мирѣ съ Богомъ и человѣки» [2]). Съ этого несчастнаго инцидента въ дружбѣ двухъ іерарховъ появилась замѣтная трещина, поведшая дальше къ еще большему отчужденію, почти ссорѣ, нуждавшейся въ примиреніи [3]). Впрочемъ, ихъ переписка продолжалась до конца Платоновой жизни, и только тонъ ея давалъ понять, что отношенія измѣнились... При такихъ условіяхъ и съ синодомъ у Платона продолжали возникать недоразумѣнія и взаимное недоброжелательство. Платонъ жаловался, что въ синодѣ относятся невнимательно къ его представленіямъ [4]), считалъ синодальныхъ членовъ заранѣе предубѣжденными противъ себя и всего, что отъ него исходитъ [5]), и предпочиталъ лучше, чтобы дѣло, напримѣръ, объ его «Исторіи церкви» миновало синодъ, отъ котораго онъ не ждалъ хорошаго [6]). «Вотъ до чего дожили! Нужно

---

[1]) Автобіографія, стр. 249. [2]) Письма, стр. 56.

[3]) Письма къ Амвросію и Августину, стр. 117—118. Письмо къ Августину.

[4]) Ibid., письма къ Амвросію, стр. 62.

[5]) Ibid., письма къ Августину, стр. 119.

[6]) Ibid., письма къ Августину, стр. 115.

терпѣть и всего ожидать только отъ Бога»,—вздыхалъ Платонъ, признаваясь Августину въ этихъ своихъ синодскихъ отношеніяхъ [1]).

Такъ, и въ правленіе «благословеннаго» императора, одиночество осталось удѣломъ московскаго митрополита. Церковно-правительственная дѣятельность шла помимо его, не считаясь съ нимъ, и ему оставалось лишь по прежнему критиковать положеніе вещей и большею частью порицать его. Для взора Платонова дѣйствительность представляла, въ самомъ дѣлѣ, мало отраднаго. Разные слухи рождали безпокойство. Такъ, въ самомъ началѣ царствованія Александра молва заговорила, будто отъ церковныхъ учрежденій будутъ отобраны въ казну и угодья, оставленныя при Екатеринѣ, а вмѣсто того будутъ выданы деньги. «Сохрани Богъ!—говорилъ по этому поводу Платонъ. Весьма будетъ разстройно и намъ обидно» [2]). Но, помимо слуховъ, и факты были такого рода что московскому владыкѣ приходилось еще усилить свои старыя жалобы. Главное, что вызывало недовольство Платона, это, какъ мы знаемъ, вліяніе свѣтскихъ въ церковномъ управленіи, государственное вмѣшательство въ церковныя дѣла, осуществляемое посредствомъ оберъ-прокуратуры, все болѣе забиравшей въ свои руки функціи управленія. Положеніе дѣлъ въ царствованіе Александра въ данномъ случаѣ сложилось еще хуже, чѣмъ было до сихъ поръ. 31-го декабря 1802 г. оберъ-прокуромъ синода былъ назначенъ стат. сов. Яковлевъ, человѣкъ энергичный и властолюбивый, весьма высоко понимавшій свою власть. Онъ тотчасъ же наложилъ свою тяжелую руку на синодъ и изъявилъ намѣреніе распоряжаться синодскими дѣлами. Въ концѣ концовъ Яковлевъ сдѣлался ненавистенъ для синодальныхъ членовъ. Недовольство Яковлевымъ вполнѣ раздѣлялъ и митр. московскій, хотя непосредственно съ нимъ и не соприкасался. Но у Яковлева былъ широкій планъ—подчинить своему ближайшему контролю и епархіальное управленіе черезъ консисторскихъ секретарей. Первымъ желаніемъ его въ этомъ направленіи было обезпечить секретарямъ возможно большую независимость отъ архіереевъ, съ подчиненіемъ, ихъ оберъ-прокурору. Поэтому, когда 4-го февраля 1803 г. вышелъ высоч. указъ, узаконившій самостоятельное опредѣленіе секретарей всѣми присут-

[1]) Письма, стр. 119. [2]) Письма, стр. 55.

ственными мѣстами, то Яковлевъ исхлопоталъ особое высочайшее повелѣніе, что упомянутый указъ не распространяется на духовныя консисторіи и консисторскихъ секретарей. Платонъ излилъ свое недовольство этой оберъ-прокурорской мѣрой въ письмѣ Амвросію: «Мы было по указу надѣялись,—писалъ онъ,—что насъ не поставятъ хуже губернаторовъ; но теперь вышелъ указъ другой, для насъ исключительный, да и по докладу оберъ-прокурора: о чемъ, ежели и слѣдовало, то докладывать св. синоду. Но быть тому такъ; сіе не новое, а старое—терпѣть предъ свѣтскими униженіе» [1]). Но Яковлевъ мало того, что старался сдѣлать секретарей независимыми отъ епископовъ, хотѣлъ еще учредить даже въ консисторіяхъ особыхъ прокуроровъ, по примѣру синодальнаго, подчиненныхъ всецѣло оберъ-прокурору. Всѣ эти замыслы подчинить себѣ епархіальное управленіе сильно не нравились іерархіи, усматривавшей тутъ подкопъ подъ свой авторитетъ. И въ данномъ отношеніи Платонъ вполнѣ сходился съ другими; но и синодальные члены не могли ничего подѣлать, потому что оберъ-прокуроръ опирался на высшую инстанцію. «Бывъ я въ синодѣ не малое время,—все по тому же вопросу писалъ Платонъ Амвросію,—видѣлъ таковыя искушенія: и сіе-то меня убѣдило оттуда удалиться... Къ чему туда сажаютъ насъ... Видно, что едва ли не находить одного утѣшенія въ терпѣніи. Сей нашъ характеръ,—сія кавалерія, крестъ. Противная сторона имѣетъ всю подмогу отъ міра и ни на кого не можно положиться, какъ токмо на единаго Верховнаго Помазателя, который все устрояетъ по судьбамъ невѣдомымъ, однако намъ во благое, ежели токмо въ самихъ себѣ исправимся и къ нему единому обратимся... Примѣтно очень, что желается, подчинивъ во всемъ секретарей, подчинить себѣ чрезъ нихъ и консисторію и правленіе все... Вся его (оберъ-прокурора) сила не отъ него; но что свыше, то за него, а не за насъ» [2]). «Жалко наше положеніе!—писалъ въ другомъ письмѣ Платонъ по поводу общаго режима.—Мы на землѣ безполезное бремя: а они будто полезное, нѣтъ! Даже вредное бремя. Таково новое французское ученіе, которое давно уже заразило и испортило нашихъ. Это зло такъ усиливается, что развѣ одинъ Богъ можетъ отвратить оное. Вы однако сопротивляй-

---

[1]) Письма, стр. 61. [2]) Ibid., стр. 62—63.

тось злу; просите помощи у Бога, чтобъ не попустилъ своей церкви погибнуть отъ враговъ ея» [1]).

Но Платонъ все-таки полагалъ, что положеніе вещей въ извѣстной степени зависитъ и отъ самой іерархіи. Онъ видѣлъ среди послѣдней раздѣленіе и совѣтовалъ всѣмъ сплотиться противъ общаго врага. «Вотъ мое пророчество!—заканчивалъ онъ вышеприведенное письмо къ Амвросію (отъ 23 сентября 1803 г.). Если вы будете единодушны, никто съ вами не сладитъ. А если между вами самими будетъ разногласіе и раздѣленіе, враги легко одержатъ побѣду» [2]). Синодскіе члены, дѣйствительно, сплотились, наконецъ, противъ Яковлева и послѣдній долженъ былъ оставить оберъ-прокурорскій постъ. Преемникомъ его, указомъ 21 окт. 1803 г., былъ назначенъ близкій къ государю человѣкъ, кн. А. Н. Голицынъ. «Слава Богу!—говорилъ Платонъ, узнавъ объ отставкѣ Яковлева. — Толико сія слава еще будетъ радостнѣе, когда на его мѣсто будетъ другого свойства» [3]). Получивъ на этотъ счетъ, видимо, хорошія вѣсти, Платонъ привѣтствовалъ Амвросія: «Я съ удовольствіемъ поздравляю васъ, что вамъ опредѣленъ хорошій оберъ-прокуроръ и успокоилъ васъ противу прежняго... Ваше постоянное дѣйствованіе къ сверженію человѣка, который напитанъ былъ новыми началами, заслуживаетъ всякой похвалы и я пламенно молю Бога, чтобъ вы всегда оставались съ направленіемъ, достойнымъ христіанскаго епископа» [4]). Но и Амвросій и Платонъ ошиблись. Новый оберъ-прокуроръ, правда, былъ иного характера, чѣмъ прежній: онъ не допускалъ себѣ грубости, открытаго давленія на церковную власть. Однако, онъ отнюдь не склоненъ былъ и поступаться оберъ-прокурорскими правами, а главное, былъ преисполненъ «новаго духа» и одушевленъ реформаторскими замыслами въ этомъ духѣ. При этомъ съ нимъ считаться приходилось больше, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ оберъ-прокуроромъ, такъ какъ онъ былъ другомъ императора и найти противъ него поддержку было уже негдѣ. Опасности для церкви, въ сущности, теперь даже возросли. Раньше опасность грозила больше внѣшнему порядку, авторитету епископа. При Голицынѣ начались теченія, затрагивающія и самые жизненные церковные интересы. Въ высшихъ сферахъ

[1]) Ibid., стр. 64. [2]) Ibid., стр. 64. [3]) Ibib., стр. 65.
[4]) Ibid., стр. 66.

начали завладѣвать вниманіемъ іезуиты, сумѣвшіе снискать себѣ расположеніе и оберъ-прокурора. Самъ оберъ-прокуроръ былъ невѣрующій человѣкъ, съ теченіемъ времени склонившійся къ мистицизму. При такихъ условіяхъ, московскому владыкѣ скоро же пришлось еще больше тревожиться, еще больше сѣтовать на положеніе церкви. Тревога начинаетъ слышаться въ Платоновыхъ письмахъ уже въ началѣ 1804 г. «Дай Христе Боже,—писалъ онъ Амвросію 3-го января,—да зиждется церковь Твоя, предохраняема отъ невѣрія и суевѣрія и отъ латинянъ» [1]). «Молиться о влающемся церкви караблѣ очень и очень должны,—писалъ онъ немного позже.—Усилились: 1) невѣріе, 2) философія, маскою христіанства прикрытая, 3) папизмъ. Я читалъ въ иностранныхъ газетахъ, что іезуиты добились того, чтобъ и въ Петербургѣ и во многихъ нашихъ областяхъ утвердить свое пребываніе. Что хорошаго? Подлинно величайшее зло. Ибо кому неизвѣстно, какая язва для церкви Христовой папизмъ, и до какой степени лукавы и злобны его орудія—іезуиты... Боже, буди милостивъ! Возложивъ прежде всего упованіе на Бога, мы только отъ него можемъ ожидать лучшаго; потому что усилился индифферентизмъ, который слишкомъ мало цѣнитъ религію, какова бы она ни была... Бодрствуйте, братіе! и усильно заботьтесь о храненіи церкви» [2]). Къ іезуитской опасности Платонъ возвращается снова въ письмѣ Амвросію отъ 11 апр. 1804 г. «Справедливо,—пишетъ онъ,—что новая философія опасна для религіи. Но эти философы не такъ лукавы, какъ іезуиты, которые изъ всѣхъ двуногихъ самые негодные и самые коварные, и не уснутъ, пока не сдѣлаютъ зла. Дивлюсь, что такого рода монахамъ позволили жить, и при томъ нескрытно, въ нашей имперіи, даже въ Петербургѣ, когда нашихъ монаховъ не терпятъ. Особенно надобно поставить въ обязанность священнику, который въ ихъ институтѣ обучаетъ нашей религіи, чтобъ они не проводили въ наше юношество чего-нибудь папистическаго, особенно о власти народа. Нужно, думаю, приложить всякое стараніе, чтобъ уніаты были подъ вѣдѣніемъ синода, и чтобъ ихъ вырвать изъ подъ власти папистовъ. Иначе изъ всѣхъ этихъ уніатовъ со временемъ выйдутъ паписты» [3]). Происки іезуитовъ дошли до того, что въ 1807 г. стали распространяться слухи, будто готовится соединеніе церквей... «Слухъ но-

[1]) Ibid., стр. 68. [2]) Ibid., стр. 69—70. [3]) Ibid., стр. 71.

сится,— читаемъ въ письмѣ Платона къ Амвросію отъ 19 ноября 1807 г.,—что якобы идетъ дѣло о соединеніи нашей церкви съ папскою, бывшею прежде христіанскою» [1]). Платонъ въ данномъ случаѣ не высказываетъ своихъ чувствъ по поводу этого слуха. Но можно представить, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на него.

Положеніе вещей способно было рождать самыя невѣроятныя опасенія. Въ 1808 г. Платонъ хлопоталъ объ увольненіи отъ сборовъ монастырскихъ подворій. Вопросъ разрѣшился благопріятно, но въ указѣ было сказано: «до дальнѣйшаго впредь распоряженія». Платонъ встревожился: что это значитъ? «Слова: до дальнѣйшаго впредь распоряженія,—писалъ онъ Августину,—я догадкою беру въ другомъ смыслѣ, т. е. нѣтъ ли по Бонапартеву примѣру чего въ думѣ о передрягѣ монастырей, et caet.» (тутъ подразумѣвается требованіе Бонапарта отъ папы уничтожить монашескіе ордена) [2]). Судьба монастырей и раньше безпокоила Платона. Въ высшихъ сферахъ былъ поднятъ вопросъ о преобразованіи монашества и неизвѣстно было, въ какія формы оно выльется. Митрополитъ, впрочемъ, самъ находилъ преобразованіе необходимымъ. Во время путешествія въ Кіевъ на богомоліе въ 1804 г. онъ сообщалъ Амвросію о своихъ впечатлѣніяхъ: «Монастыри, кои видѣлъ, монашествующими очень скудны и ими не устроены; а строенія въ нихъ вездѣ много и нехудого. Ежели не придумаете способа, какъ монастыри въ лучшій порядокъ провести, то трудно будетъ ихъ обстаивать» [3]). Возвратившись въ Москву, Платонъ возвращался къ той же монастырской реформѣ. «О преобразованіи монаховъ,—читаемъ въ письмѣ Амвросію отъ 28 ноября 1804 г.,—не смѣю подать своего мнѣнія; ибо знаю, что оно будетъ мало имѣть значенія и будетъ недѣйствительно. Дѣйствуйте согласно съ вашимъ благоразуміемъ и авторитетомъ» [4]). Но такъ какъ монастыри остались въ прежнемъ состояніи, то, можетъ быть, это и давало пищу Платоновымъ опасеніямъ, какъ бы съ монастырями не поступили «по Бонапартеву примѣру».

Въ системѣ церковнаго управленія старые порядки не измѣнились и при Голицынѣ. Поэтому Платону постоянно представлялись случаи по прежнему жаловаться на нихъ. Вліяніе

---

[1]) Письма къ Амвросію и Августину, стр. 126. [2]) Ibid., стр. 129.
[3]) Ibid., письма къ Амвросію, стр. 74. [4]) Ibid., стр. 79.

свѣтскихъ на дѣла продолжало раздражать митрополита. Когда «Церковную исторію» Платона потребовали на свѣтскую цензуру, то раздраженный Платонъ писалъ Августину: «Еще прокуроръ требуетъ перваго листа. На что ему? Что онъ за цензоръ мой? Пожалуйте, до сего не допускайте:... вотъ каковы прокуроры! Сіе-то меня выжило изъ конторы и синода, и въ духовныхъ дѣлахъ мы пастыри, но не мы дѣлаемъ, а свѣтскіе» [1]). «Свѣтскіе сильнѣе насъ»,—жалуется тому же Августину Платонъ другой разъ [2]). Каждое проявленіе свѣтскаго контроля вызывало у митрополита жалобы на ту же тему. Заведенное оберъ-прокуроромъ требованіе вѣдомостей о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ изъ епархіальныхъ управленій вызвало, напримѣръ, у Платона такія строки: «Вотъ прокуроръ требуетъ вѣдомостей о дѣлахъ; прежде было мы устояли: а теперь все надъ нами властительствуетъ» [3]). «Синодъ остается почти пустымъ именемъ»,—сознавался владыка своему викарію [4]). «Все клонится къ уменьшенію власти епископовъ»; «да и чрезъ самихъ же епископовъ», прибавлялъ Платонъ, разумѣя послушную угодливость хотя бы собственнаго своего бывшаго друга—Амвросія [5]). Услышавъ о готовящейся реформѣ консисторій въ духѣ проекта Яковлева, московскій владыка пришелъ прямо въ полное отчаяніе. «Изъ Петербурга пишутъ,—сообщалъ онъ Августину въ письмѣ отъ 3-го января 1809 г., чтобъ я ждалъ бѣды. Какая еще бѣда угрожаетъ? Говорятъ о реформѣ консисторій и о посаженіи прокуроровъ. Это будетъ довершеніемъ золъ. Намъ будетъ нечего дѣлать, или во всегдашней быть ссорѣ и безпокойствѣ. Кажется, приближаются послѣднія времена; смотри, братъ, до чего мы дожили» [6]). Августинъ теперь замѣнилъ для Платона Амвросія: послѣднему уже московскій митрополитъ не рѣшался писать въ такомъ духѣ, потому что укоры, если не прямо, то косвенно, задѣвали, конечно, и первенствующаго члена синода.

Въ своемъ общемъ неудовольствіѣ новыми вѣяніями, въ недовѣріи къ новымъ дѣятелямъ Платонъ скептически относился и къ лучшимъ начинаніямъ того времени. Таково было его отношеніе къ извѣстной духовно-учебной реформѣ александровскаго царствованія, положившей начало новому духов-

---

[1]) Письма къ Амвросію и Августину, стр. 103.
[2]) Ibid., стр. 120. [3]) Ibid., стр. 120. [4]) Ibid., стр. 131.
[5]) Ibid., стр. 130. [6]) Ibid., стр. 131.

ному образованію. Съ своей стороны Платонъ признавалъ необходимымъ измѣненіе матеріальнаго положенія духовно-учебныхъ заведеній, потому что скудные оклады, въ нихъ существовавшіе, явно не давали возможности поставить дѣло какъ слѣдуетъ. Поэтому онъ очень радовался, когда первоначально вопросъ ставился только на матеріальную почву. «Дай Богъ,— писалъ онъ Амвросію въ декабрѣ 1804 г.,—чтобъ на училища прибавка къ содержанію была. Сіе нѣсколько ободритъ. Но много, паче прежнихъ временъ, охотниковъ изъ студентовъ выходитъ отъ насъ. Мірскія лучшія и скорыя выгоды льстятъ ихъ. Преосвященный вятскій пишетъ, что у него на Вяткѣ губернаторомъ тотъ, который съ нимъ въ академіи московской учился и курсомъ былъ ниже, поповъ сынъ. Не лестно ли это для другихъ? Въ деревенскихъ школахъ учителю семинаристу 200 р. жалованья, да чинъ офицерскій. Попъ тутъ, гдѣ онъ будетъ, былъ, можетъ быть, въ семинаріи лучше его. Но онъ едва ли на попа смотрѣть будетъ» [1]). Но помыслы Платона о реформѣ не шли дальше улучшенія матеріальной стороны. Реформу въ собственномъ смыслѣ онъ считалъ ненужной и нежелательной, и какъ только рѣчь зашла о ней, онъ всталъ къ ней въ отрицательное отношеніе. Получивъ предварительный планъ преобразованія, составленный Евгеніемъ Болховитиновымъ, митрополитъ поспѣшилъ сообщить своему петербургскому собрату свое впечатлѣніе. «Новое объ училищахъ учрежденіе я читалъ. Исторія о духовныхъ училищахъ выведена изрядно. И сіе самое доказываетъ, что учрежденіе было похвально и порядокъ ученія производимъ былъ основательно, когда столько пользы не только духовенству, но и свѣтскимъ училищамъ доставлено. Дай Богъ, чтобъ столько отъ свѣтскихъ училищъ, по новому просвѣщенію, происходить могло! А потому я и остаюсь при томъ мнѣніи, какое прежде я вашему преосвященству сообщилъ. Можетъ быть и я, яко человѣкъ, ошибаюсь... Только при семъ скажу: 1) гдѣ взять столько ученыхъ людей? И нынѣ мы бьемся съ учителями: не всегда-то лучшихъ найти можемъ. Въ монахи охотниковъ мало; а бѣльцы, поучивъ годъ или два, просятся вонъ, или въ духовное, или въ свѣтское состояніе; а чрезъ то академіи порядокъ не можетъ соблюденъ быть; легче вообразить и написать, нежели исполнить; 2) студентовъ по толикомъ ихъ

[1]) Письма, стр. 79.

обученіи куда дѣвать? Мало весьма охотниковъ въ села: не хотятъ быть на пашнѣ или на ругѣ недостаточной, но и въ той, да и во всемъ почти, зависѣть отъ власти, по большей части, помѣщиковъ, на коихъ непрестанныя выходятъ жалобы, а управы сыскать трудно!» (письмо отъ 26 марта 1805 г.) [1]. «Объ училищахъ я того же мнѣнія прежняго,—настаивалъ Платонъ въ другомъ письмѣ (отъ 18 апр. 1805 г.). Да и нѣкоторые наши братья епископы тоже ко мнѣ пишутъ. Что за нужда намъ соображаться свѣтскимъ? Пусть они отъ насъ учатся. Объ училищахъ должно разсуждать не по учрежденіямъ, но по успѣхамъ. Успѣхъ хорошъ,—то видно и учрежденіе хорошо. Что на молодыхъ смотрѣть? Мы старики; да въ семъ дѣлѣ, кажется, и довольно опытные... А ежели новый методъ введется, то едва ли ожидать можно лучшаго успѣха; а затрудненія и запутанности больше будетъ. Прибавка жалованья не отъ учрежденія зависитъ; но отъ недостатка содержанія. Теперь, напримѣръ, у меня 150 человѣкъ на содержаніи, и то на хлѣбѣ, щахъ и кашѣ; а столько же и бѣдныхъ на своемъ囗коштѣ. Учители получаютъ 100, 150 и 200 р., а префектъ 250 р. А свѣтскіе получаютъ по 300, 400, 500 и болѣе. Вотъ истинная причина къ прибавкѣ» [2]. Когда совѣтамъ Платона все-таки не вняли, и дѣлу о реформѣ былъ данъ ходъ учрежденіемъ комитета о усовершеніи духовн. училищъ, то митрополитъ московскій не оставлялъ своей точки зрѣнія. «Чтобъ комитетъ учредилъ лучшее, помоги Господи!—писалъ онъ Амвросію отъ 7 янв. 1808 г.—Желательно однако, чтобъ науки въ училищахъ нашихъ остались по прежнему; совершенное не для чего усовершенствовать; сіе опыты доказали; да и ваша объ училищахъ нашихъ исторія тоже гласитъ. Пусть свѣтскіе у насъ перенимаютъ, а не мы у нихъ; вся сила въ учителяхъ способныхъ, въ коихъ есть недостатокъ. Для сего надобно разрѣшить постриженіе желающихъ ученыхъ постричься: ибо бѣльцы не надежны. Годъ или много два побудутъ, и просятся вонъ: они въ надеждѣ лучшаго мѣста только въ учители желаютъ. И учатъ нерадиво, и порядокъ ученія разстраиваютъ. А монашествующіе надежнѣе» [3]. Когда же комитетъ 1808 г. поставилъ дѣло реформы на широкую ногу, выйдя далеко изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, какія ставилъ преобразованію Платонъ, то послѣдній отнесся рѣзко отрица-

[1]) Ibid., стр. 81. [2]) Ibid., стр. 83. [3]) Ibid., стр. 85.

тельно къ комитетскому проекту. Только теперь онъ не рѣшался высказать это Амвросію—участнику реформы, а изливалъ свои мысли своему викарію Августину, съ которымъ ему нечего было стѣсняться. «Говорятъ,—писалъ Платонъ Августину 23 марта 1808 г.,—что нашъ комитетъ о нашихъ училищахъ, вновь преобразуемыхъ, что-то кончилъ. Голова калужская (Ѳеофилактъ Русановъ) тутъ накружитъ» [1]. Узнавъ суть проекта, Платонъ говорилъ: «О новой формѣ нашихъ семинарій... только прибавлю: да благословитъ душа наша, во еже не быти сему» [2]. «Видно дѣло идетъ ко уничтоженію нашихъ семинарій» [3], жаловался владыка, когда его пожеланіе не исполнилось и проектъ получилъ утвержденіе. Первые шаги реформы и дѣйствія преобразователей встрѣтили скептическую насмѣшку у Платона. «Моисей Пензенскій,—писалъ онъ Августину въ январѣ 1809 г.,—и Иринархъ, бывый богоявленскій архимандритъ, бывый приходскій попъ, сдѣланы въ новой академіи математики профессорами; вы знаете обоихъ, каковы они! При такомъ зрѣлищѣ, друзья, удержите смѣхъ вашъ, или лучше слезы. Что дѣлается, и понять не можно; а все что-то странно,—потерпимъ, что-то выйдетъ» [4].

Такъ недружелюбно отнесся престарѣлый Платонъ къ едва-ли не лучшему дѣлу Александровскаго царствованія въ церковной области. Чѣмъ вызвано было такое отношеніе? Вѣдь тѣ замѣчанія, какія дѣлалъ митрополитъ, были, очевидно, неубѣдительны. Они или затрагивали частности, или покоились на бездоказательномъ консерватизмѣ, привязанности къ старому, не желавшей и разобраться серьезно въ качествахъ новаго. Что не только матеріальная, а и учебная и административная стороны духовно-школьнаго дѣла нуждались въ преобразованіи, это доказываетъ состояніе духовныхъ школъ предъ реформой 1808 г. Но Платонъ какъ будто не замѣчалъ этого. Между тѣмъ, не самъ ли онъ въ свое время, въ началѣ Екатерининскаго царствованія, участвовалъ въ созданіи школьнаго проекта, во многомъ напоминающаго планъ комитета 1808 г.? Очевидно, старый Платонъ забылъ образъ мыслей Платона въ молодости. Быть можетъ, продолжительное удаленіе отъ церковно-правительственной дѣятельности, долгое вынужденное бездѣйствіе и созданное этимъ оппозиціонное отношеніе къ мѣропріятіямъ

[1] Ibid., къ Августину, стр. 129. [2] Ibid., стр. 130.
[3] Ibid., стр. 131. [4] Ibid., стр. 132.

«новыхъ» людей заставляли митрополита съ предубѣжденіемъ смотрѣть и на новое школьное преобразованіе. Быть можетъ, это былъ просто старческій консерватизмъ. Но во всякомъ случаѣ Платонъ былъ не совсѣмъ справедливъ къ просвѣтительнымъ мѣропріятіямъ александровскаго времени.

Въ такомъ то настроеніи кончалъ маститый іерархъ свою жизнь, столь блестящую на восходѣ и столь сумрачную на закатѣ. Вопль общаго отчаянія: «кажется, приближаются послѣднія времена»—былъ заключительнымъ аккордомъ мысли и чувства святителя въ его отношеніи къ современной церковной дѣйствительности. Въ самые послѣдніе годы жизни владыка московскій, при ослабленіи силъ, не могъ уже такъ живо реагировать на событія, какъ мы видѣли по цитированной перепискѣ. Но, несомнѣнно, настроеніе его не измѣнилось до самой кончины, послѣдовавшей 11 ноября 1812 г.

Спрашивается, почему такъ странно сложилась судьба этого выдающагося человѣка, не даромъ прозваннаго «великимъ?» Ужели уже дѣйствительность была такъ безотрадна, что Платону въ ней не было мѣста? Но вѣдь онъ пережилъ на служебномъ поприщѣ три царствованія, весьма между собою различныя, въ томъ числѣ царствованія великой Екатерины и не менѣе великаго ея внука. Трудно думать, чтобы всегда условія были такъ неблагопріятны, что не представлялось возможнымъ плодотворно работать на поприщѣ церковно-правительственной дѣятельности. Скорѣе надобно полагать, что объясненіе странно сложившейся Платоновой судьбы скрывается въ значительной степени въ его индивидуальномъ складѣ. Характеръ Платона, повторяемъ, былъ не изъ тѣхъ, какіе нужны для церковныхъ политиковъ, неизбѣжно принужденныхъ, стоя у кормила власти, считаться съ многообразными обстоятельствами. Для большей выпуклости Платоновой характеристики, приведемъ, напримѣръ, такія ея строки изъ той-же автобіографіи. «Свойства его отличительныя были прямодушіе и искренность. Почти все то было у него на языкѣ, что на сердцѣ: а потому былъ свободенъ въ словахъ и не скрывалъ другихъ пороки, или страсти... Изъ сего же источника выходило, что онъ тайну хранить съ трудностью могъ. Все то нѣкоторые толковали, что происходитъ отъ гордости; хотя, въ самомъ дѣлѣ, тому причиною была не гордость, но прямодушіе, и что онъ не могъ что нибудь скрывать въ себѣ. А прямой гордости въ немъ не было... Но нѣсколько гордъ былъ про

тивъ гордыхъ. Для него несносны были тѣ, въ коихъ онъ примѣчалъ, что они сами собою надменны: и потому онъ обыкновенно обходился съ ними хладнопрезорливо, думая тѣмъ ихъ унизить и усмирить. А какъ изъ таковыхъ или неуважаемыхъ нѣкоторые счастіемъ были возводимы на такія степени, что въ руки попадались имъ отличные случаи и довѣренности; а онъ при всемъ томъ своего къ нимъ неуваженія не скрывалъ, за то они ему довольно мстили, не оставляя никакого случая ко оскорбленію его, или, какъ они говорили, къ униженію его гордости; ежели на комъ, то на немъ сбылась сія пословица: и не вскормя и не вспоя, ворога не увидишь... Можно было назвать его честолюбивымъ, что онъ все къ тому относилъ, дабы себя отъ другихъ отличить и заслужить уваженіе и не было для него оскорбительнѣе и несноснѣе, какъ слышать, ежели кто объ немъ худого былъ мнѣнія, да отзывался-бъ объ немъ съ униженіемъ, особливо въ дѣлѣ несправедливомъ. Его было въ сихъ случаяхъ то свойство, что онъ или презиралъ такого рода людей, или, ежели къ тому удобность была, старался ихъ унижать... Почитаемъ былъ отъ нѣкоторыхъ упрямымъ; но онъ почиталъ то твердостью. Ибо подлинно, по большей части держался своихъ мыслей и внутреннихъ увѣреній; и потому, что наиболѣе находилъ другихъ мнѣнія и совѣты, или неосновательными, или пристрастными; а еще болѣе его въ томъ убѣждало, когда... болѣе онъ успѣвалъ и лучше оканчивалось, когда поступалъ по собственнымъ своимъ мыслямъ... Зѣло ревностенъ былъ къ чести духовенства и Церкви... Особенное было и отличительное отъ всѣхъ въ Платонѣ то, что мало находилъ онъ людей, дабы съ ними однихъ быть мыслей; но, по большей части, мысли его отъ другихъ были иныя; ибо примѣтно было, что сфера его понятія была выше другихъ; а была ли при томъ примѣсь пристрастія и самолюбія—о семъ судить единому Богу» [1]). Послѣ этого самопризнанія, едва-ли нужно искать еще разгадку роли, какую въ большую часть церковнаго служенія пришлось играть «великому» Платону.

Но если митроп. Платону судьба не судила занять то мѣсто въ церковно-правительственной дѣятельности, какое, казалось, ему естественно принадлежало по его дарованіямъ, его сану и авторитету; то тѣмъ не менѣе его имя справедливо ста-

---

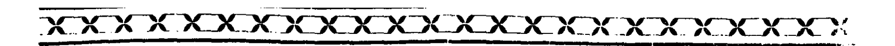
[1]) Автобіографія въ прил. у Снегирева, 4-е изд., стр. 260—263.

вится на одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ исторіи нашей церкви второй половины XVIII—нач. XIX вв. Его мощная фигура высоко возвышалась надъ современнымъ церковнымъ горизонтомъ—и хотѣли или не хотѣли, Платона нельзя было вычеркнуть со страницъ исторіи. Не говоря о блестящемъ проповѣдническомъ талантѣ, заслугахъ ученыхъ и пастырскихъ, общество цѣнило въ немъ умъ, широкую образованность и именно тѣ качества, которыя на служебномъ поприщѣ создавали ему не мало огорченій. Прямота, искренность, неподкупная честность, самое неумѣнье заискивать предъ сильными міра и ломать себя въ угоду другимъ невольно подкупали общественное мнѣніе, которому, навѣрно, казалось обидной несправедливостью, что маститаго іерарха часто обходятъ, съ нимъ мало считаются и преждевременно сдали его, такъ сказать, въ архивъ. «Слѣпое уваженіе» публики отчасти смягчало для Платона горечь отъ недостатка уваженія въ тѣхъ, на кого онъ имѣлъ бы право разсчитывать. И въ то время, какъ другія звѣзды на церковномъ горизонтѣ исчезали болѣе или менѣе безслѣдно, Платонова звѣзда, дѣйствительно, достигала свѣтомъ и за предѣлы своей земли, а равно свѣтила далекому потомству. Ни о комъ другомъ, какъ о Платонѣ, вспомнилъ Наполеонъ, когда ему понадобилось завести, хотя безплодные, разговоры о соединеніи церквей [1]). И ни къ чьему другому, какъ Платонову авторитету, обращались многіе и послѣ его кончины для разрѣшенія разныхъ вопросовъ церковной жизни. И историкъ всегда долженъ будетъ остановиться предъ именемъ Платона, быть можетъ, дольше, чѣмъ предъ именами другихъ его современниковъ, ближе стоявшихъ къ кормилу церковной власти, но не оставившихъ въ своей памяти того, что рождаетъ общественное уваженіе и даетъ право на историческое безсмертіе.

Б. Титлиновъ.

---

[1]) Снегиревъ, ч. II, стр. 33—35.

Очерки по исторіи славянскаго перевода Библіи.

I.

Черты бытовой исторіи славянской Библіи съ конца XV до XVIII вѣка.

(Къ 200-лѣтію со времени изданія перваго царскаго указа объ усовершеніи славянскаго текста Библіи).

14-го ноября 1912 года исполняется 200 лѣтъ со дня высочайшаго указа Императора Петра I высшей церковной власти о надлежащемъ усовершеніи славянскаго текста Библіи въ согласіи съ греческимъ текстомъ LXX. Какъ и въ другихъ областяхъ церковной и государственной жизни, участіе великаго преобразователя въ дѣлѣ устроенія славянскаго библейскаго текста составляетъ знаменательную эпоху въ судьбѣ славянской Библіи, ставитъ грань для старой исторіи и программу для новой исторіи нашей славянской Библіи. Осуществленіе этой программы выпало на долю его преемниковъ и является единственнымъ примѣромъ вполнѣ опредѣленнаго заботливаго попеченія о судьбѣ славянской Библіи нашей государственной власти, а вслѣдъ за нею и по ея настоянію, и нашей церковной власти за все время, когда попеченіе о Библіи лежало на отвѣтственности русскихъ, т. е. съ XV-го вѣка. Дѣйствіе властнаго петровскаго распоряженія продолжается и до настоящаго времени: и мы пользуемся славянскимъ текстомъ Библіи, образовавшимся въ силу указа 1712 года и его позднѣйшихъ подтвержденій. Даже болѣе: подъ вліяніемъ двухсотлѣтняго господства петровской идеи или ея практическихъ видоизмѣненій относительно славянской Библіи, въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества мы можемъ наблюдать значительную переоцѣнку продукта этой идеи, въ видѣ извѣстной исторической попытки въ сороковыхъ годахъ

прошлаго столѣтія канонизовать принятый нынѣ славянскій текстъ печатной Библіи. Однимъ словомъ, для истекшаго 200-лѣтія петровскій указъ былъ непререкаемымъ авторитетомъ въ исторіи славянскаго текста Библіи, хотя въ полной мѣрѣ не осуществленнымъ до настоящаго времени, по недостатку вниманія и нѣкоторой холодности къ этому дѣлу высшей церковной власти.

Далекое отъ научныхъ замысловъ, рѣшительное и опредѣленное слово Императора Петра имѣло въ виду упорядочить только практическое, бытовое положеніе славянскаго текста. Имъ опредѣлялось направленіе, въ какомъ долженъ идти этотъ текстъ, устанавливались рамки его развитія. И естественно, что поставленный въ это русло славянскій библейскій текстъ развивался исключительно въ бытовой обстановкѣ, создававшейся условіями времени. Даже въ то время, когда наука стала пытаться подойти къ этому тексту съ нѣсколько иными запросами, онъ властно отстаивалъ свое положеніе. По юридическому опредѣленію, славянскій библейскій текстъ принялъ положеніе предмета обычнаго права, а не строго обоснованной кодификаціи. Поэтому этотъ текстъ можно разсматривать только съ точки соотвѣтствія его бытовымъ запросамъ и бытовымъ нормамъ русской жизни, а отнюдь не со стороны его научнаго значенія.

Возникновеніе петровскаго указа было подготовлено предшествующею бытовою исторіею библейскаго славянскаго текста. Такимъ образомъ значеніе этого указа можетъ быть уяснено только на почвѣ раскрытія житейской обстановки текста въ его исторіи, предшествующей 1712 году.

Но этотъ единственный въ исторіи славянской Библіи фактъ высшаго правительственнаго вмѣшательства въ судьбу Библіи настолько значителенъ и характеренъ, что его съ большимъ правомъ можно разсматривать какъ нравственное средоточіе или жизненный фокусъ всей вообще бытовой исторіи славянской Библіи въ Россіи съ XV вѣка. Это самая яркая бытовая и юридически опредѣляющая точка, подлѣ которой возможно объединить весь бытовой матеріалъ, связанный съ славянскою Библіею русскаго періода и до этого указа и послѣ его изданія. Съ точки научной такое центральное мѣсто въ исторіи славянской Библіи съ XV вѣка слѣдовало бы отвести геннадіевской Библіи 1499 года: въ ней даны всѣ элементы, изъ которыхъ слагалась исторія Библіи съ XV вѣка,

и ею, ея направленіемъ и природой въ значительной степени обусловливалась вся послѣдующая дѣятельность въ области славянской Библіи. Но въ дѣйствительности памяти о ней хватило въ русскомъ обществѣ только на полтора столѣтія. Здѣсь въ ея исторіи случился крупный переломъ: изъ частнаго пользованія она перешла въ руки церковной власти, и послѣдующая ея исторія, съ половины XVII в. (съ 1663 г.), естественно считалась только съ тѣмъ видомъ Библіи, какой установился къ моменту перехода ея къ новому владѣльцу. «Первопечатная» Библія 1663 г., пріобрѣла для послѣдующаго времени характеръ святыни, хотя по существу она воспроизводила то же, что было и въ болѣе раннемъ частномъ Острожскомъ изданіи 1581 года, что, далѣе, впервые дано было въ геннадіевской редакціи. И только не связанный канонической дисциплиной съ первопечатнымъ московскимъ изданіемъ, указъ Петра, какъ повелѣніе высшей государственной власти, отрѣшается отъ господствующей традиціи даннаго момента, объединяетъ предшествующую исторію славянской Библіи съ ея желательнымъ будущимъ упорядоченіемъ и такимъ образомъ ставитъ вопросъ о славянской Библіи русскаго періода такъ широко и съ такимъ подъемомъ мысли, какъ никакой другой актъ въ исторіи этой Библіи за послѣднія четыре столѣтія. На основѣ этихъ, поставленныхъ указомъ Петра I, принципіальныхъ рамокъ изслѣдователь имѣетъ право и даже рѣшительное побужденіе осмотрѣть всю вообще бытовую исторію русской Библіи за два вѣка, предшествующихъ и два вѣка послѣдующихъ за этимъ указомъ. Что этотъ указъ отмѣчалъ существеннаго въ прежней исторіи славянской Библіи, съ XV в. до 1712 г., и что узаконялъ въ ней на будущее время? Каковы были, другими словами, господствующія настроенія въ русскомъ мыслящемъ обществѣ относительно Библіи, которыми вызывалось появленіе петровскаго указа, какова идеологія самого петровскаго указа и жизненное примѣненіе этой идеологіи въ послѣдующее время?

Уяснить бытовую сторону въ исторіи славянскаго библейскаго текста слѣдовало бы на всемъ протяженіи ея съ IX вѣка. Библія въ славянскомъ переводѣ болѣе чѣмъ какое-либо другое литературное явленіе связана съ духомъ и требованіями времени, съ укладомъ и строемъ жизни, съ подъемомъ или извѣстною степенью національнаго просвѣщенія. Библія у славянъ не была запечатаннымъ семью печатями предметомъ

отвлеченнаго почитанія, какъ латинская вульгата: она была пущена въ самую толщу народной жизни, и къ ней не могъ не пристать и нагаръ церковной свѣчи, и копоть келейной лампадки, и досужій домыслъ высокихъ архіерейскихъ хоромъ, равно какъ не могли на ней не отразиться и самыя святыя, сокровенныя помышленія народа отъ воспроизведеній высокихъ святоотеческихъ созерцаній священнаго писанія до приспособленія этихъ таинственныхъ созерцаній къ современнымъ переживаніямъ. На ней лежитъ глубокій національный отпечатокъ. И изученіе славянской Библіи внѣ этого историческаго отпечатка несправедливо и недостаточно. Она не раскроетъ своего лица и своей души тѣмъ, кто не постарается войти въ пониманіе ея исторической обстановки, не подойдетъ къ этой ея исторической судьбѣ съ самою искреннею проникновенностью. Недостаточную до настоящаго времени научную разработку славянскаго текста Библіи, не смотря на давнюю заинтересованность ею ученыхъ, мы объясняемъ главнымъ образомъ отсутствіемъ внутренней органической заинтересованности и нравственнаго сродства работавшихъ надъ этимъ вопросомъ ученыхъ съ тою областью, къ которой существеннымъ образомъ принадлежитъ славянская Библія.

Нельзя ожидать, что ученый глубоко и основательно изучитъ Пушкина, если ограничитъ свои наблюденія однимъ только его языкомъ; не высока будетъ цѣна того изученія аѳинскаго акрополя, которое старательно погрузится въ опредѣленіе свойствъ мрамора историческаго Парѳенона и не въ состояніи будетъ обнять ни художественнаго содержанія, ни историческихъ традицій этого памятника. Между тѣмъ славянская Библія въ настоящее время изучается наукой только со стороны ея языка и письменной традиціи и на основаніи этого дѣлаются окончательныя сужденія о ея древнѣйшемъ видѣ, о ея минувшей судьбѣ. Поскольку это дѣлается по методическимъ соображеніямъ, это понятно: другія стороны не изучены, не доступны для соображеній, естественно заключенія должны основываться только на доступной изслѣдованію языковой сторонѣ. Но въ изученіи славянской Библіи мы видимъ не то: изслѣдователи этого предмета переоцѣниваютъ значеніе результатовъ своихъ изученій: они почитаютъ, повидимому, свою задачу исполненной, какъ скоро уяснена языковая сторона и текстуальное преданіе извѣстной части Библіи. По крайней мѣрѣ, намъ не приходилось читать, чтобы кто-нибудь изъ изслѣдо-

вателей сознавалъ, что подобная работа—только черновой, подготовительный набросокъ къ возстановленію цѣлой картины, связанной съ славянской Библіей. Никакихъ горизонтовъ, никакихъ дальнѣйшихъ точекъ зрѣнія на предметъ не указывается. Повидимому, такимъ уясненіемъ все почитается достигнутымъ. Если такъ, то здѣсь слѣдуетъ усматривать не временное, методическое ограниченіе въ изслѣдованіи предмета отдѣльной стороной его, а принципіальную узость постановки предмета. И это непростительно, потому что въ изслѣдованіи другихъ памятниковъ древней русской и славянской литературы такого ограниченія нѣтъ: въ книгѣ Эноха Праведнаго почитается возможнымъ возводить идейные корни славянскаго апокрифа за 2 вѣка до нашей эры [1]); въ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ идейное и рукописное соотвѣтствіе славянскому переводу отыскивается въ глубинѣ VII--V в.в. до Р. X., въ ассирійской литературѣ [2]). Словомъ, уясненіе судьбы славянской Библіи не можетъ отождествляться съ уясненіемъ языка и рукописнаго преданія славянской Библіи, какъ это пытается сдѣлать современный господствующій пріемъ разработки этого предмета. Къ этой области долженъ быть примѣненъ въ полной мѣрѣ методъ историко-литературнаго изученія со всею сложностью его задачъ, какъ это примѣняется въ наукѣ къ другимъ памятникамъ славянской и русской старины. Въ кругъ этого изученія неизбѣжно должно войти подробное уясненіе жизненной обстановки славянскихъ библейскихъ письменныхъ памятниковъ до возстановленія ближайшихъ и отдаленныхъ литературныхъ предковъ и родичей этихъ памятниковъ, до воспроизведенія жизненной судьбы славянской Библіи во всей ея полнотѣ. Примѣненіе къ изученію славянской Библіи въ нашей современной наукѣ почти исключительно метода языковаго изученія списковъ, выдвиганіе на первое мѣсто интересовъ славянскаго языкознанія, а не Библіи, какъ цѣльнаго литературнаго памятника, высоко важнаго, помимо его священнаго значенія, и для уясненія древней литературной и культурной исторіи славянъ, — такое

---

[1]) Проф. М. И. Соколовъ, Славянская книга Еноха Праведнаго. Посмертный трудъ автора приготовилъ къ изданію М. Сперанскій. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ московскомъ университетѣ, М. 1910.

[2]) Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ. Изслѣдованіе А. Д. Григорьева. Чт. О. И. Др. Р. 1912, I.

явленіе мы считаемъ только временнымъ предубѣжденіемъ, а не окончательнымъ рѣшеніемъ науки. Сами представители и вдохновители языковой разработки библейскихъ памятниковъ сознаютъ, что при такой ограничительной постановкѣ вопроса не всегда достижимы ихъ спеціальныя задачи. Въ этомъ отношеніи знаменательно признаніе И. В. Ягича въ Славянской Энциклопедіи, I, 24, что ни изслѣдованія Сырку, ни изданія Калужняцкаго не выяснили сущности грамматической реформы тырновскаго митрополита Евѳимія. Но почтенный славистъ не указываетъ, что упомянутые изслѣдователи охотились за рыбьей чешуей съ очень рѣдкою сѣтью: рыба проскочила въ широкія звенья сѣти, и чешуя осталась на спинахъ ихъ владѣльцевъ.

Самое предубѣжденіе современной науки трактовать славянскую Библію исключительно только съ точки изученія ея языка, по нашему мнѣнію, объясняется не столько состояніемъ нашей науки, не столько ея подготовительной формой изслѣдованія въ этой области, сколько подражаніемъ примѣру начальной вліятельной разработки. Съ самаго начала разработка славянскаго библейскаго матеріала направлена была на грамматическіе вопросы, призвана была обслуживать только языковые интересы, такъ какъ попала въ руки западно-славянскихъ ученыхъ (Добровскій), ни въ какой мѣрѣ не связанныхъ съ славянскою Библіею по своимъ жизненнымъ традиціямъ. Въ этомъ направленіи, благодаря, правда, солиднымъ научнымъ вкладамъ западно-славянскихъ ученыхъ, изученіе это шло и идетъ у насъ до послѣдняго времени. Но теперь есть голоса, заявляющіе о необходимости не ограничиваться изученіемъ только языковой стороны вопроса, настоятельно выдвигающіе и другія стороны предмета, какъ равно достойныя и заслуживающія изученія, и время отождествленія научнаго изслѣдованія славянской Библіи съ изученіемъ ея языка, надо думать, безвозвратно миновало. Столь многогранный предметъ, какъ славянская Библія, способенъ вызвать десятокъ точекъ зрѣнія для всесторонняго обслѣдованія, и каждая будетъ имѣть и свое законное оправданіе и научное значеніе для уясненія вопроса.

Въ настоящемъ случаѣ мы дѣлаемъ попытку уяснить бытовую сторону славянской Библіи съ конца XV-го до XVIII вѣка. Она должна будетъ уяснить значеніе того высокаго правительственнаго акта, какой 200 лѣтъ назадъ, подъ

перомъ великаго преобразователя русской жизни, опредѣлилъ принципіальный бытовой взглядъ на славянскую Библію тогдашнихъ правительственныхъ и духовно-общественныхъ круговъ и какой по существу остается исповѣданіемъ русской правящей власти и до настоящаго времени. Но бытовой осмотръ этой области будетъ имѣть и другое значеніе. Какъ одна изъ частей многогранника въ изученіи славянской Библіи, бытовое изученіе естественно должно будетъ раздвинуть рамки вопросовъ, подлежащихъ научному изслѣдованію въ этой области. По существу бытовое опознаніе Библіи является другимъ видомъ изученія предмета, по сравненію съ научнымъ изученіемъ. Наука недавно получила обзоръ научнаго изученія славянской Библіи, т. е. обзоръ изученія языка и текстовъ преимущественно древнѣйшаго перевода Библіи, со второй половины XVIII вѣка, въ трудѣ проф. А. В. Михайлова [1]). Не безполезно, думаемъ мы, осмотрѣться и съ другой стороны: что поставлено было въ исторіи и что получило развитіе относительно славянской Библіи въ сознаніи другой части славянскаго міра, жившаго не научными представленіями, а интересами практическаго примѣненія славянской Библіи къ жизни, при томъ значительно ранѣе XVIII вѣка.

По существу, повторяемъ, и въ научномъ изученіи и въ бытовомъ опознаніи славянской Библіи—одинъ процессъ: то и другое стремится къ уясненію, къ усвоенію предмета. Но пути, цѣли и средства въ томъ и другомъ методѣ различны. Бытовое уясненіе Библіи возникло и питалось жизненными потребностями, главнымъ образомъ желаніемъ улучшить, или исправить текстъ славянской Библіи, придать ему болѣе соотвѣтственный требованіямъ времени языковый видъ, каноническій порядокъ, или провести чрезъ него какія-либо новыя идеи. Однимъ словомъ въ центрѣ этого усвоенія лежатъ запросы и интересы практической жизни. Этотъ видъ бытового усвоенія стоитъ въ неразрывной связи съ тою средою, которая въ своей жизни содержитъ славянскую Библію въ богослужебномъ и домашнемъ употребленіи, въ литературномъ пользованіи и въ той или другой степени въ основѣ своего культурнаго міросозерцанія. Эта среда — восточное православіе. Другой видъ усвоенія предмета—научное изученіе возникло изъ общенаучныхъ потребностей ознакомиться съ древнѣйшимъ общеславян-

---

[1]) Опытъ изученія текста книги Бытія пророка Моисея въ древнеславянскомъ переводѣ. Часть I. Паримейный текстъ. Варшава 1912.

скимъ достояніемъ—славянскимъ языкомъ, по времени явилось значительно позднѣе перваго направленія и сосредоточилось въ области исключительно языковѣдной. Это теченіе зародилось и развилось преимущественно въ средѣ западныхъ славянъ, въ средѣ, въ общемъ порвавшей связи съ славянскимъ библейскимъ текстомъ, какъ живымъ преданіемъ. И то и другое теченіе одинаково законны и цѣнны: и жизненные запросы времени и отвлеченныя потребности научнаго изслѣдованія—каждое въ мѣру своихъ возможностей должно помочь общему всестороннему уясненію вопроса. Одна струя выдвигаетъ неотвратимую правду жизни, другая правду логики. Хорошо было бы, если бы то и другое объединилось: если бы для рѣшенія поставлены были вопросы, заявленные жизнью, къ нимъ приложена была если бы научная изыскательность, примѣненная уже наукой къ предмету теоретическаго значенія. Только при такомъ порядкѣ могло бы получиться дѣйствительное знаніе славянской Библіи.

Знаменитый именной указъ Петра I 14 ноября 1712 года объ изданіи славянской Библіи гласилъ слѣдующее: «Въ Московской Типографіи печатнымъ тисненіемъ издать Библію на славянскомъ языкѣ, но, прежде тисненія, прочесть ту славянскую Библію и согласить во всемъ съ греческою 70 преводниковъ Библіею, и быть у дѣла того въ смотрѣніи и правленіи Еллиногреческихъ школъ учителю, іеромонаху Софронію Лихудію, да Спасскаго монастыря архимандриту Ѳеофилакту Лопатинскому, да типографіи справщикомъ Ѳедору Поликарпову и Николаю Семенову, въ чтеніи справщикомъ же—монаху Ѳеологу да монаху Іосифу. А согласовать и править въ главахъ и стихахъ и рѣчахъ противу Греческія Библіи грамматическимъ чиномъ, а буде гдѣ въ славянскомъ противъ греческой Библіи явятся стихи пропущены, или главы перемѣнены или въ разумѣ Писанію Священному греческому противность явится, и о томъ доносить преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, и отъ него требовать рѣшенія. Таковъ Великаго Государя имянной указъ объявилъ Преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, и въ типографіи вышеписаннымъ сказалъ тайный совѣтникъ графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ» [1]. Прямой смыслъ указа совершенно

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода, т. III, стр. 28; пр. XIII, стр. XLVII, II, ч. 1, № 268, ч. 2, № 1188.

ясенъ. Боролись двѣ партіи, или два направленія духовнаго просвѣщенія—восточное и западническое. Указъ 14 ноября отдавалъ рѣшительное предпочтеніе восточному просвѣщенію и осуждалъ западническія, вѣрнѣе католическія стремленія въ обществѣ, властно выдвигавшіяся тогда въ жизнь вмѣстѣ съ латинско-схоластической системой образованія въ тогдашней духовной школѣ. Идейная побѣда греческаго просвѣщенія выражена въ повелѣніи произвести перестройку главнѣйшаго источника духовнаго просвѣщенія—Библіи по типу греческаго оригинала въ противовѣсъ ея уклоненію къ строю латинской Вульгаты. Ближайшимъ образомъ здѣсь осуждалось «латинство» духовныхъ московскихъ круговъ конца XVII вѣка, заявлялась правота сторонниковъ греческаго просвѣщенія. Непосредственно подвергалась косвенному осужденію первопечатная московская Библія 1663 года, по традиціи передававшая справу греческой истины по латинскому оригиналу. Все это достаточно ясно съ перваго взгляда и подробно будетъ у насъ разъяснено далѣе. Но дѣло этимъ не ограничивается: указъ Петра I направленъ противъ такой слабой стороны русскаго просвѣщенія, корни которой восходятъ далеко глубже 1663 г.

Библія московскаго изданія 1663 года съ научной точки представляется несамостоятельнымъ, совершенно малоцѣннымъ предпріятіемъ московской церковной власти второй половины XVII вѣка. Оно вызвано было назрѣвшими къ тому времени потребностями въ духовномъ просвѣщеніи, но, по рѣшительному недостатку образованныхъ людей въ распоряженіи духовныхъ властей того времени, исполнено было поученически плохо: оно представляло, по обычаю того времени, не совсѣмъ точную перепечатку Острожскаго изданія Библіи 1581 года. Острожское же, важное для своего времени изданіе, сдѣлано было въ свою очередь при самомъ существенномъ пособіи библейскаго свода 1499 года, т. наз. Геннадіевской Библіи. Этому своду 1499 года принадлежитъ начало сближенія славянскаго библейскаго текста съ латинской Библіей, въ этомъ сводѣ находитъ свой источникъ латинское русло въ изданіяхъ и Острожскомъ и Московскомъ. Съ теченіемъ времени, съ половины XVII вѣка, латинствующее теченіе, связанное съ этими изданіями Библіи, разлилось широкой рѣкой въ основныхъ церковныхъ источникахъ и духовной литературѣ, но съ 1499 г., въ теченіе болѣе 150-ти лѣтъ, почти только одна славянская Библія напоминала вдумчивому наблюдателю о новомъ

пути славянскаго просвѣщенія, который въ церковно-канонической области усердно подготовлялся не собственными запросами и рѣшеніями, а флорентійскимъ и тридентскимъ соборами. Такимъ образомъ логика указа 14 ноября прямо и непосредственно подвергаетъ оцѣнкѣ и осуждаетъ построенное на латинской канвѣ московское первопечатное изданіе славянской Библіи 1663 года, но при полной несамостоятельности и безотвѣтственности этого изданія, эта оцѣнка должна относиться всецѣло на долю его первоисточника—Геннадіевской Библіи 1499 года.

Вся древнѣйшая исторія славянской Библіи, отъ ея появленія въ IX в., при св. Кириллѣ и Меѳодіи, до конца XV-го вѣка стоитъ въ неразрывной связи съ греческимъ текстомъ Библіи. Съ латинской Библіей судьба сталкиваетъ славянскій переводъ только въ концѣ XV вѣка, въ Геннадіевскомъ библейскомъ сводѣ. Чѣмъ объясняется поворотъ къ латинскомъ заимствованіямъ въ Геннадіевской Библіи 1499 года? При какихъ условіяхъ произошелъ въ концѣ XV вѣка сдвигъ славянской Библіи съ греческаго русла?

Здѣсь мы неизбѣжно сталкиваемся съ уясненіемъ религіозной бытовой психологіи русскаго общества конца XV вѣка. Допустить, что главнѣйшій источникъ восточно-православнаго міросозерцанія могъ незамѣтно подвергнуться дополненіямъ и исправленіямъ изъ латинскаго оригинала, подобно простому литературному памятнику, мы не можемъ. Это противорѣчитъ всему складу русскаго міросозерцанія съ древнѣйшихъ временъ до половины XVII вѣка или, по крайней мѣрѣ, до конца XVI-го вѣка. Извѣстное самодовольство русскихъ своимъ православіемъ побуждало ихъ относиться недовѣрчиво даже къ православію грековъ послѣ паденія Цареграда. Тѣмъ съ большею подозрительностью долженъ былъ относиться русскій XV-го вѣка къ существенной вѣроисповѣдной особенности латинянъ. Остается признать, что наклонъ къ сближенію съ латинствомъ въ области библейскаго текста произошелъ не обычнымъ путемъ, а былъ произведенъ искусственно, былъ результатомъ вѣроисповѣднаго натиска римской церкви.

Въ этомъ мы убѣждаемся изъ цѣлаго ряда соображеній и наводящихъ фактовъ.

И прежде всего—составъ и объемъ славянской Библіи съ самого ея появленія у славянъ былъ очерченъ и опредѣленъ совершенно твердо. Правда, по довольно неудобному примѣру

византійцевъ, наши предки пользовались Библіею не въ одномъ сплошномъ кодексѣ, а въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ ея частей. Но это не свидѣтельствуетъ, что никакой кодификаціи библейскаго состава у славянъ не было. На стражѣ опредѣленнаго состава Библіи стояло древнее церковное каноническое сознаніе, проявившееся и въ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія и въ болѣе позднее время—въ XII и XV вв.—въ видѣ признанія въ Библіи только каноническихъ книгъ, съ яснымъ выдѣленіемъ изъ ихъ числа книгъ неканоническихъ (объ этомъ—см. въ нашей рѣчи «Рукописное преданіе славянской Библіи» 1911 г.). Здѣсь у славянъ мы видимъ самое твердое слѣдованіе исконной восточной традиціи относительно библейскаго канона въ противовѣсъ рѣзко очерченной западной традиціи, существенною особенностью которой было расширеніе древняго канона позднѣйшими неканоническими книгами.

Какихъ либо потребностей въ расширеніи канона для надобностей теоретическихъ или практическихъ въ дѣятельности Геннадія—виновника этого расширенія канона—не видно. Для круга интересовъ Геннадія и его единомышленниковъ новыя библейскія добавленія не даютъ ни одного полезнаго штриха. Ни Геннадій, ни его литературный союзникъ, Іосифъ Волоцкій, новыми пріобрѣтеніями не пользуются. Практическое употребленіе изъ этого латинскаго пріобрѣтенія мы увидимъ значительно позднѣе, въ XVII в., и при томъ въ области далеко не геннадіевскихъ интересовъ.

Можно допустить одну практическую возможность обратиться къ латинскимъ переводамъ: желаніе достигнуть полноты библейскаго состава и невозможность достигнуть этого при наличности готовыхъ въ то время переводовъ. Потребность въ обобщающихъ сводахъ по различнымъ отраслямъ литературы въ эту эпоху подведенія Новгородомъ своихъ культурныхъ итоговъ была несомнѣнна: извѣстенъ въ теченіе первой половины XVI столѣтія сводъ богослужебныхъ книгъ, сводъ житій святыхъ. Но судьба этихъ сводовъ не вызываетъ никакого недоумѣнія. Богослужебные и житійные памятники были объединены въ предѣлахъ тѣхъ текстовъ, какіе въ то время извѣстны были въ Новгородѣ. Нѣкоторыя житія, повидимому, по заказу переведены были съ греческаго для надобностей тогдашняго свода. Все это только углубляетъ принятую до того времени церковно-бытовую традицію. Въ сводѣ Библіи мы видимъ дру-

гое: готовые, извѣстные въ то время, тексты библейскихъ книгъ, правда, собраны, но далеко не въ достаточномъ размѣрѣ. Геннадіевской комиссіей использованы только поздніе новгородскіе тексты. Кромѣ новгородскихъ позднихъ, извѣстны были новгородскіе ранніе, а также не новгородскіе, напр., виленскіе тексты. Всѣ эти тексты, не говоря уже о текстахъ южно-славянскихъ, совершенно не были привлечены къ дѣлу библейскаго свода комиссіей Геннадія. Но и при этомъ условіи, при наличности однихъ употребительныхъ тогда текстовъ Геннадій могъ составить почти цѣлую славянскую Библію. Дополненія потребовали бы только двѣ книги Паралипоменонъ. Ожидалось бы, что Геннадій поручитъ ихъ перевести съ греческаго текста, поручитъ провѣрить другія книги по тому же греческому тексту—и славянская Библія въ позднемъ русскомъ ея изводѣ будетъ готова. Оказалось не то. Не только не найденныя въ славянскомъ переводѣ книги Паралипоменонъ, поручено было перевести съ латинской Библіи, и по той же Библіи произвести провѣрку и восполненіе собранныхъ переводовъ, но признано было нужнымъ сдѣлать существенныя добавленія къ традиціонной славянской Библіи. Переведены были неканоническія книги, не вводившіяся до того времени въ славянскую Библію: три книги Ездры, книги Товитъ, Іудиѳь, Премудрость Соломона, и двѣ книги Маккавейскія. Въ намѣреніе редактора, очевидно, входило не только восполненіе текстовъ до размѣра традиціонной славянской Библіи, въ предѣлахъ 60-ти каноническихъ книгъ, по счисленію І. Дамаскина, но болѣе того—до размѣра римской традиціи (восходящей еще къ Кареагенскому собору), до времени Геннадія рѣшительно не признаваемой на Востокѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, очевидно, болѣе чѣмъ съ простымъ литературнымъ явленіемъ.

Первые серьезные изслѣдователи труда Геннадія—Горскій и Невоструевъ объясняли появленіе въ Геннадіевомъ сводѣ Библіи латинскихъ привносовъ предположеніемъ, что у составителей этого свода могло не быть греческихъ рукописей или переводчиковъ, знающихъ греческій языкъ. Подъ руками оказалась латинская Библія, нашлись знатоки латинскаго языка—отсюда естественно явились восполненія изъ латинской Библіи [1]).

---

[1]) Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки, І. VII—VIII стр. А. И. Соболевскій затрудняется объяснить, зачѣмъ непосредственый переводчикъ дополнительныхъ книгъ въ Ген-

Въ виду идейной значительности этихъ восполненій, мы думаемъ, что дѣло обстояло не такъ просто. А то обстоятельство, что переводчикъ съ латинской Вульгаты былъ не свой новгородецъ, а доминиканскій іеромонахъ Веніаминъ, пришедшій издалека, заставляетъ спрашивать, почему новгородскій владыка для важнаго дѣла редактированія и упорядоченія славянской Библіи не могъ пригласить ученаго грека и достать греческую Библію. Едва ли выполнить обычный для тогдашней Руси пріемъ обращенія къ греческимъ источникамъ было труднѣе, чѣмъ обзавестись латинскимъ переводчикомъ.

Намъ дѣло представляется такъ, что въ этомъ неожиданномъ появленіи въ XV в. въ составѣ славянской Библіи знаменательнаго добавленія неканоническихъ книгъ въ переводѣ съ латинской вульгаты, появилось насильственное воздѣйствіе на каноническую особенность восточнаго православія католической пропаганды [1]). Для насъ совершенно невѣроятно, чтобы въ такомъ существенномъ пунктѣ разногласія между православіемъ и католичествомъ, обсуждавшемся на множествѣ соборовъ, начиная съ IV вѣка, Геннадій въ XV в. съ легкимъ сердцемъ, сознательно и добровольно пошелъ на капитуляцію и призналъ необходимость восполнить источникъ своего исповѣданія добавленіями католическими, рѣшительно отвергавшимися до того времени православною церковію. Психологически, съ церковно-бытовой точки зрѣнія, для архіепископа XV вѣка, по-своему ревнителя чистоты православія, подобная растерянность допустима только во снѣ или въ крайней степени умопомраченія. Подобныхъ безусловныхъ уступокъ въ этой существенной области вѣроисповѣдныхъ разногласій—безъ всякаго обсужденія и борьбы—исторія рѣшительно не помнитъ.

Натиски католичества на Русь извѣстны издавна. Еще въ половинѣ XIII вѣка была сдѣлана попытка основать во Псковѣ католическую епископію [2]). Въ 1439 году на флорентійскомъ соборѣ, по мнѣнію католиковъ, положено было и юридическое основаніе ихъ демогательствамъ къ подчиненію восточнаго православія католической догмѣ. Между прочимъ, на этомъ соборѣ съ особенною силою выдвинутъ былъ вопросъ о при-

---

надіевскомъ сводѣ—доминиканецъ Веніаминъ попалъ въ Россію (Переводная литература московской Руси XIV—XVII вв., 1903, 258 стр.).

[1]) Объ этомъ мы указывали въ рѣчи—Рукописное преданіе славянской Библіи, 1911, 28—29 стр.

[2]) Трусманъ, Введеніе христанства въ Лифляндіи, Спб. 1884, 259 стр.

знаніи каноническаго значенія за неканоническими книгами, въ виду того, что въ католичествѣ развивались уже такія догматическія теченія, для которыхъ опору Римъ могъ выискивать только въ этихъ книгахъ [1]). Греческіе члены собора не признавали эти книги въ томъ достоинствѣ, какое утверждали за ними католики, но чрезъ это католики вовсе не останавливались въ своемъ домогательствѣ внушить признаніе ихъ богодухновенности православнымъ. Какая тактика могла быть избрана для осуществленія этого замысла, отчасти можно видѣть изъ аналогичнаго примѣра, изъ отношенія католиковъ въ началѣ XVI столѣтія къ проведенію принципа объединенія православной богослужебной практики съ католическою. Въ 1526 году въ Римѣ былъ переработанъ по католическому чину и изданъ греческій Евхологій. Искуснымъ движеніемъ онъ возведенъ былъ въ достоинство оригинала для венеціанскихъ греческихъ изданій Евхологія въ типографіяхъ, прикровенно находившихся въ рукахъ католиковъ. Такимъ образомъ римская корректура предупредительно снабжала богослужебными изданіями и грековъ и чрезъ нихъ насъ, русскихъ, такъ какъ наши справы XVII в. основывались на этихъ *подлинныхъ* греческихъ изданіяхъ [2]). Что дружеское содѣйствіе предложено было, подобно служебнику, и для Библіи, у насъ прямыхъ фактовъ нѣтъ, но оно весьма вѣроятно и по тому, что вопросъ канонизаціи неканоническихъ книгъ весьма сильно занималъ римскую курію съ флорентійскаго собора до самаго разрѣшенія его на тридентскомъ соборѣ въ 1546 году, и еще болѣе по тому, что неожиданное практическое разрѣшеніе его

---

[1]) Свои новыя докрины о 1) Filioque, 2) объ исхожденіи Св. Духа, 3) о чистилищѣ латиняне доказывали на этомъ соборѣ ссылками на слѣдующія мѣста *божественнаго* писанія: 1) Премудрости Іисуса сына Сирахова XXIV, 31: Qui elucidant me vitam aeternam habebunt (мѣсто это неподлинное: кромѣ латинскаго текста, въ другихъ текстахъ не читается),—Mansi, t. XXXI^b, col. 1477; 2) Прем. Солом. VII, 25—Mansi, t. XXXI^b col. 1653; 3) 2 Маккав. XII, 46—Mansi, ibid., col. 1662. Подобныя доказательства широко были распространены потомъ, въ XVII в., въ нашей южно-русской уніатской литературѣ. Окончательно доказательная сила за этими спорными до того времени въ католической церкви книгами признана была на тридентскомъ соборѣ, въ 1546 г.

[2]) Докладъ проф. А. А. Дмитріевскаго въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности 11 февраля 1911 года—О венеціанскихъ изданіяхъ греческаго Евхологія XVI—XIX вв. (библіографич. замѣчанія).

въ славянской Библіи сопровождается созданіемъ весьма сгущенной католической атмосферы вокругъ главнаго виновника этой канонизаціи на славянской почвѣ—архіеп. Геннадія. Только въ XVII-мъ вѣкѣ мы замѣчаемъ потомъ такое же проявленіе воинственнаго католическаго духа въ русской церковной жизни. Вліяніе католичества вокругъ Геннадія проявляется особенно ярко въ его расправѣ съ жидовствующими и въ его церковно-имущественной идеологіи. Жестокое до безсмысленности издѣвательство Геннадія надъ еретиками стоитъ совершенно особнякомъ въ древней исторіи Новгорода и явно ведетъ свое начало отъ практики Филиппа испанскаго, о чемъ «цесарскій посолъ» имѣлъ бесѣду съ Геннадіемъ, изъ практики инквизиціи. Защита церковныхъ имѣній отъ имени ревнителя православія—архіепископа, по несомнѣнному убѣжденію ученыхъ, отъ имени Геннадія, проведена въ духѣ и формѣ римскихъ іерархическихъ воззрѣній [1]). Соотвѣтственно этой обстановкѣ, въ переводѣ библейскихъ книгъ принимаетъ участіе доминиканецъ Веніаминъ, «родомъ славянинъ, а вѣрою латинянинъ».

Кто былъ этотъ Веніаминъ, по языку его перевода нѣсколько ясно [2]). Онъ употребляетъ формы 1 лица единств. числа настоящаго времени на—*имъ* и—*емъ*: да предъ Богомъ сіе сотворимъ и кровь мужей тѣхъ піемъ (1 Паралип. XI) = = ut faciam... bibam. Формы эти въ XV в. по преимуществу свойственны сербскому языку. Изрѣдка встрѣчающіяся у него формы, чуждыя церковно-славянскому и русскому языку, какъ *въ углохъ стѣнахъ* = in angulis murorum (2 Паралип. XXVI) также по преимуществу сербскія. Въ словарномъ матеріалѣ перевода Веніамина бросается въ глаза цѣлый рядъ словъ или необычныхъ для церковно-славянскаго и русскаго языковъ, или употребляемыхъ въ необычномъ для этихъ языковъ значеніи: ковачъ = faber, краты = vices (*по кратихъ* = per vices 1 Паралип. XXIII), одножъ = unaque вмѣстѣ, ловити = = insidiari, лѣсъ = ligna, плѣнъ, плѣненіе = praeda, полкъ = = populus, стая = stabulum, стѣна = petra, възданъ = praeditus, наставляти = imponere, настояти = urgere, скважня = foramen, Екклис. XII₃. Это слова сербскія: ковач, крат, jеднош,

[1]) Слово кратко противу тѣхъ, иже въ вещи священныя... вступаются и отъимати... дерзаютъ. Изд. А. Д. Григорьевымъ, Чт. О. И. и Др. Р. 1902, Библіографическія матеріалы, № XXI.

[2]) А. И. Соболевскій, Переводная литература Московской Руси, стр. 256—259.

лијес, пук, плијен, стаја, стијена и т. д. Въ синтаксисѣ также проявляется одна сербская особенность употребленіе формы дат. пад. безъ предлога при глаголахъ движенія, на вопросъ куда: возвратися *дому* ахавлю = everteret domum Achab (2 Паралип. XXII); обратися *Іерусалиму* = reversus est Ierusalem (1 Паралип. XXI). По всѣмъ этимъ основаніямъ, при полномъ отсутствіи полонизмовъ и чехизмовъ въ языкѣ перевода Веніамина, можно съ увѣренностію полагать, что этотъ славянинъ-католикъ былъ хорватъ-глаголитъ изъ приморской Хорватіи, хорошо знакомый съ церковно-славянскимъ языкомъ по своимъ богослужебнымъ книгамъ и, какъ католикъ, владѣвшій и латинскимъ языкомъ [1]).

Особенности языка Веніамина обрисовываютъ его обликъ и съ болѣе частныхъ сторонъ. Онъ часто передаетъ латинское *b* черезъ славянское в: Іоавъ, Аминадавъ, василика; латинское *c* черезъ к: Кисъ, кимбалъ, кентуріонъ. Отсюда можно заключить, что онъ зналъ греческій языкъ. Повидимому, есть у него слѣды знакомства съ итальянскимъ языкомъ (= фряжскимъ): ветигалъ = vestigal (1 Ездры IV), костелла = castra (1 Паралип. XXI). Церковно-славянскій языкъ того времени, помимо указанныхъ выше сербскихъ особенностей, содержитъ слѣды русскаго псковскаго нарѣчія: *кромъ* = arx, какъ въ псковскихъ лѣтописяхъ, *кремль* = castrum, *посадъ* = urbs, *ларецъ* = arca и т. п. [2]).

Причину появленія хорватскаго глаголита въ Новгородѣ А. И. Соболевскій указываетъ очень простую: онъ могъ придти сюда съ попыткой поискать счастья въ мало кому извѣстной тогда Россіи. Путь его изъ приморской Хорватіи могъ лежать чрезъ Прагу и Краковъ, гдѣ въ это время, повидимому, еще раздавалось славянское богослуженіе. Но намъ эта случайность кажется положительно невѣроятной. Чтобы случайный искатель приключеній такъ легко произвелъ завоеваніе своему духовному отечеству въ той области, на которую были обращены большія силы систематической атаки, это недопустимо. Да онъ и не можетъ быть названъ случайнымъ гостемъ: онъ

---

[1]) А. И. Соболевскій, указ. соч. 257—258 стр.

[2]) Мѣстныя особенности могли быть внесены въ переводѣ Веніамина его русскими сотрудниками—Димитріемъ Герасимовымъ и Власіемъ, на обязанности которыхъ могло лежать приближеніе его языка къ русскому.

былъ вполнѣ вооруженъ тѣмъ оружіемъ, какое требовалось для даннаго момента.

Мы не имѣемъ возможности сопоставить текста Геннадіевской Библіи въ частяхъ переводныхъ съ латинскаго съ текстомъ глаголическихъ хорватскихъ бревіаріевъ и миссаловъ: глаголическіе тексты съ латинскаго оригинала еще не изданы. Но мы произвели провѣрку правленной при Геннадіевскомъ собраніи книги Екклисіастъ съ глаголическимъ текстомъ I Вербницкаго бревіарія нач. XIV в. и отчасти (съ XIб) бревіарія собранія коллегіи пропаганды XV в., по изданію Вайса [1]), и можемъ свидѣтельствовать о значительной степени совпаденія текстовъ. И это въ особенности намъ кажется цѣнно потому, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ переводомъ съ греческаго: геннадіевскій списокъ книги Екклисіастъ взятъ былъ въ переводѣ съ греческаго и сопоставленъ съ глаголическимъ текстомъ, переведеннымъ съ латинской вульгаты. Совпаденія въ переводахъ до буквальности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ греческій и латинскій тексты представляютъ сходныя чтенія, по нашему мнѣнію, не случайно и свидѣтельствуютъ о вліяніи глаголическаго текста. Вотъ примѣры совпаденій:

Глаголич. текстъ нач. XIV в.	Геннадіевскій текстъ 1499 г.
Екклис. 1 4 род’ прѣходит’. род’ минует’. земла же въ вѣки стоит’.	род минуеть и род преходить, а землѧ в’ вѣкы стоить.
2 8 с’брах’ мнѣ сребро и злато и имѣниѣ цѣсаръ толи стран’. створих’ мнѣ пѣсни(вце) и пѣснивице.	и собрах же злато и сребро. имѣниа царь и странъ створи поющаѧ. моужска полоу и женска
2 19—18 емоуже трудихсе прѣбивае наслѣднику по мнѣ. егоже не знаю. аще мудр’ или безумн’ будущи ест’ в’звладаеть в’ трудѣх’ моих’. имиже потих’ се и печалн’ бѣх’	’яко ’оставлѧю ”е человѣкꙋ бꙋдꙋщомꙋ по мнѣ. яко то есть мꙋдръ ли бꙋдеть ли безуменъ ’и ’ѡбладаеᵀ ли имать всѣм трꙋдом моимъ еже мудрѡвахъ под солнцемъ.
2 26 чловѣку добро [2]) прѣд’ собою дает’ [3]) Бог’ моудрость и разоум’ и радост’	яко человѣкꙋ благо пред лицемъ его. да есть моудрость разꙋмъ и веселїе

[1]) Joseph Vajs, Glagolitica. Publicationes palaeoslavicae Academiae Veglensis, fascic. 2. Veglae, 1905.

[2]) Вульг. *bono*, греч. τῷ ἀγαθῷ. Ошибка въ переводѣ съ латинскаго передалась и переводу съ греческаго.

[3]) Вульг. dedit, греч. ἔδωκεν. Опять одинаковая ошибка!

Глаголич. текстъ нач. XIV в.

3 7—8. Врѣме разд'ртиѣ. и врѣме швениѣ. Врѣме мл'чаниѣ. и врѣме глаголаниѣ. Врѣме брани. и врѣме мира.

3 17 и рѣх' въ срдци моем'. прав(е)днаго и нечистиваго судит' господь

5 5—6 не дажд' уст' твоих' да створет' плът' твою. ни р'ци прѣд' алделом' нѣст' просмотрѣниѣ. еда прогнѣваетъ се на те богъ. и погубитъ вса дѣла рук' твоихъ'. Идѣже много сън', много и ешут'. и словеса неисчислна. ти же боисе бога.

7 17 не буди праведенъ' много. ни веле мудр'

11 1—5 Пошли хлѣб' твои на приходищих' вод'.

ѣко по мнозѣ временѣ обрещеши и. Даи чест' седму и още осму ѣко не знаеши которо хощет' бити зло на земли. Аще наплънени будут' облаци дъжда на землю излѣют'. аще падет' дрѣво на юго. или на буру. и в' которо любо мѣсто падет'. ондѣ будет'. Иже гледает вѣтра, не сѣет'. и иже гледает' облаки. николиже жънет'. Якоже не знаеши котори пут' духа. и которим' рачуном' с'ставляют се кости в чрѣвѣ трухлѣ. тако не знаеши дѣла божия. иже ест' с'здател' всѣх'

11 6 [2]). Съ ютра сѣи сѣме твое. и к вечеру да не престанетъ рука твоѣ. ѣко не вѣши

Геннадіевскій текстъ 1499 г.

времѧ въздрати, и времѧ сшити. времѧ млъчати и врѣмѧ глаголати... времѧ рати и времѧ мира.

'и рѣх 'аз въ сердци моем. съ праведными [1]) 'и съ нечестивыми сȣдит богъ

не даждь ȣстенъ своихъ съгрѣшати плоти своей. да не речеши пред лицем божїимъ. яко да невидѣнїе есть. еда прогнѣваетсѧ богъ о мысли твоеи. и растли[т] твоеѧ якоже въ множествѣ сънїи. и сȣетствїи. 'и слѡвесъ мнѡгъ. яко ты бога боисѧ.

не бȣди праведенъ велми, ни мȣдрисѧ велми.

Посли хлѣбъ твои на лице водѣ.

яко въ множествѣ и обрѧщеши. даждь часть седми и бойсѧ, ꙗко не вѣси, что бȣдеть лȣкаво на земли. Аще исплънятсѧ облаци дождѧ, на землю изливаютъ. и аще паде[т] древо 'ȣгом. 'аще ли на вѣрнѣ[м] мѣстѣ. 'идеже падеть древо. тоу бȣдеть. Блюдыи вѣтра не сѣет и смотрѧи въ ѡблакы не пожнет. в них же нѣсть воды (=вѣды). и что бȣдеть духа. яко кости ражающаѧ въ чревѣ. тако не разȣмѣеть дѣлъ божїихъ. елико же сотворити всѧчьскаѧ.

'и заȣтра сѣѧи сѣмѧ свое. и вечеръ да не оставлѧет рȣкы твоеѧ яко не вѣси которое

---

[1]) *Съ*—буквальный переводъ греч. σὺν: σὺν τὸν δίκαιον!

[2]) Глаголич. текстъ по сп. коллегіи пропаганды XV в.

Глаголич. текстъ нач. XIV в.	Геннадіевскій текстъ 1499 г.
котери веще изникнет сие или оно. аще ли обою вкупъ боле будетъ.	ꙋлучитсѧ се'ли или оно. 'аще ли 'обое вкꙋпѣ то благо.
11 7 слатка свѣтлостъ и угодна е(сть) очима слънце видити.	и сладко свѣтꙋ и благъ очима зрѣти и слънцем
11 8 Аще много лѣтъ живетъ чловѣкъ. и въ всѣх' ихъ весели бил би. споменутиемъ много вримене тамнаго. и днъ мнозихъ	ꙗко аще и лѣта многа живет. человѣкъ въ всѣх их възвеселитсѧ. и помѧнет дни тмы. ꙗко мнози бꙋдуть
11 9—10 Веселисе убо юноша въ юности твоеи и добро буди срце въ дни юности твоее. и ходи в нихъ срцемъ твоимъ и по гледанию очию твоею. и знаи. яко за все сие приведет те богъ на суд.	Веселисѧ ꙋното въ ꙋности своей. егда 'ꙋблажи[т] тѧ сердце твое въ день 'ꙋности твоеѧ 'и ходи въ пꙋтехъ сердца твоего. непороченъ. 'и в' видѣнии 'очїю своею разꙋмѣ яко о всѣх сих приведе[т] тѧ бог на сꙋдъ.
12 1 Помени Создателя твоего в дни юности твое преде неже придет врѣме умучениѣ и приближит се. от нихже речеши нѣстъ мнѣ угодни.	И помѧни створшаго тѧ въ день ꙋности твоеѧ дондеже не придꙋть днїе злобы и приспѣют лѣта и речеши ми нѣсть ми въ них хотѣнia
12 3 егда же подвижутсе страже дому и всколибают се мужи прѣкрѣпци и уб'ени будутъ мелющее прѣдобрѣем' числомъ и ота(м)нетъ зрѣще по *скважняхъ*.	вънже подвижетсѧ, стражїе домꙋ. и' развратѧтсѧ мꙋжи силы. ✱ ꙋпразднишѧсѧ мелѧщаѧ яко 'изнемогошѧ. и помрачатсѧ глѧдающїи *в скважнѧ*.
12 10—11 и написа словеса [глаголи] приправие и рѣсноти плни. Словеса премудрихъ *яко остни*	и написана правостїю словеса и'стин'ны словеса мудрыхъ '*яко остни*.

Какъ бы ни смотрѣть на соотношенія этихъ переводовъ, намъ кажется, все-таки нельзя не признать, что переработка геннадіевскаго списка считалась съ фразеологіей глаголическаго текста. Оставаясь по существу самостоятельной, вѣрной греческому чтенію, переработка эта проходила чрезъ призму хорватскаго словоыраженія, совершалась какъ бы подъ диктовку хорватскаго перевода и приспособленіе его къ формамъ церковно-славянскаго языка русскаго типа. Объясненіе буквальныхъ совпаденій случайностью, пользованіемъ однимъ и

тѣмъ же литературнымъ церковно-славянскимъ богослужебнымъ языкомъ, едва ли возможно: и общія ошибки въ переводѣ и одинаковое употребленіе рѣдкихъ словъ (*скважня*, *остьнъ*) и большая ясность и древность языка хорватскаго глаголическаго текста (12 10 *рѣснота*) не позволяютъ довольствоваться предположеніемъ случайности. Впрочемъ, повторяемъ, что степень вліянія глаголическихъ текстовъ въ геннадіевскомъ библейскомъ сводѣ можетъ быть установлена только послѣ уясненія глаголическихъ переводовъ съ латинскаго и сравненія ихъ съ такими же переводами съ латинскаго геннадіевской справы.

Искусная, тайная побѣда католическаго библейскаго канона надъ исконнымъ восточнымъ канономъ оказалась возможною, благодаря рѣшительной невнимательности и небрежности церковной власти того времени. Занятая борьбою съ «еретиками» своего времени—жидовствующими и съ идейными противниками имущественной политики церковной іерархіи и монастырей, какъ преп. Нилъ Сорскій съ его единомышленниками, московская церковная власть совершенно просмотрѣла свою обязанность слѣдить за чистотою источниковъ своего вѣроученія. Эту обязанность она оставила на попеченіе частной заботливости, совершенно не поинтересовалась этимъ дѣломъ, когда эта частная заботливость внесла коренной переворотъ въ этомъ источникѣ, и сама, безъ всякаго просмотра, затѣмъ, чрезъ 164 года, приняла это частное достояніе въ свои руки и издала его отъ своего имени, снабдила его своимъ авторитетомъ. До оцѣнки этой своей капитуляціи въ важнѣйшемъ пунктѣ своего исповѣданія, церковная власть никогда не доходила. Только общее опасеніе латинскаго наступленія вызвало въ XVII в. нѣкоторый отпоръ и критику латинскаго завоеванія въ этой области, результатомъ чего и явился знаменитый указъ Петра о возвращеніи славянской Библіи къ исконнымъ берегамъ греческаго текста LXX.

Для католиковъ эта мирная, добровольная сдача передовой позиціи православія была связана съ значительными выгодами въ послѣдующей исторіи. Мы уже упоминали, что непосредственно вслѣдъ за этой позиціей ими атакована была другая цитадель—богослужебныя книги—и завоеваніе ихъ въ этой области шло столь успѣшно, что потребовалось цѣлое народное движеніе въ XVII в., чтобы положить предѣлъ этому побѣдоносному шествію. Разумѣемъ оппозиціонный Никону, а

въ его лицѣ и всей іерархіи, недостаточно осмотрительной по части охраны восточнаго чина и строя въ церкви—расколъ старообрядчества. Какъ бы ни расцѣнивали внутреннія пружины этого движенія, нельзя отрицать, что недовольство исправленіемъ богослужебныхъ книгъ при Никонѣ опиралось на реальныя основанія оппозиціи. Книги правлены были по кіевскимъ могилянскимъ изданіямъ и греческимъ печатнымъ текстамъ, а по текстамъ этимъ—и греческимъ и кіевскимъ славянскимъ—весьма замѣтно прошлась рука католическаго исправителя. И народному движенію нельзя вынести одобренія за форму его противодѣйствія, но нельзя отказать въ извѣстной степени вполнѣ здоровой чуткости къ исконному, бытовому достоянію православія.

Согласіе въ составѣ славянской Библіи съ Библіей латинской не только идейно облегчило движеніе въ Россіи католическихъ идей и католическаго строя устраненіемъ одной изъ существенныхъ преградъ между вѣковыми вѣроисповѣдными и бытовыми разногласіями, — но стало однимъ изъ могучихъ орудій къ распространенію идей католичества. Оно давало высокую идейную опору тѣмъ домогательствамъ римской догмы и церковной дисциплины, какія, мы видѣли, со стороны католиковъ выдвигались передъ греками еще на флорентійскомъ соборѣ и какіе не могли найти для себя безъ высшаго священнаго авторитета болѣе или менѣе терпимаго пріема у русскихъ. Вотъ на чемъ обосновывались новые римскіе догматы въ XVII вѣкѣ передъ уніатами и передъ вовлекаемыми въ унію православными въ текущей, можно сказать, уличной литературѣ того времени.

Въ Сборникѣ Софійской библ. XVII—XVIII в. № 1536, л. 69—70, читаемъ: «О приношеніи за умершихъ, о чистцу, и о грѣшныхъ душахъ, гдѣ суть». Доказательства перваго, подготовительнаго къ ученію о чистилищѣ положенія, основываются на такихъ данныхъ: О *Товите* такъ мовитъ: «хлѣбъ твой со алчнимъ и со требующимъ яждъ, и отъ одѣнии твоихъ нагихъ одѣнь. Хлѣбъ твои и вино твое при погребении даваи праведнаго...» *Сирахъ* мовитъ (гл. 38): «Чадо, надъ мертвецемъ источи слезы и, яко злѣ стражда, начни плача, и якоже достоитъ ему, сокрый тѣло его, и не презри погребения его», и далѣе: «упокой мертвеца, кончай память его и утѣшися о немъ во исходе души его». «*Июда же Маккавеи* крепчайше моляше люди снабдѣти себе без грѣха, очима видяще бывшее грѣха

ради и сотворъ из мужей собрание у тваре, яко двѣ тисечи дидрахмъ сребра и посла во Іерусалимъ принести за грѣхи мертвыхъ жертвъ, предобре и угодне творя, и воскресении помышляя»... Послѣ этой подготовки дается главное разсужденіе: *Очистецъ*, *И гдѣжъ и которое писмо проповѣдаетъ чистецъ*... (л. 71 об.). Едва ли путь для такихъ разсужденій былъ бы такъ гладокъ, если бы народное русское сознаніе не было подготовлено къ нему предшествующею дѣятельностью въ духѣ флорентійскаго и тридентскаго соборовъ, т. е. сближеніемъ библейскаго канона русской церкви съ канономъ католическимъ, возведеніемъ нужныхъ для католической догмы писаній въ рядъ высоко авторитетныхъ *священныхъ* книгъ.

Послѣдующая исторія славянской Библіи въ московской Руси, въ XVI вѣкѣ, связана главнымъ образомъ съ дѣятельностью преподобнаго Максима Грека.

По существу его работа въ этой области относилась не къ тексту Библіи въ собственномъ смыслѣ, а къ изъясненію нѣкоторыхъ частей Библіи. По словамъ самого Максима въ его посланіи къ царю Ивану Васильевичу, онъ призванъ былъ въ Москву исключительно для перевода Толковой Псалтыри: «Ни во что же прочее потребенъ азъ благовѣрному и пресловутому граду Москвѣ, егоже получити желаніе мною грѣшникомъ, получилъ уже сокровище разума спасительнаго и неистощаема, глаголю же соборное толкованіе 150 боговдохновенныхъ псалмовъ» [1]). Въ дѣйствительности потребность въ толкованіяхъ на Москвѣ оказалась значительно шире, чѣмъ было заявлено Максиму при его вызовѣ, и ему пришлось дать здѣсь цѣлый рядъ другихъ толкованій и библейскихъ исправленій. Эти работы его были слѣдующія [2]).

1. Переводъ съ греческаго толкованія на Псалтирь. Свѣдѣнія о происхожденіи, времени перевода, именахъ переводчиковъ и нѣкоторыхъ толкователяхъ Псалтири даны Максимомъ Грекомъ въ предисловіи къ своей Толковой Псалтири [3]).

---

[1]) Сочин. Максима Грека, казанское изданіе, 2, 377—378.

[2]) Библіографія переводовъ Максима Грека въ значительной степени указана въ трудѣ С. А. Бѣлокурова—„Библіотека московскихъ царей“ и въ рецензіи на этотъ трудъ акад. А. И. Соболевскаго въ „Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи“, XIII, 280—281.

[3]) Списки Толковой Псалтири указаны въ значительномъ количествѣ въ работѣ С. А. Бѣлокурова. Укажемъ ближайшіе: Императорской Публ. Библ. XVI в. F. № 71, F. 1 № 415, F. 1 № 530 и др. Предисловіе къ Псалтири напечатано у Бѣлокурова, прилож. VI—VII.

Кромѣ этого, исторія перевода толковой Псалтири, значеніе ея и тѣхъ толкователей, изъ которыхъ она составлена, дается самимъ Максимомъ Грекомъ въ посланіи его къ великому князю Василію Ивановичу [1]). Въ посланіи, между прочимъ, указывается, что московское правительство переводомъ Псалтири намѣревалось достигнуть и нѣкоторыхъ высшихъ политическихъ цѣлей: возвысить достоинство новаго свободнаго царства внесеніемъ въ него духовнаго просвѣщенія. Толковая Псалтирь разсматривалась тогда какъ энциклопедія высшей мудрости, высшихъ озареній и созерцаній.

2. Переводъ съ греческаго толкованія на книгу Дѣяній Апостольскихъ. Трудъ этотъ былъ предпринятъ Максимомъ Грекомъ по просьбѣ митрополита Варлаама въ лѣто 7027, т. е. въ 1519 г. Ранѣе книга Дѣяній съ толкованіями была переведена на церковно славянскій языкъ только въ предѣлахъ первыхъ 13 главъ, 30 зачалъ. Варлаамъ просилъ Максима Грека докончить переводъ Дѣяній и провѣрить имѣвшійся переводъ. Максимъ сдѣлалъ дополнительный переводъ съ того же свода отеческихъ изъясненій (Catena in Acta ss. Apostolorum, изд. Cramer'a), съ какого переведена была начальная часть Дѣяній. По мѣстамъ, впрочемъ, пользовался онъ и толкованіями Өеофилакта Болгарскаго. Ранѣе переведенныя 13 главъ съ толкованіями Максимъ Грекъ исправилъ [2]).

---

[1]) Посланіе напечатано въ казанскомъ изданіи сочиненія Максима Грека въ II, стр. 296—319, а также ранѣе въ извлеченіи въ Описаніи рукописей Синодальной Библіотеки II. ч. 1, стр. 83—87. Въ извлеченіи также у Попова, Описаніе рукописей Хлудовской библіотеки, стр. 44—45.

[2]) Рукописи перевода Максима Грека на кн. Дѣяній Апостольскихъ съ толкованіями: повидимому, наиболѣе исправный текстъ даетъ рукоп. Кирил. Бѣлоз. библ. XVI в. № 24/149 (здѣсь въ записи о времени перевода, л. 181 об., указанъ 1520 годъ), Импер. Публ. Библ. F. 1 № 82, XVI в.—списокъ отличный отъ другихъ: здѣсь, послѣ Дѣяній, приведены толкованія на посланія соборныя и св. ап. Павла, зато въ началѣ опущены вступительныя статьи; Троиц.-Серг. Лавры № 118, отсюда запись издана у С. А. Бѣлокурова, прилож. CCLXIX стран.; Соловецкой библ. № 150 и № 151, запись о времени перевода въ отрывкѣ издана въ Описаніи рукоп. Соловецкой библ. I, стр. 177, годъ перевода показанъ 7028 (1520). Имена толкователей указаны въ № 151. Есть много и другихъ списковъ въ разныхъ книгохранилищахъ. Текстъ подлиннаго перевода Максима въ рукописяхъ не представляетъ различій, исправленныя же главы въ спискахъ разнятся. Исправленія состояли въ провѣркѣ по греческому тексту и обновленію языка (Солов. XV въ № 150 въ Дѣян. 3_2: старый переводъ *отъ влазящихъ*—Максимъ: *отъ входящихъ*). Историческое упоминаніе о переводѣ Максима Грека въ литературѣ:

3. Переводъ толкованій на евангеліе Матѳея и Іоанна. Въ предисловіи къ этому труду Максимъ Грекъ указываетъ содержаніе книгъ, свѣдѣнія о писателяхъ и толкователяхъ и время своего перевода (7032=1524 годъ). Для евангелія Матѳея переведено толкованіе св. Іоанна Златоуста. Бесѣды 45, видимо, не оказалось въ греческой рукописи, и Максимъ заимствовалъ ее въ «выкладѣ изъ латинскихъ книгъ князя Курьбскаго» [1]).

4. Исправленіе перевода Псалтири (безъ толкованій). Это исправленіе сдѣлано было Максимомъ Грекомъ по просьбѣ ученика его, Нила Курлятевыхъ въ 1552 году. Потребность въ исправленіи выясняется изъ современнаго сужденія упомянутаго ревностнаго ученика Максима, видимо, удрученнаго темнотою перевода Псалтири. Источникъ этой темноты онъ приписалъ обилію сербскихъ словъ въ переводѣ, внесенныхъ въ Псалтирь по его словамъ митрополитомъ Кипріаномъ [2]). Трудъ Максима состоялъ въ упрощеніи славянскаго текста Псалтири, въ его приближеніи къ тогдашнему виду языка. Образцы его исправленій даны въ Описаніи рук. Соловецкой Библ. I, подъ №№ 12 и 13. Въ разныхъ спаскахъ эти исправленія были неодинаковы. Повидимому, къ нимъ присоединялись исправленія и другихъ исправителей [3]).

Иконниковъ, Кіевск. Ун. Изв. 1866, 1866, отд. изд. стр. 117, Жмакинъ, митрополитъ Даніилъ и его сочиненія, Спб. 1881, стр. 160.

[1]) Рукописи толкованій на св. Матѳея и Іоанна—библ. Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ), нынѣ въ Синод. библ.. XVI в. №№ 79 и 82 (Бѣлокуровъ, указ. соч., прилож. CCLXX—CCLXXI); Импер. Публ. Библ. полный списокъ толкованій на св. Матѳея Іоанна Златоустаго въ 2-хъ книгахъ—собр. Погод. №№ 1147, 1148. Предисловіе къ переводу напечатано у Ягича — Изслѣдованія по русскому языку, т. I, 1895 г., стр. 626—631, а ранѣе—Изв. Импер. Акад. Н. т. VIII, стр. 321—326.

[2]) Рукоп. собр. гр. Уварова XVI в. № 14, въ записи: „Кипріанъ митрополитъ по-гречьски гораздно не разумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ же (аще и съ нами единъ нашь языкъ, сирѣчь словеньскыи, да мы говоримъ по своему языку чисто и шумно, а они говорятъ моложаво, и въ писаніи рѣчи наши не сходятся), и онъ мнилъся что поправилъ Псалмовъ по нашему, а болши неразуміе въ нихъ написалъ, въ рѣчахъ и въ словехъ, все по сербьскы написалъ; и нынѣ многыя у насъ и въ ся времена книги пишутъ, а пишутъ отъ неразуміа все по сербскы, и говорити по писму по нашему языку прямо не умѣютъ, и многыа неразумныа смущаются“,

[3]) Рукописи Псалтири, правленной Максимомъ Грекомъ: Софійской библ. № 1525, XVI в., Погод. собр. № 1143, 4°, XVI в.; здѣсь на л. 21 говорится, что исправленія Максима приспособлялись въ послѣдующее время даже къ печатнымъ изданіямъ Псалтири, напр., изд. Невѣжи Тимоѳеева, печатанной въ царство благовѣрнаго и христолюбиваго царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича въ лѣто 7100. Въ Соловецкой би-

Трудъ исправленія Псалтири исполненъ Максимомъ Грекомъ въ 1552 году [1]).

На составъ Библіи, на характеръ ея славянскаго текста переводы Максима Грека не могли оказать вліянія. Они стояли внѣ Библіи. Самое появленіе ихъ обусловливалось не библейскою любознательностью, а практическимъ требованіемъ богослужебнаго чина и церковной уставной учительности. Всѣ переведенныя Максимомъ Грекомъ толковыя священныя книги были назначены для рядовыхъ уставныхъ церковныхъ чтеній: *толковая Псалтирь* на воскресные и праздничные дни великаго поста; чтеніе назначалось послѣдовательное въ размѣрахъ двухъ или трехъ листовъ для утрени, двухъ для перваго часа и полуторыхъ листовъ для прочихъ часовъ; *Дѣянія Апостольскія*—на паннихидахъ бдѣній отъ Антипасхи до Пятидесятницы; для чтенія назначалось каждый разъ около восьми листовъ; отъ недѣли всѣхъ святыхъ до недѣли Вайй положены были на тѣхъ же бдѣніяхъ чтенія изъ посланій апостольскихъ, при чемъ, по прочтеніи всѣхъ посланій, они въ томъ же порядкѣ, начиная съ посланія къ Римлянамъ, повторялись; *Евангелія Матөея и Іоанна съ толкованіями* положены были для чтенія на утрени въ седмичномъ кругѣ въ такомъ порядкѣ: съ полунощницы, а иногда съ утрени Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ—толкованіе Златоуста на св. Іоанна; съ 1-го сентября по 20 декабря вторая книга толкованія Златоуста на св. Матөея (съ недѣли всѣхъ святыхъ до 1 сентября—толкованіе на посланіе къ Римлянамъ); съ 20 декабря до великаго поста—первая книга толкованій Златоуста на евангеліе Матөея [2]) *).

И. Евсѣевъ.

бліотекѣ списки—№№ 12 и 13. Вообще этихъ списковъ много въ разныхъ рукописныхъ собраніяхъ.

[1]) См. объ этомъ Соф. № 1525, л. 81, Погод. № 1143, л. 1 и др.

[2]) Въ славянскихъ типиконахъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь особенностей мы не могли найти: указанія о чтеніи Дѣяній и Толкованій на св. Матөея и Іоанна въ типиконѣ даются, но нѣтъ предписанія о чтеніи Толковой Псалтири. Не нашли мы этого предписанія и въ характерномъ, „собинномъ“ обиходникѣ Кириллова монастыря (Софійск. библ. № 1163, XV в.). Повидимому, это уставное требованіе было не въ общепринятомъ, а въ какомъ-либо монастырскомъ уставѣ. Мы заимствовали приведенную въ текстѣ систему чтеній, съ указаніемъ на Толковую Псалтирь, изъ предписаній греческаго устава (ср. ст. В. П. Виноградова „Уставныя чтенія“ въ Богословскомъ Вѣстн., іюль—авг. 1912 г., стр. 711—716).

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Климентъ александрійскій,—„Извлеченія изъ Θеодота" и „Избранныя мѣста изъ пророческихъ книгъ".

АЛЕКСАНДРІЯ, крупный культурный центръ, гдѣ сталкивались религіозныя воззрѣнія Востока и Запада, гдѣ теософическія системы Индіи, Халдеи и Египта и еврейская каббала входили въ соприкосновеніе съ лучшими плодами древне-греческой культуры, должна была, какъ это и a priori можно уже предполагать, явиться однимъ изъ главныхъ центровъ еретическаго гносиса, возникшаго на почвѣ стремленія создать такого рода систему, которая заключала бы въ себѣ рѣшеніе богословскихъ и космологическихъ проблемъ въ ихъ философской постановкѣ [1]).

Дѣйствительно, изъ Александріи вышли или жили и учили въ ней такіе видные представители гносиса, какъ Василидъ, сынъ его Исидоръ, Карпократъ и Епифанъ, Валентинъ и многочисленные ученики ихъ [2]). Богатые дарованіями, получившіе прекрасное образованіе [3]), плодовитые писатели [4]) эти вожди гносиса увлекали за собой вѣрующихъ и подчиняли себѣ представителей языческой мысли. Какъ велико было ихъ

[1]) Проф. В. В. Болотовъ, Лекціи по исторіи древней Церкви. Подъ ред. проф. А. И. Бриллiантова. II (Спб. 1910), 169—183; P. Wendland, Die hellenistisch-römische Kultur. Aufl. II—III. Tübingen 1912. S. 163—187.

[2]) Ср. Ириней, Adversus haereses I, XYIII Harvey I, p. 196; Климентъ ал., Str. III, II, 5 Stählin II, p. 197; Евсевій, H. E. IV, 7 Schwartz p. 129; Епифаній, Adversus haereses XXIV, XXXI и т. д.

[3]) Климентъ ал. Str. III, II, 5 Stählin II p. 197.

[4]) Климентъ ал. Str. II, VIII, 36; XX, 113 Stählin II p. 132, 174; III, I, 2; III, II, 5—9; VII, 59 St. II p. 223; IV, XII, 81—88; XIII, 89 St. II, p. 287; VI, VI, 52—53, St. II p. 458—459; Евсевій, H. E. IV, 7 Schwartz p. 129 — 130 Епифаній, Adversus haereses XXXII.

вліяніе въ Александріи и какое громадное значеніе имѣли они въ жизни Александрійской церкви, объ этомъ можно судить по той горячности, съ какою обычно спокойный и терпимый къ чужимъ мнѣніямъ [1]) Климентъ говоритъ о гностикахъ. Онъ рисуетъ ихъ, какъ людей исполненныхъ гордости и самодовольства, какъ людей, которые истину приносятъ въ жертву своему честолюбивому стремленію блистать среди толпы и на невѣжествѣ другихъ создаютъ свою славу. «Не возвращайся къ ересямъ, пишетъ знаменитый катехетъ: ибо онѣ, не зная сущаго Бога, всячески спорятъ [2]) (между собой)» [3]). Еретики «и не желаютъ обратиться къ истинѣ, потому что боятся отказаться отъ обмана своего самолюбія и не могутъ подтвердить свои мнѣнія, такъ какъ насилуютъ писаніе» [4]). Видя, что имъ угрожаетъ опасность не относительно одного (какого-либо) догмата, но относительно (самого) существованія ересей, то заботясь не о томъ, чтобы найти истину (ибо они пренебрегли какъ ничтожнымъ тѣмъ доступнымъ всѣмъ и готовымъ, что встрѣтили у насъ), но о томъ, чтобы превзойти общее вѣры, они удалились отъ истины. «Ибо, не изучивъ тайнъ церковнаго гносиса и не вмѣстивъ величія истины, по своему легкомыслію не дойдя до глубины вещей, поверхностно прочтя писанія, пренебрегли ими» [5]). «Итакъ, гордясь мнимой мудростью, они проводятъ жизнь въ спорахъ, очевидно, заботясь болѣе о томъ, чтобы казаться (философствующими), чѣмъ философствовать» [6]). И какъ дурныя дѣти запираютъ учителя, такъ и эти (еретики) исключаютъ изъ своей церкви пророчества, опасаясь изобличенія и наставленія. Они сочиняютъ многочисленныя лжи и вымыслы съ тою цѣлью, чтобы казалось, что они

---

[1]) Cp. W. Christ, Philologische Studien zu Clemens Alexandrinus. München 1900. S. 4; Cognat, Clément d'Alexandrie. Paris 1859. P. 25.

[2]) Ἐρίζουσι Stählin, Ἐθνίζουσι Mayor Ἐθίζουσι L.

[3]) Str. VII, XVI, 93 III p. 68 St.

[4]) Ibidem, 96. Что гностики, дѣлавшіе видъ, будто каждое ихъ слово утверждается на данныхъ Писанія (ср. Тертулліанъ, De praescriptionibns haereticorum, 15 Migne, s. lat. t. II, col. 33; De resurrectione carnis, 63 Migne, s. lat., t. II, coll. 886), въ дѣйствительности подходили къ священнымъ книгамъ съ твердо сложившимися, независимо отъ церковнаго ученія, своими личными воззрѣніями, объ этомъ, кромѣ Климента, свидѣтельствуетъ Ириней (ср. Adv. haeres. I, 6 Harvey I, p. 30—31; I, 15, H. I, p. 66—67; I, 20 H. I, 85—86; II, IX H. I, 273), Ипполитъ, Тертулліанъ, Оригенъ и др.

[5]) Ibidem 97. [6]) Ibidem, 98.

не принимаютъ писаній по разумнымъ основаніямъ. Такимъ образомъ, они нечестивы, потому что противятся божественнымъ заповѣдямъ, т. е. Св. Духу. Какъ пустыми миндалинами пазываются не только тѣ, въ которыхъ ничего нѣтъ, но также и тѣ, въ которыхъ сердцевина ни на что не пригодна,—подобно этому мы говоримъ, что еретики лишены воли Божіей и преданій Христовыхъ, являясь виновниками ученій горькихъ поистинѣ какъ горькій миндаль, кромѣ того, что, благодаря дѣйствію истины, они не могли отвергнуть или скрыть» [1]).

Такъ понимая дѣятельность вождей и руководителей гносиса, Климентъ необходимо долженъ былъ вступить въ литературную полемику съ ними, тѣмъ болѣе, что проблемы, служившія предметомъ его размышленій, были тѣ же, что и гностиковъ [2]), разрѣшались же имъ въ направленіи противоположномъ еретическому гносису. Въ Строматахъ Климента много мѣста отведено полемикѣ, и главными противниками, съ которыми александрійскій катехетъ не упускаетъ случая поломать копья, являются гностики. Многочисленные фрагменты, приводимые александрійскимъ катехетомъ изъ сочиненій послѣднихъ, для церковно-историческаго знанія имѣютъ громадное значеніе, такъ какъ они проливаютъ свѣтъ на одно изъ интереснѣйшихъ и въ то же время наименѣе обслѣдованное явленіе изъ исторіи древне-христіанской мысли и жизни. Но особенно важное значеніе въ этомъ отношеніи должно принадлежать двумъ отрывкамъ, которые какъ въ кодексахъ, такъ и изданіяхъ находятся послѣ VIII книги Строматъ. Первый изъ нихъ— «Извлеченія изъ сочиненій Өеодота и такъ называемаго восточнаго ученія временъ Валентина» (Ἐκ τῶν Θεοδότου καὶ τῆς ἀνατολικῆς καλουμένης διδασκαλίας κατὰ τοὺς Οὐαλεντίνου χρόνους ἐπιτομαί) обычно называется Excerpta ex Theodoto («Извлеченіе изъ Өеодота). Второй отрывокъ—«Избранныя мѣста изъ пророческихъ книгъ» (Ἐκ τῶν προφητικῶν ἐκλογαί) — обычно называется Eclogae propheticae.

По вопросу о томъ, что, собственно, представляютъ собою эти два отрывка, па Западѣ имѣется довольно обширный рядъ изслѣдованій, изъ которыхъ наиболѣе значительнымъ не по

[1]) Ibidem, 99.

[2]) Ср. Str. IV, I, 1—3. St. II p.: „Постиженіе міра (φυσιολογία-κοσμολογία καὶ θεολογία. Ср. Faye, Cl. d'Al. 79[2]) по канону истинно гностическаго преданія или скорѣе созерцаніе начинается ученіемъ о мірѣ, восходя отсюда къ познанію Бога“.

объему, конечно, но по основательности и вѣроятности рѣшенія данной проблемы является трудъ Arnim'a-De octavo Clementis Stromateorum libro (Rostochii 1894). Основной тезисъ этого изслѣдованія, получившій почти общее признаніе среди историковъ древне-христіанской литературы [1]), таковъ: Excerpta ex Theodoto и Eclogae propheticae представляютъ собой извлеченія изъ сочиненій гностиковъ, сдѣланныя Климентомъ.

I.

„Извлеченія изъ сочиненій Θеодота и такъ называемаго восточнаго ученія временъ Валентина".

Excerpta ex Teodoto даютъ изложеніе ученія Θеодота [2]) и другихъ представителей восточной школы валентиніанъ [3]). Соотвѣтственно характеру Exceptorum, изреченія приводятся въ нихъ то съ φησί [4]), то съ φασί [5]), то съ οἱ ἀπὸ Οὐαλεντίνου φασί [6]), то съ именемъ Θеодота [7]), какъ автора тѣхъ или иныхъ сообщеній. Совершенно особнякомъ стоятъ отдѣль-

[1]) Ср. E. Faye, Clément d'Alexandrie. Paris 1898 p. 84—86; Bardenhewer, Geschichte der altchristlichen Litteratur. Fr. im. Br. 1903. B I². S. 36—37; A. Harnack, Die Chronologie der altchristlichen Litteratur bis Eusebius, Leipzig 1904. B II, 18³; P. Barth, Die Stoa. Stuttgart 1908 S. 261⁹; H. Meyboom, Clemens Alexandrinus. Leiden 1912.

[2]) Θеодотъ только и извѣстенъ по этимъ „Извлеченіямъ изъ Θеодота". Предположеніе Zahn'a (Forschungen zur Geschichte des neutest. Kanons und der altchristlichen Litteratur T. III (1884) S. 125), что этотъ Θеодотъ тождественъ съ ученикомъ Павла Θеодой, котораго валентиніане называли учителемъ Валентина (Ср. Климентъ Ал., Strom. VI, XVII, 106 Stählin III p. 75), отвергнуто по достаточнымъ основаніямъ Harnack'омъ (Geschichte des altchristlichen Litteratur II, 1, 295). Ср. Bardenhewer, Geschichte I², 335.

[3]) Школа Валентина, распространившаяся около средины II вѣка почти по всей Римской имперіи, въ это же время распалась по вопросу о тѣлѣ Христа на двѣ самостоятельныхъ вѣтви: восточную (ἀνατολική) и италійскую (ἰταλιωτική)—западную. „Италійцы... говорятъ, что тѣло Іисуса было психическое...; восточные же говорятъ, что тѣло Спасителя было пневматическое" (Ипполитъ, Philosophumena VI, 35 –Migne XVI, 3, col. 3250). Главными представителями западной школы валентиніанъ были два личныхъ ученика Валентина (Origenes, Johannescommentar. II 8 Preuschen 70, 4) Гераклеонъ и Птолемей (Ср. Ипполитъ, ibidem), восточной—Аксіоникъ (вѣрный ученикъ Валентина—ср. Тертулліанъ, Adv. Valent. 4 Mg., s. lat. t. II, coll. 547) и Вардесанъ (Ипполитъ, ibidem).

[4]) 1, 25, 41. [5]) 29, 75, 79, 81. [6]) 2, 16, 28. [7]) 22, 26, 30, 32, 35.

ныя и краткія замѣчанія относительно василидіанъ [1]); въ остальномъ «Извлеченія изъ Θеодота» касаются валентиніановской школы. Сообщенія Климента различнаго рода. Они содержатъ иногда истолкованіе отдѣльныхъ мѣстъ Св. Писанія, иногда изложеніе воззрѣній гностиковъ. Тотъ, кто сообщаетъ намъ эти послѣднія свѣдѣнія, чувствуетъ себя въ противорѣчіи съ основными положеніями гносиса и присоединяетъ свои краткія замѣчанія къ тому или другому пункту изложенія. Онъ ставитъ иногда: ἡμεῖς δὲ, какъ нѣчто противоположное изложенному ученію, и пытается на основаніи Св. Писанія и разума обосновать свою точку зрѣнія. Такимъ образомъ характеръ этого фрагмента довольно пестрый: онъ то представляетъ собой объективное изложеніе догматовъ гносиса, то окрашиваетъ ихъ въ свѣтѣ субъективныхъ мыслей, то излагаетъ ихъ въ порядкѣ послѣдовательнаго и стройнаго развитія идеи, то прерываетъ ихъ рядомъ краткихъ замѣчаній, которыя не стоятъ ни въ какой связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Ясно, что авторомъ эксцерптовъ является не тотъ, кто желаетъ научить другихъ, но тотъ, кто прерываетъ изложеніе своими краткими замѣчаніями [2]).

---

§ 1. „Отче! говоритъ: въ руки твои предаю духъ Мой“ [3]). Софія, говоритъ (Θеодотъ), произвела Логосу тѣльце, духовное сѣмя [4]). Облекшись въ него [5]), Спаситель сошелъ (на землю). Поэтому во время страданій Онъ передаетъ Софію Отцу [6]),

[1]) 16, 28.

[2]) Ср. Heinrici, Die Ualentinianische Gnosis und die heilige Schrift. Berlin 1871. S. 88 ff. Переводъ Excerptorum ex Theodoto, который мы даемъ ниже, сдѣланъ нами по изданію O. Stählin'a: Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte herausgegeben von der Kirchenväter-Commission der königl. preussischen Akademie der Wissenschaft. B. 15. Clemens Alexandrenus. B. III, p. 105—133. Примѣчанія къ тексту отчасти взяты нами у Stählin'a, отчасти сдѣланы на основаніи личныхъ наблюденій.

[3]) Лк. XXIII, 46. Иное, по сравненію съ § 1, объясненіе даннаго текста см. ниже, въ § 62: „душа Христа, когда страдало Его тѣло, сама предала себя въ руки Отца“.

[4]) Ср. Ириней, Adversus haereses I 13 (Ed W. W. Harvey 1857 T. I, p. 60): „въ немъ (Спасителѣ) было духовное сѣмя, происшедшее отъ Ахамота (ἀπὸ τῆς 'Αχαμώθ)“.

[5]) Ср. Ипполитъ, Philosophumena VI, 34 Migne, s. gr., t. XVI col. 3250: „тѣло Христа было пневматическое“.

[6]) Отожествленіе Софіи и духовнаго сѣмени, которое мы встрѣчаемъ въ этомъ §, можетъ быть отмѣчено и у Ипполита, Philos. VI, 34 Mg., ibid., col. 3247: „Софія называется духомъ“.

чтобы получить ее отъ Отца и чтобы здѣсь не быть удержану [1]) лѣвыми (злыми) [2]) силами [3]). Такимъ образомъ все духовное сѣмя, избранныхъ [4]), передаетъ Онъ чрезъ приведенное изреченіе.

Избраннымъ сѣменемъ [5]) мы называемъ и искру возжигаемую [6]) Логосомъ, и зрачекъ глаза [7]), и зерно горчичное [8]), и закваску [9]), объединяющую въ вѣрѣ [10]), повидимому, раздѣленные народы.

§ 2. Валентиніане говорятъ, что когда было образовано тѣло психическое, то избранной душѣ, находившейся въ состояніи сна, вложено было Логосомъ сѣмя мужское, которое есть истеченіе ангельскаго, чтобы не было недостатка (въ немъ). И это сѣмя заквасило, объединяя то, что казалось раздѣленнымъ: душу и плоть, раздѣльно и созданныя Софіей. Сонъ же Адама былъ забытье души, которая не допускала, чтобы сѣмя духовное, вложенное въ душу Спасителемъ, отдѣлилось отъ нея. Это сѣмя было истеченіемъ мужского и ангельскаго сѣмени. Поэтому Спаситель говоритъ: „спасешься ты и душа твоя“ [11]).

---

[1]) μὴ κατασχεθῇ. Ср. § 22: „нуждался въ искупленіи и Іисусъ, чтобы не быть удержану Мыслію“.

[2]) Ср. Exc. ex Th. § 71.

[3]) Ἀριστερῶν δυναμέων. Этому чтенію, которое предлагаетъ Bernays у Bunsen'a (Anallecta Antenic. 1 p. 201) должно быть отдано предпочтеніе предъ чтеніемъ Potter'a (Opera Clementis Al. II p. 966), Dindorf'a (Opera Clem. Al. III, p. 424) и Stählin'a (Clemens Alexandrinus III, p. 105) потому что терминъ ἀριστερός валентиніане дѣйствительно примѣняли къ существамъ и силамъ (происшедшимъ отъ страсти и вещества) и, именно, такимъ, которыя противостояли Спасителю. Ср. Exc. ex Theodoto § 71;Ириней Ad. haereses I, 18.

[4]) Что избранные (ἐκλεκτοί) суть духовное сѣмя, см. ниже § 26: „видимой частью Іисуса была Софія и Церковь совершенныхъ сѣмянъ“; равно и у Иринея, Adv. haer. I, 10 (Hervey 1, 51): „ибо Диміурсъ не зналъ какъ Матери, такъ и сѣмени ея, которое и само, говорятъ они, есть Церковь, образъ горней Церкви“.

[5]) Ср. 1 Петр. II, 9. [6]) Ср. Исаія XLII, 3.

[7]) Второзаконіе XXXII, 10. [8]) Мѳ. XIII, 31.

[9]) Мѳ. XIII, 33. Совершенно иное значеніе закваски (τῆς ζύμης) въ истолкованіи валентиніанъ отмѣчаетъ Ириней Adv. haer. I, 16 (Harvey 72): „закваской же, учатъ валентиніане, названъ самъ Спаситель“.

[10]) Еф. IV, 13.

[11]) Данное изреченіе имѣетъ для себя двѣ каноническія параллели: ветхозавѣтную—Быт. XIX, 17 (LXX) σώζων σῶζε τὴν σεαυτοῦ ψυχήν, и новозавѣтную, въ основѣ которой, несомнѣнно лежитъ (ср. Лк. XVII, 31)

§ 3. Дѣйствительно, Спаситель придя пробудилъ душу отъ сна и возжегъ искру, ибо „глаголы Господа сила“ [1]). Поэтому Онъ сказалъ: „да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми“ [2]). И по воскресеніи Своемъ, вдунувъ апостоламъ Духа [3]), дунулъ отъ Себя землю, какъ пепелъ, и отдѣлилъ, возжегъ же искру и оживилъ (L: 'εζωποίει).

§ 4. По многому смиренію Господь явился не какъ ангелъ, но какъ человѣкъ, и когда во славѣ Онъ явился Апостоламъ на горѣ [4]), то не ради Себя сдѣлалъ это, но ради Церкви, которая есть „родъ избранный“ [5]), чтобы она узнала прославленіе Его по исходѣ изъ плоти. Ибо Онъ былъ горній свѣтъ, и явившееся во плоти и здѣсь видимое не ниже горняго [6]) и не отдѣлилось (отъ него) или перемѣстилось свыше сюда, мѣняя мѣсто за мѣстомъ, чтобы одно получить, а другое оставить, но сущее всюду было и у Отца и здѣсь [7]), ибо оно было силой Отца. Кромѣ того, должно было исполниться и это слово Спасителя, Который сказалъ: „есть нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь, которые не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ Сына Человѣческаго во славѣ“ [9]). Итакъ, увидѣли и скончались Петръ, Іаковъ и Іоаннъ.

§ 5 Почему (Апостолы), увидѣвъ свѣтлое зрѣлище, не были поражены, услыхавъ же голосъ, пали на землю? Потому что уши недовѣрчивѣе глазъ и неожиданный голосъ болѣе пугаетъ. Іоаннъ Креститель, услыхавъ этотъ голосъ, не испугался, потому что услыхалъ въ духѣ, привыкшемъ къ такого

Быт. XIX, 17—Лк. XVII, 32: μνημονεύετε τῆς γυναικὸς Λώτ, 33: ὅς ἐὰν ζητήσῃ τὴν ψυχὴν ἀυτοῦ σῶσαι κτλ. Ср. A. Resch, Agrapha. Aufl. II. T. und Untersuch. XXX, 3—4 S. 180—181. Hilgenfeld (Nov. Test. extra can. IV⁴ S. 44. 47) предполагаетъ, что данное изреченіе взято изъ „Евангелія отъ египтянъ“, и это предположеніе имѣетъ свое основаніе въ томъ фактѣ, что Ѳеодотъ, несомнѣнно, пользовался даннымъ евангеліемъ. См. § 67 Ср. I. H. Ropes, Die Sprüche Iesu, die in den kanonischen Evangelien sind. Texte und Unters. XIV, 2 S. 122—123; Resch, 180.

[1]) Лк. IV, 32. [2]) Мѳ. V, 16. [3]) Ін. XX, 22.

[4]) Мѳ. XVII, 1—8; Мрк. IX, 2—8; Лк. IX, 28—36. [5]) 1 Петр. II, 9.

[6]) I Тим. III, 16.

[7]) Ср. Str. VII, II, 5 (St. III, 5^{25}—6^{1}): „Сынъ Божій, не раздѣляемый, не разсѣкаемый, не переходящій съ мѣста на мѣсто, но сущій вездѣ и всюду и никогда необъемлемый“.

[8]) Δύναμις γὰς ἦν τοῦ πατρός. Ср. Str. VII, II, 7 (St. III, 7^{22}): „нѣкоторая отческая энергія—Сынъ“.

[9]) Мѳ. XVI, 28; Мр. IX, 1; Лк. IX, 27.

рода голосу [1]). Простой же человѣкъ услыхавъ былъ бы пораженъ. Поэтому Господь и говоритъ имъ: „никому не сказывайте о томъ, что видѣли“ [2]). Однако Апостолы не плотскими глазами увидѣли свѣтъ (ибо нѣтъ ничего родственнаго и близкаго между тѣмъ свѣтомъ и этой плотью), но сила и изволеніе Спасителя укрѣпили плоть для созерцанія. Кромѣ того, что увидѣла душа, она передала находившейся съ ней чрезъ сплетеніе въ общеніи плоти, „Никому не говорите“, чтобы узнавъ, кто есть Господь, не удержались наложить руку на Господа [3]) и не осталось бы неисполненнымъ домостроительство и смерть не отступила бы отъ Господа, ибо она напрасно испытывала бы Его безконечно. Одинъ голосъ на горѣ былъ уже уразумѣвшимъ призваннымъ, поэтому они и удивились, такъ какъ свидѣтельствуемъ былъ тотъ, въ кого они (и сами) вѣрили, другой же на рѣкѣ былъ имѣющимъ вѣрить, поэтому они, находясь подъ руководствомъ книжниковъ, и принебрегли этимъ голосомъ.

§ 6. Выраженіе: „въ началѣ было Слово и Слово было у Бога, и Слово было Богъ“ [4]), валентиніане понимаютъ такъ. Началомъ они называютъ Единороднаго, котораго и Богомъ исповѣдуютъ [5]), какъ Богомъ открыто называетъ его далѣе и Іоаннъ, говоря: „Единородный Богъ, сущій въ лонѣ Отца, тотъ явилъ“ [6]). Словомъ же „въ началѣ“, т. е. въ Единородномъ, въ Умѣ и Истинѣ, (Апостолъ) указываетъ на Христа, Логоса и Жизнь [7]). Поэтому справедливо (Ап. Іоаннъ) и Его (Логоса) назвалъ Богомъ сущимъ въ Богѣ Умѣ. Что находи-

---

[1]) Мѳ. III, 17; Мр. I, 11; Лк. III, 22. [2]) Мѳ. XVII; Мр. IX, 9.

[3]) Мѳ. XXVI, 50.

[4]) Гностическое истолкованіе Ін. I, 1 см. у Иринея Adversur haereses I, 18 (W. W. Harvey I, 75—80).

[5]) Ср. Ириней Adv. haer. I, 18 (Harvey 75—76): „Ученикъ Господа Іоаннъ, желая сказать о твореніи всего, во время котораго Отецъ произвелъ все, предполагаетъ нѣкоторое начало, прежде всего рожденное Богомъ, котораго и Сыномъ Единороднымъ и Богомъ назвалъ, въ которомъ Отецъ произвелъ все въ видѣ сѣмени“.

[6]) Ін. I, 18.

[7]) Ср. Ипполитъ Philosophumena VI, 31 (Migne, S. gr. t. XVI, 3 col. 3240): „Всѣ эоны прибѣгли съ молитвой (къ Отцу), чтобы Онъ успокоилъ печальную Софію, такъ какъ она плакала и скорбѣла о рожденномъ ею выкидышѣ—такъ называютъ (Энѳимисисъ). Отецъ, сжалившись надъ слезами Софіи и внявъ молитвѣ эоновъ, повелѣваетъ произвести еще;

лось въ Немъ, Логосѣ, было Жизнь [1]), Его сизигія [2]). Отсюда Господь и говоритъ: „Я есмь Жизнь“ [3]).

§ 7. Итакъ, невѣдомый Отецъ восхотѣлъ, чтобы эоны познали Его, и чрезъ помышленіе о Самомъ Себѣ, съ цѣлью познать Себя, Духъ познанія, сущаго въ гносисѣ, произвелъ Единороднаго. Такъ произошелъ и происшедшій отъ гносиса, т. е. отческаго Помышленія, гносисъ, т. е. Сынъ, потому что Отецъ былъ познанъ Сыномъ [4]). Духъ же любви, произойдя отъ Истины, какъ гносисъ отъ Помышленія, смѣшался съ духомъ познанія, какъ Отецъ съ Сыномъ, и Помышленіе съ Истиной. И Единородный Сынъ, пребывшій въ лонѣ Отца [5]), чрезъ гносисъ изъясняетъ эонамъ Помышленіе потому что Онъ произошелъ отъ Его лона; видимый же здѣсь не есть единородный, но апостоломъ исповѣдуется „какъ единородный“—„славу какъ единороднаго“ [6]), потому что одинъ и тотъ же есть и перворожденный среди твари [7]), и Іисусъ единородный въ Плиромѣ. Онъ таковъ, что можетъ обитать въ каждомъ мѣстѣ. И никогда нисшедшій не отдѣляется отъ пребывающаго. Ибо Апостолъ говоритъ: самъ восшедый и есть нисшедый [8]). Образомъ Единороднаго (валентиніане)

но не самъ, говоритъ, а Умъ и Истина произвели Христа и Св. Духъ. Ириней I, 4 (Harvey I, 20—21): „послѣ того, какъ Энѳимисисъ отдѣлился отъ плиромы эоновъ и мать его была возстановлена въ своей сизигіи, Единородный, сообразно предусмотрѣнію Отца, чтобы кто-либо изъ эоновъ не пострадалъ подобно ей, произвелъ другую сизигію: Христа и и св. Духъ, въ оплотъ и укрѣпленіе плиромы. Adv. haeres III. 11, 7 (Harvey II, 40): „Единородный есть начало, Логосъ же истинный сынъ Единороднаго“. Ibidem II, 13, 4 (Harvey I, 285): „отъ него (т. е. Ума), говорятъ они (валентиніане), произошли Слово и Жизнь,—создатели этой плиромы“. Ср. Ипполитъ, Philosophumena VI, 29 (Migne, S. gr. t. XVI, col. 3238): „И самъ (Умъ), подражая Отцу, произвелъ Логоса и Жизнь“. Origenes, Johannescommentar, II, 24 (E. Preushen, 81. 1—3).

[1]) Ср. Ін. I. 3 и сл.

[2]) Ср. Origenes, Johannescommentar, II, 24 (Preuschen 81, 4): „сигизія Логоса—Жизнь“... Ириней Adv. haeres. I, 18 (Harvey I, 77): „что было въ Немъ (Логосѣ), говоритъ (ев. Іоаннъ), есть жизнь. Здѣсь (св. Іоаннъ) указалъ, именно, на сизигію, ибо онъ сказалъ, что все произошло чрезъ Него, жизнь же находится въ Немъ“.

[3]) Ін. XI, 25; XIV, 6. [4]) Мѳ. XI, 27; Лк. XI, 22.

[5]) Ін. I, 18. [6]) Ін. I, 14.

[7]) Πρωτότοκος πάσης κτίσεως Кол. I, 15. [8]) Еф. IV, 10.

называютъ Димiурга [1]). Поэтому и дѣла образа тѣ же (что и первообраза) [2]).

Поэтому и Господь, сдѣлавъ образомъ духовнаго воскресенія мертвыхъ, которыхъ воскресилъ, воскресилъ ихъ не нетлѣнными по плоти, но имѣющими опять умереть.

§ 8. Мы же Богомъ въ Богѣ называемъ того же Логоса, о которомъ говорится, что Онъ находится въ лонѣ Отца [3]), безпредѣльный, неизмѣримый, единый Богъ. „Все чрезъ Него было“ [4]), т. е. по ближайшему дѣйствію того же Логоса—какъ духовное, такъ умопостигаемое и чувственное. Онъ нѣдра Отца явилъ [5]), Спаситель и Перворожденный [6]) всей твари [7]). Тотъ же Единородный, по безпредѣльной силѣ котораго дѣйствуетъ Спаситель [8]), этотъ есть свѣтъ [9]) Церкви, прежде находившейся воییракѣ и невѣдѣніи. „И тьма Его не объяла“ [10]): отступники и прочіе изъ людей не познали Его, и смерть не обладала Имъ.

§ 9. Вѣра не одна, но различны (вѣры). По крайней мѣрѣ Спаситель говоритъ: „да будетъ по вѣрѣ твоей“ [11]). Отсюда сказано: „званные съ пришествіемъ антихриста заблудятся, для избранныхъ же (это) невозможно“ [12]). Поэтому (Спаситель)

---

[1]) Ириней, Adv. haer. I, 9 (Harvey I, 43): „этотъ же (Димiургъ) былъ образомъ Единороднаго Сына, прочихъ же эоновъ—получившіе отъ нихъ бытіе архангелы и ангелы“; Ibidem II, 5, 2 (Harvey I, 266): „образъ Единороднаго, говорите мнѣ, произведенъ творцемъ“ (Спасителемъ,—ср. Adv. haer. I, 8 Harvey I, 41).

[2]) Διὸ καὶ αὐτὰ τῆς εἰκόνος τὰ ἔργα. Въ данномъ случаѣ мы принимаемъ чтеніе кодекса L, хотя оно и не является единственнымъ. Stählin ссылаясь на Usener'а, читаетъ это мѣсто такъ: δ. κ. λυτὰ τ. εἰκ. τ. ἔρ., и находитъ новозавѣтную параллель къ данному чтенію въ I Iн. III, 8. Bernays же, вмѣсто αὐτὰ и λυτὰ, читаетъ ἀργά.

[3]) Ср. Iн. I, 18. [4]) Ibid, 3. [5]) Ibid. 18.

[6]) Ὁ σωτὴρ καὶ πρωτότοκος κτλ. Между слова καὶ и πρωτότοκος въ кодексѣ L, а затѣмъ и во всѣхъ изданіяхъ твореній Климента помѣщена замѣтка читателя или переписчика на поляхъ слѣдующаго содержанія: „Исаія (говоритъ): „и воздамъ дѣла ихъ въ лоно ихъ“ (LXV, 7) въ мысль ихъ, которая находится въ душѣ, отъ которой первой исходитъ движеніе“.

[7]) Кол. I, 15.

[8]) Ср. ниже § 19: „сыномъ этого же Логоса называется Спаситель“.

[9]) Iн. I, 4. [10]) Ibid. I, ср. Ириней 18, 5. [11]) Ср. Мѳ. IX, 29.

[12]) Для этого изреченія, которое мы напрасно искали бы въ каноническихъ евангеліяхъ, Resch (S. 175—176) приводитъ рядъ параллелей изъ произведеній древне-христіанской церковной литературы: посланія

говоритъ: „если возможно, и избраннныхъ моихъ“. Снова: когда говоритъ: „изыдите изъ дома Отца моего“ [1]), званнымъ говоритъ. Снова: возвратившемуся съ чужбины и расточившему имѣнія своя, для котораго закололи откормленнаго теленка, призваніе говоритъ, равно и тогда, когда царь призвалъ на брачный пиръ находящихся на дорогахъ [2]). Итакъ, всѣ призваны одинаково „ибо (Богъ) посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ и солнцемъ сіяетъ на всѣхъ“) [3]), избираются же болѣе увѣровавшіе [4]), по отношенію къ которымъ (Спаситель) говоритъ: „Отца моего не видѣлъ никто, кромѣ Сына“ [5]): „вы свѣтъ міра“ [6]), и: „Отче святый, освяти ихъ именемъ Твоимъ“ [7]).

§ 10. Но ни духовное и умопостигаемое, ни архангелы, ни первозданные [8]), ни даже Онъ (Логосъ) не есть безъ образа и вида, безъ формы и безъ тѣла, но имѣетъ собственный образъ и тѣло, сообразно Его превосходству надъ всѣми духовными существами, равно какъ и первозданныя, сообразно ихъ превосходству надъ существами подчиненными имъ. Ибо рожденное вообще не лишено естества, но по образу и тѣлу оно не подобно тѣламъ, находящимся въ этомъ мірѣ. Здѣшнее бываетъ мужескаго и женскаго рода и различается между собой. Тамъ же единородный и собственно умопостигаемый, имѣющій свой видъ и свою сущность чистѣйшую и господственнѣйшую, ближайшимъ образомъ участвующій въ могуществѣ Отца; первозданные же, хотя и различаются числомъ и каждый изъ нихъ ограниченъ и описуемъ, но сходство предметовъ доказываетъ ихъ единство, равенство и подобіе. Ибо нѣтъ того, чтобы одному изъ семи первозданныхъ предоставлено было больше, другому меньше, и они не нуждаются ни въ какомъ преуспѣяніи, потому что съ (самаго) начала получили отъ Бога чрезъ Сына

Варнавы (XV, 5), Дидахи (XVI, 4), бесѣдъ Оригена на книгу пророка Іереміи (IV), Апостольскихъ Постановленій (VII, 32) и т. д.

[1]) Ін. II, 16. [2]) Мѳ. XXII, 9. [3]) Ср. Мѳ. V, 45.

[4]) Ср. Str. VII, II, 7 (St. III, 6, 29—7, 1—3). [5]) Ін. VI, 46.

[6]) Мѳ. V, 14. [7]) Ін. XVII, 11, 17.

[8]) Между οἱ ἀρχάγγελοι и οἱ πρωτόκτιστοι Bunsen предлагаетъ сдѣлать вставку οὐδέ. Достаточнымъ основаніемъ для различія архангеловъ и перворожденныхъ является § 12 этихъ же „Извлеченій изъ Ѳеодота“, гдѣ читаемъ: „перворожденные видятъ Сына и самихъ себя и существа стоящія ниже ихъ, какъ и архангелы перворожденныхъ (οἱ ἀρχάγγελοι τοὺς πρωτοκτίστους). Ср. § 27.

вмѣстѣ съ первымъ бытіемъ и совершенство. Онъ же называется „свѣтомъ неприступнымъ“ [1]), „какъ единородный [2]) и „перворожденный“ [3]), „то, чего глазъ не видѣлъ и ухо не слышало и на сердце человѣка не приходило“ [4]), и не будетъ таковаго ни среди первозданныхъ, ни среди людей. Они же „всегда видятъ лицо Отца“ [5]), лицо же Отца—Сынъ, чрезъ котораго познается Отецъ [6]). Итакъ, созерцающее и созерцаемое не можетъ быть безъ формы и вида. Видятъ глазомъ не чувственнымъ, но такимъ, какой далъ имъ Отецъ—умственнымъ.

§ 11. Когда Господь сказалъ: „не презирайте единаго изъ малыхъ сихъ, истинно говорю вамъ: ангелы ихъ всегда видятъ лице Отца“ [7]), то этимъ указалъ, что какова природа первозданныхъ, таковыми будутъ избранные, достигнувъ совершеннаго преуспѣянія: „Блаженны чистіи сердцемъ, ибо они Бога узрятъ“ [8]). Какъ же можетъ быть лицо у безтѣлеснаго? Небесныя тѣла благообразныя и умопостигаемыя видѣлъ Апостолъ. Какимъ же образомъ назывались бы и ихъ различныя имена, если бы они были не описуемы въ отношеніи формъ, образа и тѣла. „Иная слава небесныхъ, иная земныхъ“ [9]). Одна слава ангеловъ, другая архангеловъ. По сравненію со здѣшними тѣлами (напримѣръ, звѣздами), они кажутся безтѣлесными и безвидными, но, въ сравненіи съ Сыномъ, являются измѣримыми и чувственно воспринимаемыми тѣлами. Такъ и Сынъ по сравненію съ Отцемъ. Хотя каждое изъ духовныхъ существъ имѣетъ собственно силу и собственное домостроительство, но они не только вмѣстѣ произошли но и получили совершенство, общее и нераздѣльное служеніе.

§ 12. Первозданные видятъ Сына и самихъ себя и ниже стоящія существа, какъ и архангелы—первозданныхъ. Сынъ же, называемый лицомъ Отца, есть начало отческаго созерцанія. Ангелы—умопостигаемый огонь и умопостигаемые духи, очищенные въ отношеніи естества; высочайшее же нравственное преуспѣяніе—совершенный умопостигаемый свѣтъ отъ умопостигаемаго очищеннаго огня, „то, во что желаютъ проникнуть ангелы“ [10])—говоритъ (апостолъ) Петръ. Сынъ

---

[1]) 1 Тим. VI, 16. [2]) Ін. 14. [3]) Кол. 1. 15.
[4]) 1 Кор. II, 9. [5]) Мѳ. XVIII, 10.
[6]) Paed. I, 57; Str. V, 34; VII, 58; Exc. ex Th, 12: „Сынъ же, называемый лицомъ Отца, есть начало отческаго созерцанія“ Ср. ibidem, 23.
[7]) Мѳ. XVIII, 10. [8]) Мѳ. V, 8. [9]) 1 Кор. XV, 40.
[10]) 1 Петръ I, 12.

же еще чище этого огня, „свѣтъ неприступный" [1]) и „сила Божія" [2]) и, по Апостолу, мы искуплены Его „драгоцѣнною, непорочною" и чистою кровію [3]). „Одежды" Его просіяли какъ свѣтъ, лицо же какъ солнце [4]), на которое не легко смотрѣть.

§ 13. Онъ есть хлѣбъ небесный и духовная пища жизни изобильная для пищи и вѣдѣнія, свѣтъ людей, т. е. Церкви. Вкусившіе хлѣба небеснаго умерли, ядущій же истинный хлѣбъ духовный не умретъ. „Хлѣбъ живый" есть Сынъ, данный Отцемъ желающимъ вкушать. „Хлѣбъ, который я дамъ, говоритъ: плоть моя есть" [5]), или (хлѣбъ), которымъ питается плоть чрезъ евхаристію, или, что и вѣрнѣе, Его плоть есть тѣло Его, „которое есть церковь" [6]), „хлѣбъ небесный", благословенное собраніе, потому что избранные по своей сущности произошли изъ одного и того же естества и достигнуть того же самаго конца.

§ 14. Демоны называются безтѣлесными не потому, что они не имѣютъ тѣла (ибо они даже форму имѣютъ; поэтому и чувстнуютъ наказаніе), но, будучи тѣнью по сравненію съ духовными тѣлами спасаемыхъ, они называются безтѣлесными. И ангелы тѣлесны, поэтому они видимы. Но и душа тѣло. Поэтому Апостолъ (говоритъ): „сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное" [7]). Какимъ же образомъ наказываемыя души, будучи безтѣлесными, чувствовали бы (наказаніе). „Бойтесь", говоритъ (Спаситель), „могущаго послѣ смерти ввергнуть и душу и тѣло въ геенну" [8]). Ибо видимое не очищается огнемъ, но въ землю возвращается. Лазарь и богачъ прямо показываютъ, что душа есть тѣло съ тѣлесными членами [9]).

§ 15. „Какъ мы носимъ образъ перстнаго, будемъ носить и образъ небеснаго" [10]), духовнаго, дѣлаясь совершенными. (Апостолъ) снова говоритъ объ образѣ, потому что есть тѣла духовныя. И снова: „теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицомъ къ лицу" [11]). Ибо тот-

---

[1]) 1 Тим. VI, 16. [2]) Рим. I, 16. [3]) 1 Петр. I, 18—19.
[4]) Мѳ. XVII, 2. [5]) Ін. VI, 51.
[6]) Ср. Ін. VI, 51; пс. LXXVII, 24.
[7]) 1 Кор. XV, 44. [8]) Мѳ. X, 28; Лк. XII, 5.
[9]) Ср. Лк XVI, 24 [10]) 1 Кор. XV, 49.
[11]) 1 Кор. XIII, 12.

часъ же мы начинаемъ узнавать.... чье лицо, образъ, форма и тѣло. Форма созерцается формой и лицо—лицомъ и познаваемое познается въ отношеніи формъ и сущностей.

§ 16. И голубь, котораго одни называютъ Святымъ Духомъ, василидіане—слугой, валентиніане—духомъ Помышленія Отца, видимъ былъ какъ тѣло [1]), нисшедшее на плоть Логоса [2]).

§ 17. По ученію валентиніанъ, Іисусъ и Церковь и Софія есть возможное смѣшеніе всѣхъ тѣлъ. Человѣческое смѣшеніе изъ двухъ смѣшивающихся въ бракъ сѣмянъ совершаетъ бытіе одного ребенка, и тѣло, возвратившееся въ землю, смѣшивается съ землей и вода съ виномъ, но лучшія и болѣе превосходныя тѣла имѣютъ легкое смѣшеніе: духъ, напримѣръ, смѣшивается съ духомъ. Мнѣ же кажется, что въ данномъ случаѣ бываетъ не смѣшеніе, а подлѣположеніе. Конечно, не въ томъ смыслѣ, что божественная сила, поселившись въ душѣ, освящаетъ ее по мѣрѣ нравственнаго преуспѣянія. Богъ есть духъ и, гдѣ хочетъ, дышетъ [3]). Ибо сила распространяется не сообразно сущности, но соотвѣтственно силѣ и крѣпости; прилагается же духъ къ духу, какъ и духъ къ душѣ.

§ 18. Спаситель, сойдя на землю, видимъ былъ не только ангеламъ — поэтому они и благовѣствовали о Немъ [4])—но и Аврааму и остальнымъ праведникамъ сущимъ въ упокоеніи среди правыхъ [5]). Ибо сказано: (Авраамъ) радъ былъ увидѣть день мой [6]), т. е. пришествіе во плоти. Поэтому Господь возставъ благовѣствовалъ праведникамъ, сущимъ въ упокоеніи, и избавилъ и ввелъ [7]), и всѣ подъ сѣнью его будутъ жить. Ибо явленіе Спасителя здѣсь—тѣнь Его славы у Отца. Тѣнь же свѣта не мракъ, но сіяніе.

§ 19. „И слово стало плотію [8]), не только по явленіи (здѣсь на землѣ), сдѣлавшись человѣкомъ, но и въ началѣ тотъ же Логосъ (сталъ плотію), сдѣлавшись сыномъ въ переносномъ смыслѣ, но не по существу. И снова Онъ „сталъ плотію", дѣйствуя чрезъ пророковъ. Сыномъ же этого же Логоса называется Спаситель. Поэтому (сказано): „въ началѣ было

---

[1]) Ср. Мр. I, 10; Лк. III, 22; Ін. I, 32—33. Usener, Religeongeschichtliche Untersuchungen I, S. 57. Str. II, 36 (St. II, p. 132).

[2]) Ср. Ириней, Adv. haer. I, 13 (Harvey I, p. 58).

[3]) Ін. IV, 24; III, 8.

[4]) Ср. Лк. II, 10.

[5]) Ср. Мѳ. XXV, 33—34.

[6]) Ін. VIII, 56.

[7]) Ср. I Петр. III, 19; Str. VI, 46 (St. II, p. 454).

[8]) Ін. I, 14.

Слово и Слово было у Бога. Что было въ немъ, жизнь есть" [1]). Жизнь же есть Господь. И Павелъ (заповѣдуетъ): „облекись въ новаго человѣка созданнаго по Богу" [2]), т. е. вѣруй въ Него, Богомъ, по Богѣ и въ Богѣ созданнаго Логоса. „Созданное по Богѣ" можетъ показать цѣль преуспѣянія, которой человѣкъ намѣренъ достичь, равной съ „преслѣдуй цѣль, для которой ты созданъ". Гораздо яснѣе и опредѣленнѣе говоритъ (Апостолъ) въ другомъ мѣстѣ: „Онъ есть образъ Бога невидимаго"; затѣмъ прибавляетъ: „перворожденный всей твари" [3]). Ибо образомъ невидимаго Бога называетъ Сына того же Логоса, перворожденнаго всей твари, потому что рожденный безстрастно, Онъ былъ творцомъ и родоначальникомъ всякой твари и сущности. Въ немъ Отецъ все сотворилъ. Поэтому и говорится, что Онъ принялъ образъ раба, не только плоть по явленіи здѣсь, но и самое естество. Рабскимъ же это естество названо потому, что оно подвержено страданіямъ и подлежитъ дѣйствующей и главнѣйшей причинѣ.

§ 20. Выраженіе: „прежде денницы родилъ тебя" [4]) мы слышимъ относительно перворожденнаго Бога Слова, и „прежде солнца" и луны и всякаго созданія „имя Твое" [5]).

§ 21. Выраженіе „По образу Божію сотворилъ ихъ, мужеска и женска сотворилъ ихъ" [6]), говорятъ валентиніане, сказано о наилучшемъ произведеніи Софіи, мужское котораго—избраніе, женское же—призваніе. Мужскимъ они называютъ ангельское, женскимъ самихъ себя, совершенное сѣмя. Такимъ образомъ и при Адамѣ мужское сѣмя осталось у него, все же женское сѣмя, омужествленное имъ, сдѣлалось Евой, отъ которой (ведутъ начало) женщины, какъ отъ того мужчины. Мужское вмѣстѣ съ Логосомъ находится, женское же омужествленное объединяется съ ангелами и обитаетъ въ Пliромѣ. Поэтому говорится, что жена перемѣняется въ мужа и здѣшняя церковь въ ангеловъ [7]).

§ 22. И когда Апостолъ сказалъ: „иначе что дѣлаютъ

---

[1]) Ін. I, 1, 4. [2]) Еф. IV, 24. [3]) Кол. 1, 15.

[4]) Пс. CIX, 3. [5]) LXXI, 17. [6]) Быт. I, 27.

[7]) Ср. Origenes, Johannes-commentar VI, XX (Preuschen, 129, 21—22); ниже § 79: „пока сѣмя не имѣетъ еще образа, говорятъ, оно дитя женщины; получивъ же образъ оно перемѣняется въ мужа и дѣлается сыномъ жениха. Ср. Str. III, 92 (St. II p. 238).

крестящіеся для мертвыхъ“ [1]), для насъ, говоритъ, крестились ангелы, частью которыхъ являемся мы. Мы, умерщвленные этимъ состояніемъ, мертвы; мужскіе же, не причастные къ такого рода состоянію, живы. Если мертвые не воскресаютъ, то для чего и крестимся? Итакъ, мы воскреснемъ, возстановленные равноангельными мужскимъ, члены къ членамъ. „Крестящіеся же для (насъ) мертвыхъ“ ангелы крестятся, говорятъ (валентиніане), изъ-за насъ для того, чтобы и мы, имѣя имя, не встрѣтили препятствія со стороны Ороса и Креста проникнуть въ Плирому. Поэтому и при руковозложеніи въ концѣ говорятъ — „въ ангельское искупленіе“, т. е. въ то, которое и ангелы имѣютъ, чтобы получившій искупленіе былъ крещенъ тѣмъ же именемъ, какимъ крещенъ и его ангелъ. Ангелы въ началѣ крестились во имя сшедшаго на Іисуса въ видѣ голубя и искупившаго Его. Нуждается же въ искупленіи и Іисусъ, чтобы не быть удержану Мыслію, какъ говоритъ Ѳеодотъ.

§ 23. Валентиніане называютъ Іисуса Утѣшителемъ, потому что онъ пришелъ полный эоновъ, такъ какъ изъ цѣлаго (Плиромы) вышелъ. Ибо Христосъ, оставивъ произведшую Его Софію, придя въ Плирому, просилъ о помощи оставленной внѣ Софіи, и, съ согласія эоновъ, производится Іисусъ Утѣшитель оставленному эону. Во образъ же Утѣшителя Павелъ сдѣлался апостоломъ воскресенія. Немедленно послѣ страданій Господа и онъ посланъ былъ на проповѣдь. Поэтому и двояко проповѣдывалъ Спасителя, какъ рожденнаго и пострадавшаго чрезъ лѣвыхъ, потому что, имѣя возможность познать Его сообразно этому мѣсту, убоялись, и духовно изъ Св. Духа и Дѣвы, какъ познаютъ его правые ангелы. Ибо каждый по-своему знаетъ Господа, и не одинаково видятъ лицо Отца всѣ ангелы малыхъ сихъ, избранныхъ, имѣющихъ быть въ томъ же самомъ наслѣдіи и совершенствѣ. Лицо же (Отца)—Сынъ, и что постижимо въ Отцѣ, созерцаютъ, наученные Сыномъ; остальное же въ Отцѣ непознаваемо.

§ 24. Валентиніане говорятъ, что духъ, котораго каждый изъ пророковъ имѣлъ для своего служенія, излитъ на всѣхъ членовъ церкви. Поэтому и знаменія Духа: исцѣленія и пророчества, совершаются чрезъ церковь. Но они не знаютъ, что Утѣшитель, постоянно дѣйствующій теперь въ

[1]) I Кор. XV, 29.

церкви, одной и той же сущности и силы съ постоянно дѣйствовавшимъ въ Ветхомъ Завѣтѣ.

§ 25. Валентиніане опредѣлили ангела, какъ слово, имѣющее благовѣстіе о сущемъ. Они и эоновъ называютъ соименно Логосу логосами. Апостолы, говоритъ, перемѣщены на двѣнадцать знаковъ зодіака, ибо какъ послѣдніе управляютъ рожденіемъ, такъ апостолы наблюдаютъ за возрожденіемъ.

§ 26. Видимой стороной Іисуса была Софія и Церковь совершенныхъ сѣмянъ, въ которую облекся чрезъ тѣльце [1]) Спаситель, какъ говоритъ Өеодоръ. Невидимой же стороной Его было имя, которое есть „Сынъ Единородный". Поэтому, когда Господь сказалъ: „Я дверь", то это значитъ, что вы, совершенное сѣмя, дойдете до предѣла, которымъ являюсь Я. Когда же Онъ Самъ войдетъ, то вмѣстѣ съ Нимъ въ Плирому войдетъ и сѣмя, дверью собранное и введенное *).

Перев. **А. Сагарда.**

---

[1]) Ср. § 1.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

о догматическихъ воззрѣніяхъ Влеммида: въ то время, какъ одни изъ ученыхъ считаютъ Никифора совершеннымъ папистомъ въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, другіе, наоборотъ, признаютъ его вполнѣ православнымъ. Представителемъ перваго мнѣнія является Левъ Алляцій, которому слѣдуютъ Леммеръ и Ганебергъ. Г. Барвинокъ разсматриваетъ мнѣніе Алляція и послѣдователей и находитъ его неосновательнымъ и тенденціознымъ, какъ это доказалъ еще іерусалимскій патріархъ Досиѳей (1669—1707), вслѣдъ за которымъ православный образъ мыслей Влеммида оправдывали Евгеній Вулгарисъ, Икономосъ, Димитракопулосъ и другіе,— какъ видно изъ новыхъ доводовъ нашего автора. Переходя къ самостоятельной оцѣнкѣ вопроса, г. Барвинокъ описываетъ участіе Влеммида въ преніяхъ съ латинянами на соборахъ 1234 и 1250 годовъ и излагаетъ его богословствованіе о Св. Духѣ, руководясь, главнымъ образомъ, „Автобіографіей“ Влеммида, затѣмъ обозрѣваетъ его воззрѣнія по тому же вопросу въ „Словѣ“ къ болгарскому архіепископу Іакову и въ „Словѣ“ къ императору Ѳеодору Ласкарису и подробно разсматриваетъ содержаніе сочиненія „О вѣрѣ“, гдѣ излагается ученіе Влеммида о Святой Троицѣ и, въ частности, по вопросу объ исхожденіи Св. Духа. Въ заключеніе обзора догматико-полемическихъ и догматическихъ трудовъ Никифора Влеммида г. Барвинокъ справедливо говоритъ (стр. 170—171), что Влеммидъ отличался глубиною богословствованія въ сравненіи съ церковными писателями XIII в., но уступалъ въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ изъ послѣдующихъ писателей, напримѣръ, Іосифу Вріеннію. Тѣмъ не менѣе, заслуга Влеммида въ разъясненіи вопроса объ исхожденіи Св. Духа немаловажна. Въ этомъ ученіи Влеммидъ держался общецерковнаго вѣрованія, утвержденнаго на Священномъ Писаніи и опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ, защищалъ предвѣчное исхожденіе Св. Духа отъ одного Отца и посланничество его чрезъ Сына и отъ Сына и опровергалъ латинское ученіе о Filioque. Онъ также доказалъ, что выраженіе „Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына“ употреблялось въ твореніяхъ св. отцевъ и тогда, когда они вели рѣчь о вѣчномъ исхожденіи Св. Духа. Такимъ аргументомъ Н. Влеммидъ пролагалъ путь къ научно-богословскому раскрытію догмата объ исхожденіи Св. Духа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указы-

валъ православнымъ богословамъ на оружіе, при помощи котораго они могли съ успѣхомъ полемизировать съ латинянами, обосновывающими свое ученіе о Felioque не на твореніяхъ святыхъ отцовъ, а на „софистическихъ мудрствованіяхъ“. Наконецъ, въ дѣлѣ единенія церквей заслуга Влеммида состоитъ въ томъ, что онъ правильно указалъ на одинъ изъ основныхъ пунктовъ религіозной уніи между Востокомъ и Западомъ, опредѣливъ его въ указанномъ святоотеческомъ выраженіи, которое въ послѣдующую византійскую эпоху и служило главнымъ основаніемъ для фактическаго осуществленія уніональной проблемы, какъ это видно, напр., изъ твореній извѣстнаго византійскаго богослова эпохи Флорентійской уніи Іосифа Вріеннія. И въ недавнее время, „Международная конференція друзей церковнаго единенія“, состоявшаяся въ Боннѣ въ августѣ 1875 года, разсуждая о средствахъ къ возстановленію взаимнаго общенія и союза восточной и западной церквей, пришла къ той же мысли, какую еще въ XIII вѣкѣ высказалъ знаменитый Влеммидъ, а именно,— ученіе святыхъ отцовъ древней нераздѣленной церкви объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца чрезъ Сына есть единственный путь для соглашенія восточнаго ученія съ западнымъ по вопросу объ исхожденіи Св. Духа. Третій пунктъ принятой здѣсь согласительной формулы—„Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына“—представляетъ буквально выраженное ученіе, которое, на основаніи твореній Св. Іоанна Дамаскина и другихъ святыхъ отцовъ раскрывалъ и защищалъ Никифоръ Влеммидъ въ своихъ трудахъ, относящихся къ вопросу о церковной уніи между Востокомъ и Западомъ (стр. 85—172).

Вторую группу богословскихъ трудовъ Никифора Влеммида составляютъ сочиненія нравственно-аскетическія, при посредствѣ которыхъ этотъ выдающійся подвижникъ и добродѣтельный мужъ проводилъ свои морально-аскетическіе принципы въ окружающую среду. Къ такимъ сочиненіямъ относятся два: „О добродѣтели и аскетизмѣ—Περὶ ἀρετῆς καὶ ἀσκήσεως“ и „Окружное посланіе—Ἐπιστολὴ καθολικωτέρα“. Первое сочиненіе было написано Влеммидомъ въ послѣдніе годы его жизни, является дополненіемъ къ догматическому его трактату „О вѣрѣ“ и служитъ предсмертнымъ его завѣщаніемъ монахамъ обители „Θεοῦ τοῦ Ὄντος“. Здѣсь содержатся правила нравственности, которыми монахи должны руководиться въ

своей жизни послѣ смерти Влеммида, съ цѣлью достиженія нравственнаго совершенства. Въ частности, здѣсь рѣчь идетъ о необходимости молитвы, объ удаленіи отъ дурного общества и памятованіи о подвигахъ и добродѣтельной жизни праведныхъ мужей, о справедливости, цѣломудріи, духовномъ созерцаніи и смиреніи, какъ главнѣйшихъ иноческихъ добродѣтеляхъ, и о порокахъ, о пищѣ и одеждѣ монаховъ, о непрестанномъ бодрствованіи и т. д. „Окружное посланіе" было написано (1248—49 г.) Влеммидомъ послѣ того, какъ онъ изгналъ изъ церкви монастыря св. Григорія Чудотворца фаворитку императора Іоанна Ватаци—Фриггу, выясняетъ мотивы такого поступка аскета и содержитъ рядъ нравственныхъ наставленій для императора и современнаго византійскаго общества. Г. Барвинокъ представилъ это „Посланіе" полностію—въ русскомъ переводѣ (стр. 172—180).

Къ третьей группѣ богословскихъ трудовъ Влеммида относятся экзегетическія сочиненія, а именно: „Толковая псалтирь—Ἐξηγημένον ψαλτήριον", составленная въ 1232—33 г., когда Вламмидъ ревностно занимался изученіемъ Св. Писанія, и представляющая изъясненія всѣхъ псалмовъ, „Изъясненіе на нѣкоторые псалмы—Ἐξήγησις εἴς τινας τῶν ψαλμῶν", составленное въ обители Бога Сущаго (1249 г.) и имѣющее философскій характеръ, въ отличіе отъ перваго толкованія—богословскаго, и „Изъясненіе на пѣсни Моисея и другихъ—Σχόλια εἰς τὰς ᾠδὰς τοῦ Μωσέως καὶ τῶν ἄλλων", составленное въ 1232—33 г. и представляющее краткія толкованія на двѣ пѣсни Моисея, пѣснь Анны, матери Самуила, молитву пророка Аввакума и т. д. Послѣднее сочиненіе Влеммида еще не издано. Влеммидъ былъ однимъ изъ главныхъ византійскихъ экзегетовъ XIII в. и, какъ видно изъ разъясненій г. Барвинка, съ успѣхомъ выполнилъ экзегетическія задачи (стр. 180—184).

Четвертую группу богословскихъ произведеній Влеммида составляютъ сочиненія литургическія и церковно-поэтическія. Наиболѣе важны литургическіе труды Влеммида, которые занимаютъ, по сужденію г. Барвинка, первое мѣсто послѣ догматическихъ его произведеній. Изъ литургическихъ произведеній Влеммида первенствующее значеніе принадлежитъ сочиненію „Ἐκλογὴ ἐκ τῆς βίβλου τῶν ψαλμῶν", по названію Гейзенберга, или „Ἐκλογὴ στίχων ἐκ τοῦ ψαλτηρίου", какъ оно надписывается въ одной рукописи Аѳонскаго монастыря Дохіара

(№ 222—2896). Трудъ сохранился во многихъ греческихъ рукописяхъ, но въ печати онъ еще не изданъ. По своему содержанію это сочиненіе Влеммида представляетъ собраніе взятыхъ изъ Псалтири отдѣльныхъ стиховъ, которые расположены примѣнительно къ праздникамъ цѣлаго года и предназначены къ пѣнію за всенощнымъ бдѣніемъ, послѣ поліелея. Будучи предназначено для богослужебныхъ цѣлей, „Ἐκλογή“ Никифора Влеммида первоначально примѣнялось за богослуженіемъ только въ его обители Бога Сущаго, а затѣмъ стало примѣняться и въ другихъ монастыряхъ Византіи, но уже послѣ смерти Влеммида, когда его монастырь потерялъ самостоятельность и былъ упраздненъ, а монахи разошлись по другихъ византійскимъ обителямъ. Съ теченіемъ времени „Ἐκλογή“ Влеммида мало-по-малу вошло въ составъ всенощнаго бдѣнія, какъ необходимая его часть, и къ концу XIV в. стало употребляться въ монастыряхъ всей Византіи. Сдѣлавшись составной частью всенощнаго бдѣнія въ Греческой церкви, „Ἐκλογή“ Никифора Влеммида потомъ стало примѣняться за богослуженіемъ и въ другихъ церквахъ. Сначала оно появилось въ Южно-Славянскихъ церквахъ, а затѣмъ и въ Русской. По этой причинѣ „Ἐκλογή“ Влеммида можно находить во многихъ славянскихъ и русскихъ рукописяхъ богослужебнаго характера и Слѣдованной Псалтири. „Ἐκλογή ἐκ τῆς βίβλου τῶν ψαλμῶν“ Влеммида представляетъ собою, такъ называемые „Псалми избранніи въ праздники Господскія и во дни нарочитыхъ святыхъ“, или точнѣе—„Избранныя отъ псалмовъ стихи“, которые „поются по поліелеи, во владычныя праздники, и во вся святыя имущія поліелей“. Теперь избранные псалмы печатаются въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ (Слѣдованная Псалтирь и Ирмологій) безъ имени Никифора Влеммида, но въ славяно-русскихъ рукописяхъ они надписываются его именемъ. Нашему автору извѣстно до 60 рукописей, въ которыхъ избранные псалмы надписаны именемъ Никифора Влеммида. Кромѣ того, существуетъ немало такихъ рукописей, въ которыхъ избранные псалмы не надписаны именемъ Никифора Влеммида, но принадлежность ихъ послѣднему—несомнѣнна, въ виду тождества ихъ по содержанію съ избранными псалмами, надписанными именемъ Влеммида. По своему содержанію избранные псалмы, какъ въ греческихъ рукописяхъ, такъ и славяно-русскихъ, не всегда одинаковы, при чемъ составъ избранныхъ псалмовъ

въ болѣе позднихъ по написанію славяно-русскихъ рукописяхъ гораздо шире состава ихъ въ рукописяхъ греческихъ и древнѣйшихъ славяно-русскихъ, какъ то и другое подтверждается представленными г. Барвинкомъ примѣрами. Другимъ существеннымъ различіемъ въ составѣ избранныхъ псалмовъ, находящихся въ греческихъ и славяно-русскихъ рукописяхъ, являются т. н. „величанія" на двунадесятые Господскіе и Богородичные праздники и въ честь святыхъ, которыя въ славяно-русскихъ рукописяхъ также надписываются именемъ Никифора Влеммида. Но,—какъ видно изъ доводовъ г. Барвинка,—„величанія" Влеммиду не принадлежатъ; авторами ихъ являются валашскій монахъ Филоѳей и нѣкій блаженный Макарій. Что касается Никифора, то онъ былъ авторомъ избранныхъ псалмовъ на всѣ двунадесятые Господскіе и Богородичные праздники, св. Предтечѣ и Крестителю Господню Іоанну и такъ называемыхъ Общихъ избранныхъ псалмовъ для прославленія памяти пророковъ, апостоловъ, святителей, мучениковъ, преподобныхъ и безплотныхъ силъ. Въ указанномъ составѣ избранные псалмы Никифора Влеммида находятся въ древнѣйшихъ греческихъ и славяно-русскихъ рукописяхъ и въ этомъ же составѣ они первоначально употреблялись за богослуженіемъ какъ въ Греческой церкви, такъ и въ Русской. Но послѣдующая судьба избранныхъ псалмовъ въ той и другой церкви неодинакова. Тогда какъ въ Греческой церкви избранные псалмы Влеммида примѣняются за богослуженіемъ лишь въ монастыряхъ и преимущественно на Аѳонѣ,—въ Русской церкви тѣ-же псалмы хотя и находятся во всеобщемъ богослужебномъ примѣненіи, но въ сокращенномъ видѣ. Печатаемые въ настоящее время, какъ и раньше, въ русскихъ изданіяхъ Слѣдованной Псалтири избранные псалмы съ величаніями значительно отличаются отъ состава ихъ въ рукописяхъ и прежнихъ изданіяхъ, причемъ различіе касается надписанія, состава и числа стиховъ избранныхъ псалмовъ,—какъ это видно изъ представленныхъ г. Барвинкомъ примѣровъ. Впервые надписаніе избранныхъ псалмовъ именемъ Влеммида было исключено въ Псалтири, напечатанной въ Москвѣ въ 1658 г., составъ и число стиховъ ихъ значительно сокращены и сдѣланы другія измѣненія; съ того времени избранные псалмы печатались во всѣхъ послѣдующихъ Московскихъ изданіяхъ въ томъ видѣ, какъ они появились въ Псалтири 1658 г. Въ юго-за-

падныхъ изданіяхъ Псалтири тѣ и другія измѣненія въ составѣ избранныхъ псалмовъ произошли послѣ 1722 года. Лишь у старообрядцевъ, да въ Московскихъ единовѣрческихъ изданіямъ Слѣдованной Псалтири съ 1823 по 1906 годъ избранные псалмы сохранили надписаніе имени Никифора Влеммида и древній ихъ составъ до 1658 года. Такимъ образомъ, въ Русской церкви избранные псалмы Никифора Влеммида не сохранились въ первоначальномъ видѣ. Только находящіеся въ греческихъ и древнѣйшихъ изданіяхъ Псалтири избранные псалмы болѣе соотвѣтствуютъ оригиналу „Ἐχλογὴ" Никифора Влеммида.

Другимъ произведеніемъ литургическаго характера является „Типиконъ" Влеммида, или уставъ для устроеннаго имъ монастыря Бога Сущаго. Но изъ этого устава сохранилась лишь четыре главы — IV, IX, XI и XIII, а изданы Гейзенбергомъ толко три послѣднія. Въ частности, девятая глава говоритъ „о приходящихъ къ монашеству", одиннадцатая—„о пищѣ подвижниковъ" и тринадцатая—„о совершеніи богослуженія безъ пѣсней и о всякомъ благолѣпіи въ храмѣ". Г. Барвинокъ подробно излагаетъ содержаніе этихъ главъ устава Влеммида, и въ частности сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о воспитаніи дѣтей въ монастырѣ, которыхъ, по воззрѣнію Влеммида, надлежитъ обучать „наукамъ и искусствамъ". Вообще, предписанія устава Влеммида отличаются строгостью и ригоризмомъ.

Наконецъ, Влеммидъ извѣстенъ и какъ пѣснописецъ, хотя его произведенія не были вполнѣ оригинальными, а написаны по подраженію св. Іоанну Дамаскину. „По своему внѣшнему построенію пѣснопѣнія Влеммида отличаются искуственностью, проявляющейся въ образныхъ выраженіяхъ, сравненіяхъ, уподобленіяхъ, противоположеніяхъ и другихъ риторическихъ пріемахъ. Въ отношеніи же содержанія они проникнуты духомъ благочестія, глубиной и возвышенностью мыслей, а по мѣстамъ—теплотою и искренностью чувства. Изъ сохранившихся церковно-поэтическихъ произведеній Никифора извѣстны—послѣдованія св. Григорію Богослову и св. Григорію Чудотворцу (Неокесарійскиму), два гимна (Σὺ Κύριε μόνος ἀγαθὸς и Εἰς τὸν ἄναρχον Θεὸν καὶ Πατέρα) и нѣсколько молитвъ, употреблявшихся за богослуженіемъ въ обители Влеммида. Г. Барвинокъ сообщаетъ свѣдѣнія о времени составленія этихъ произведеній, о содержаніи ихъ и значеніи (стр. 185—220).

Къ пятой группѣ богословскихъ трудовъ Влеммида относятся сочиненія гомилетическія и церковно-историческія. Въ молодости Никифоръ Влеммидъ былъ патріаршимъ логоѳетомъ, на обязанности котораго лежало и составленіе катихизическихъ поученій для народа. Но отъ этого періода дѣятельности Влеммида не сохранилось ни одного проповѣдническаго труда. Нынѣ извѣстно только одно гомилетическое его произведеніе, составленное не ранѣе 1250 года, именно—„Похвальное слово въ честь великаго апостола и св. евангелиста Іоанна Богослова“. Это слово еще не издано и характеризуется нашимъ авторомъ по описанію Гейзенберга. Слово состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ въ первой излагается жизнь св. апостола, а во второй выясняется догматическое ученіе о Лицѣ Господа Іисуса Христа, причемъ основная мысль этого догматическаго изслѣдованія выражается въ положеніи, что „все происходитъ отъ Отца чрезъ Слово или Сына—πάντα παρὰ τοῦ Πατρὸς διὰ τοῦ Λόγου ἢ διὰ τοῦ Υἱοῦ γίνεσθαι“. Гезейнбергъ относитъ „Похвальное слово“ въ честь св. евангелиста Іоанна къ числу лучшихъ произведеній Никифора.

Къ церковно-историческимъ сочиненіямъ Влеммида относятся „Житіе св. Павла Латрскаго“ и „Два автобіографическихъ очерка“. „Житіе св. Павла“ еще не издано и описывается нашимъ авторомъ на основаніи научной литературы вопроса. Вѣроятно, „Житіе“ было составлено Влеммидомъ не ранѣе 1250 года, на основаніи матеріала, собраннаго во время подвижничества въ Латрской обители св. Павла, и предназначено было для назиданія и поученія иноковъ обители Влеммида. Что касается двухъ краткихъ автобіографическихъ очерковъ Влеммида—Περὶ τῶν κατ'αὐτὸν διήγησις μερική, λόγος πρῶτος“ и „Περὶ τῶν κατ' αὐτὸν διήγησις, λόγος δεύτερος“, то они изданы Гейзенбергомъ и имѣютъ очень важное научное значеніе. Первый очеркъ былъ написанъ Влеммидомъ въ маѣ 1264 года, а второй—въ апрѣлѣ 1265 года,—съ цѣлью устранить пробѣлы перваго разсказа и дополнить его; кромѣ того, второй очеркъ былъ предназначенъ для образованныхъ читателей, тогда какъ первый имѣлъ въ виду читателей простыхъ. Автобіографія Влеммида сообщаетъ много интересныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній какъ о личности и дѣятельности писателя, такъ и о церковныхъ и политическихъ событіяхъ на Востокѣ въ XIII вѣкѣ. Г. Барвинокъ подробно

говоритъ о научномъ значенiи этого памятника и опредѣляетъ степень его достовѣрности, чѣмъ и заканчиваетъ второй отдѣлъ своего изслѣдованiя (стр. 220—229).

Богословскими трудами не ограничивалась научно-литературная дѣятельность Влеммида, который одновременно занимался и писалъ по вопросамъ политики и философiи. географiи, астрономiи и медицины, составлялъ привѣтственныя стихотворенiя и оставилъ громадную переписку съ друзьями. Предметомъ *третьяго* отдѣла въ изслѣдованiи г. Барвинка и служатъ сочиненiя Влеммида свѣтскаго характера.

Къ числу произведенiй этого рода относится, прежде всего, политическiй трактатъ "Βασιλικὸς 'Ανδριάς", посвященный Влеммидомъ своему воспитаннику императору Ѳеодору II Ласкарису. Влеммидъ поставилъ своей задачей начертать въ этомъ трудѣ идеалъ василевса,—показать, какимъ долженъ быть царь, дабы онъ могъ служить образцомъ всѣхъ добродѣтелей и быть по-внутреннимъ своимъ качествамъ настолько же прекраснымъ, насколько прекрасна по внѣшнему своему виду статуя знаменитаго древне-греческаго скульптора Поликлета. Такая литературная задача Влеммида обусловливалась какъ общественно-политическимъ его служенiемъ отечеству, порабощенному въ то время латинянами и сильно нуждавшемуся въ авторитетной и просвѣщенной правительственной власти, такъ и субъективными его отношенiями къ молодому царю Ѳеодору Ласкарису, на котораго современное византiйское общество возлагало большiя надежды въ связи съ возстановленiемъ разореннаго царства. „Βασιλικὸς 'Ανδριάς" Влеммида представляетъ глубокое отраженiе патрiотическаго настроенiя писателя, его горячей любви и преданности отечеству, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и выдающихся познанiй въ области политическихъ вопросовъ. Трактатъ состоитъ изъ четырнадцати главъ и подробно излагается г. Барвинкомъ. Писатель говоритъ здѣсь о томъ, какихъ пороковъ долженъ избѣгать царь и въ какихъ добродѣтеляхъ долженъ совершенствоваться, каковы должны быть его обязанности къ народу и каковъ вообще долженъ быть нравственно-политическiй идеалъ царя. По сужденiю Влеммида, „царю необходимо упорядочитв, прежде всего, себя самого, а потомъ уже управлять и подданными". Въ частности, онъ долженъ имѣть искреннюю вѣру и любовь къ Богу, отличаться цѣломудрiемъ, смиренiемъ, кротостью, щедростью,

правдивостью, избѣгать гордости, гнѣва, скупости и другихъ пороковъ. Въ основѣ отношеній царя къ подданнымъ должна находиться философія, понимаемая не какъ совокупность отвлеченныхъ идей, а какъ проникновеніе въ истинную сущность вещей и наилучшее познаніе жизненныхъ дѣлъ. Для блага имперіи царь съ особой внимательностью долженъ прислушиваться къ совѣтамъ мудрыхъ людей, быть осторожнымъ въ выборѣ совѣтниковъ и друзей, назначать честныхъ судей и достойныхъ чиновниковъ, содержать войско и флотъ и т. д.

Изложивъ содержаніе политическаго трактата Влеммида, г. Барвинокъ потомъ сопоставляетъ его съ „Политикой“ Платона, съ рѣчью „О царствѣ“ Синесія Киренскаго, впослѣдствіи епископа Птолемаидскаго, произнесенною въ 399 г. предъ императоромъ Аркадіемъ, и съ трудомъ Макіавелли „Государь“, посвященнымъ Лаврентію Великолѣпному (1448—1492 г.), причемъ отдаетъ преимущество трактату Влеммида какъ по его задачѣ, такъ и по блестящему ея выполненію. Влеммидъ ярко начерталъ идеалъ царственнаго лица, многія черты котораго не потеряли своего значенія и въ настоящее время. Какъ „поучительное слово, осуждающее зло и восхваляющее добро“, трактатъ „Βασιλικὸς Ἀνδριάς“, соотвѣтствовавшій нуждамъ греческаго общества въ XIII в. и цѣнный по своему содержанію, получилъ распространеніе въ народѣ и увеличилъ славу Влеммида, какъ мудраго политика и блестящаго писателя (стр. 230—299).

Изъ философскихъ сочиненій Влеммида болѣе важными слѣдуетъ признать „Сокращенную логику“ (Ἐπιτομὴ λογικῆς) и „Сокращенную физику“ (Ἐπιτομὴ φυσικῆς), написанныя имъ въ качествѣ учебниковъ для своихъ учениковъ. Логика была составлена не ранѣе 1238 г. (и не въ 1235 г., какъ думаетъ первый издатель ея Wegelinus), когда Влеммидъ, по назначенію императора Іоанна Ватаци, выступилъ въ должности учителя философіи. Послѣ 1250 г. онъ дополнилъ ее и предназначилъ для учениковъ школы въ монастырѣ Бога Сущаго. Логика Влеммида въ большей своей части представляетъ сокращенное изложеніе „Organon'a“ Аристотеля и „Isagoge“ Порфирія, — какъ это показываетъ и самое названіе сочиненія. Въ своемъ трудѣ Вламмидъ проводитъ мысль, что логика есть одно изъ лучшихъ средствъ для достиженія истины; а такъ какъ стремленіе къ истинѣ есть стремленіе

къ Богу, Который есть истина, то тщательное изученіе логики является дѣломъ совершенно необходимымъ. Логика Влеммида состоитъ изъ предисловія и 40 главъ. Въ предисловіи рѣчь идетъ преимущественно о пользѣ для человѣка философіи, которая есть самая важная изъ наукъ, стоитъ во главѣ всѣхъ искусствъ и знаній и опредѣляетъ законы развитія послѣднихъ. Будучи необходимо для всякаго человѣка, философское познаніе особенно полезно для правителя народа. Когда царствованіе,—говоритъ Влеммидъ,—бываетъ соединено съ философіей, то получается власть наиболѣе совершенная, подобная власти Божіей, которая только и можетъ дать людямъ счастье на землѣ и вѣчное блаженство на небѣ. Только царь—философъ можетъ хорошо управлять своими подданными. Въ первой и второй главахъ логики рѣчь идетъ объ опредѣленіи и раздѣленіи, о чемъ у Аристотеля говорится мало, такъ что эти главы являются, по мнѣнію Вегелина, наиболѣе цѣнными въ трудѣ Влеммида. Главы III—VII можно назвать введеніемъ къ логикѣ Влеммида. Здѣсь говорится объ опытномъ познаніи, о различіи между искусствомъ и знаніемъ, о способностяхъ души (III), о шести опредѣленіяхъ философіи—у Пиѳагора, Платона и Аристотеля (IV), о различіи понятій (V), о семи философскихъ школахъ (VI), о раздѣленіи философіи на теоретическую и практическую и о подраздѣленіи на части той и другой (VII). И эти главы, особенно седьмая, являются самостоятельными и свидѣтельствуютъ о значительной философской начитанности Влеммида. Дальнѣйшія главы логики Влеммида представляютъ заимствованія изъ сочиненій Аристотеля или Порфирія. Такъ, глава VIII есть сокращенное изложеніе первой главы сочиненія Аристотеля „О категоріяхъ“, главы IX—XIII представляютъ сокращенное изложеніе первой части „Εἰσαγωγή“ Порфирія, главы XIV—XXV—дальнѣйшее сокращеніе сочиненія Аристотеля „О категоріяхъ“, главы XXVI—XXX являются сокращеннымъ изложеніемъ сочиненія Аристотеля „Объ истолкованіи“, главы XXXI—XXXVI заимствованы Влеммидомъ изъ „Первой аналитики“ Аристотеля, а главы XXXVII—XXXIX—изъ сочиненія Аристотеля „Опроверженіе софистовъ“. Глава XL самостоятельна и ведетъ рѣчь о предложеніи, категорическомъ и условномъ силлогизмахъ и о софистическихъ доказательствахъ.

„Сокращенная физика“ Влеммида посвящена обзору зако-

новъ и явленій міра физическаго, написана въ 1252 году и представляетъ переложеніе „Физики“ Аристотеля, а также его сочиненій — „Метафизика“, „Категоріи“, „Топика“, „О душѣ“, „О возникновеніи и уничтоженіи“, „Метеорологія“, „Космосъ“, „О небѣ“, и „Этика“. Кромѣ того, Влеммидъ при составленіи своего труда имѣлъ въ виду сочиненія Платона, Птолемея, Евклида, Плинія, Овидія, Плотина и нѣкоторыхъ другихъ писателей,—пользовался твореніями святыхъ Василія Великаго и Іоанна Дамаскина и бл. Августина, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, приводитъ тексты Священнаго Писанія. Въ отличіе отъ логики, физика Влеммида не имѣетъ единства въ содержаніи: здѣсь, на ряду съ вопросами о мірѣ физическомъ, сообщаются свѣдѣнія по географіи, астрономіи, астрологіи и богословію,—но съ цѣлью лучшаго уясненія нѣкоторыхъ болѣе общихъ вопросовъ. Главнымъ же предметомъ физики Влеммида служитъ ученіе объ основныхъ началахъ и причинахъ въ природѣ, а затѣмъ ученіе объ элементахъ и явленіяхъ міра физическаго. Физика состоитъ изъ 32 главъ, но послѣдняя глава представляетъ толкованіе на восьмой псаломъ и содержитъ размышленія писателя о Божіемъ всемогуществѣ. Въ частности, въ физикѣ Влеммида рѣчь идетъ о естественныхъ началахъ и причинахъ, о матеріи и формѣ, о движеніи, мѣстѣ и времени, о кометахъ и млечномъ пути, о землетрясеніи, воздухѣ, звѣздахъ и т. д. Вообще, физика свидѣтельствуетъ объ обширныхъ познаніяхъ Влеммида относительно видимаго міра, а равно о критическомъ его отношенія къ научному матеріалу.

Логика и физика Влеммида, представляя переложеніе сочиненій Аристотеля, написаны въ доступной и простой формѣ, снабжены многими пояснительными примѣчаніями и въ свое время были весьма полезны въ качествѣ руководствъ для изученія философіи Аристотеля. Поэтому онѣ имѣли большое распространеніе въ Византіи и оказали вліяніе на дальнѣйшее развитіе философской мысли не только на Востокѣ, но и на Западѣ. Въ частности, логика сдѣлалась „основой обученія“ и „любимѣйшимъ учебникомъ“ въ византійскихъ школяхъ, какъ свидѣтельствуютъ многочисленные, сохранившіеся до нашего времени, списки этого труда Влеммида въ библіотекахъ какъ Востока, такъ и Запада. Логика, а равно физика Влеммида переписывались въ греческихъ монастыряхъ даже въ XVIII вѣкѣ. И на Западѣ оба труда Влем-

мида долго пользовались уваженіемъ ученыхъ и, несомнѣнно, оказали долю своего вліянія на развитіе здѣсь философской мысли, какъ это отчасти раскрылъ Прантль. По его сужденію, „логика Влеммида есть одна изъ лучшихъ книгъ этого рода“. Дрэзеке отмѣтилъ, что Влеммидъ своей логикой надолго пріобрѣлъ себѣ признательность потомства. А Гейзенбергъ говоритъ, что „логика и физика Влеммида въ теченіе многихъ вѣковъ пользовались самымъ широкимъ распространеніемъ и доставили автору безсмертное имя“.

Изъ другихъ философскихъ сочиненій Влеммида извѣстны трактаты „О душѣ—Περί ψυχῆς“ и „О тѣлѣ—Περὶ σώματος“. Сочиненіе „О душѣ“ было написано Влеммидомъ въ мартѣ 1263 г., представляетъ переложеніе въ простой и ясной формѣ аналогичнаго труда Аристотеля и предназначено для учениковъ его школы. Вслѣдъ за Аристотелемъ, Влеммидъ даетъ въ своемъ трудѣ научное обоснованіе психологіи,—разъясняетъ терминъ ψυχή, даетъ опредѣленіе самой души и различаетъ душу животныхъ и человѣка, разсматриваетъ силы души и говоритъ о безсмертіи души человѣка и о воскресеніи. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ (напримѣръ, объ индивидуальномъ безсмертіи души человѣка) Влеммидъ расходится съ ученіемъ своего руководителя Аристотеля. Сочиненіе „О тѣлѣ“ было написано Влеммидомъ въ апрѣлѣ 1267 года въ дополненіе къ физикѣ и также предназначено было для учениковъ. Задачей сочиненія служитъ разсмотрѣніе вопроса „о тѣлесныхъ началахъ и элементахъ“, ихъ опредѣленіе и подробное указаніе ихъ соединеній. Но это сочиненіе, какъ и трудъ Влеммида „О душѣ“, не имѣло въ Византіи большого распространенія и было извѣстно преимущественно среди его учениковъ.

Такимъ образомъ, Никифоръ Влеммидъ въ своихъ философскихъ трудахъ примыкалъ къ той византійской философской школѣ, которая утверждалась на философіи Аристотеля и вращалась преимущественно въ сферѣ его научныхъ проблемъ. Но Влеммидъ былъ знакомъ и съ философіей Платона, которая вдохновила на научные труды такихъ представителей философскаго мышленія въ Византіи, какъ Михаилъ Пселлъ, Іоаннъ Италъ, Θеодоръ Метохитъ, Гемистъ Плиθонъ. Въ дѣлѣ популяризаціи философскаго ученія Аристотеля Влеммидъ оказалъ большую услугу византійскому обществу (стр. 299—322).

Третью группу сочиненій Влеммида свѣтскаго характера составляютъ его письма. Въ настоящее время издано въ печати 33 письма Никифора—къ императору Ѳеодору Ласкарису (31), деспоту Михаилу (1) и патріарху Михаилу (1), да извѣстны еще 49 писемъ къ Никифору Влеммиду—отъ императора Ѳеодора (48) и нѣкоего Саввы (1). Эта обширная переписка имѣетъ важное научное значеніе. Г. Барвинокъ опредѣляетъ въ своемъ трудѣ хронологію писемъ, излагаетъ ихъ содержаніе, характеризуетъ взаимныя отношенія Влеммида и имератора Ѳеодора по ихъ письмамъ, а равно и личность обоихъ корреспондентовъ и опредѣляетъ историческое значеніе всей переписки (стр. 322—345).

Къ четвертой группѣ относятся поэтическія произведенія Никифора свѣтскаго характера, а именно—два стихотворенія къ императору Іоанну Дукѣ, одно къ императору Ѳеодору II Ласкарису, одно въ честь св. Димитрія, два въ прославленіе монастыря Сосандръ и одно въ честь Николая епископа Меѳонскаго, ревностнаго защитника православія. Г. Барвинокъ и здѣсь отмѣчаетъ хронологію произведеній, излагаетъ ихъ содержаніе и на основаніи стихотвореній кратко характеризуетъ Никифора Влеммида, какъ поэта (стр. 345—350).

Къ пятой группѣ относятся географическія сочиненія Влеммида, который написалъ два труда: „Исторія земли—Ἱστορία περὶ τῆς γῆς“ и „Всеобщая географія—Γεωγραφία συνοπτική“. Оба сочиненія были назначены Влеммидомъ для его учениковъ, первое—для учениковъ младшаго возраста, а второе—старшаго. Въ первомъ сочиненіи кратко говорится оба отношенія земли къ другимъ планетамъ, о ея величинѣ и измѣреніи, о круглой ея формѣ, долготѣ и широтѣ и о продолжительности дня въ разныхъ мѣстахъ. Сочиненіе было составлено около 1241 года, когда въ его школу поступилъ будущій императоръ Ѳеодоръ Ласкарисъ. Задача второго сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы „описать всю вселенную и показать, на какія части она дѣлится, и какіе на ней находятся племена, города и рѣки“. Оно составлено по руководству географическаго сочиненія Діонисія Періигита. Истинное значеніе географическихъ трудовъ Влеммида опредѣлилъ Крумбахеръ, который говоритъ, что въ XIII в. въ области географическихъ познаній въ Византіи былъ упадокъ, и только комментарій Евстаѳія на Діонисія и два гео-

графическія сочиненія Никифора Влеммида восполняютъ пробѣлъ того времени. Но „Γεωγραφία συνοπτική“ содержитъ матеріалъ и для исторической географіи южной Россіи, какъ это уже показалъ въ своихъ трудахъ по этому предмету академикъ В. В. Латышевъ (стр. 350—355).

Далѣе, Никифору Влеммиду принадлежитъ нѣсколько небольшихъ сочиненій по медицинѣ („Обозрѣніе цѣлебныхъ средствъ“, „О крови“ или „Правило о кровопусканіи у больныхъ“, „О мочѣ“, „Объ обученіи врачебному искусству“—всѣ еще не изданы), астрономіи („Περὶ μετεώρων“) и естественнонаучнымъ вопросамъ („Περὶ χρυσοποιίας“ и др.). Въ частности, сочиненія по медицинѣ составлены для учениковъ, а нѣкоторыя изъ нихъ написаны даже въ формѣ церковныхъ пѣснопѣній, вѣроятно, съ цѣлью лучшаго ихъ запоминанія (стр. 356—360).

Наконецъ, г. Барвинокъ указалъ нѣсколько сочиненій („Περὶ φυλακῆς καρδίας“, De operatione dinina methodus, De mysteriis и пр.), которыя ошибочно приписываются Никифору Влеммиду (стр. 360—363).

Въ заключеніи изслѣдованія высказывается общій взглядъ на личность Никифора Влеммида. Влеммидъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ византійскихъ дѣятелей XIII вѣка. Это былъ человѣкъ высокообразованный и талантливый, глубоко вѣрующій богословъ и суровый аскетъ, ревностный поборникъ православія, опытный наставникъ юношества, великій патріотъ, честный, суровый и неподкупный представитель византійскаго церковнаго общества, выдающійся дѣятель византійской науки и литературы. Историческая его дѣятельность тѣмъ болѣе знаменательна, что падаетъ на критическій періодъ въ исторіи Византіи, въ судьбѣ которой онъ и прославилъ себя заслугами какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданско-политическомъ отношеніи. Его имя неразрывно связано съ политическою дѣятельностью императоровъ Никейской эпохи Іоанна Ватаци и Ѳеодора II Ласкариса, а его защита православія, охраненіе православныхъ догматовъ и каноновъ, участіе въ уніональныхъ преніяхъ, суровое подвижничество, упроченіе монашескаго быта, просвѣщеніе молодежи въ духѣ православія и церковности и разнообразные научно-богословскіе труды характеризуютъ Влеммида, какъ наиболѣе виднаго носителя и выразителя византійской православной церковности въ средневѣковую